

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

СУЖДЕНО ВЫЖИТЬ

18+

Илья Земцов

Илья Земцов
Суждено выжить

«ЛитРес: Самиздат»

1970

Земцов И. А.

Суждено выжить / И. А. Земцов — «ЛитРес: Самиздат», 1970

Более 20 лет ушло на написание этих мемуаров, еще больше – на их издание. В советские годы рассказать правдивую историю Великой Отечественной войны мешала цензура. Сейчас ее нет, как и самого автора. Илья Александрович Земцов (1918-2000) встретил войну на границе с Восточной Пруссией. Далее его жизнь похожа на остросюжетный фильм: здесь и разведка на оккупированных территориях, и побег из плена, партизанское движение, штрафбат, счастливые осечки, ранение и госпиталь. Всего не перечислишь. Что бы ни происходило, герой проявляет стойкий характер, жизнелюбие и отличное чувство юмора. Содержит нецензурную брань.

© Земцов И. А., 1970

© ЛитРес: Самиздат, 1970

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	17
Глава пятая	20
Глава шестая	38
Глава седьмая	51
Глава восьмая	60
Глава девятая	71
Глава десятая	75
Глава одиннадцатая	95
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Глава первая

Наш пехотный полк размещался в небольшом уральском городе Белорецк, который был расположен в долине, окаймленной со всех сторон горами. По горным склонам росла редкая сосна. Она поднималась до самых вершин гор. Прикрытые зеленым сарафаном, хаотически разбросанные валуны и разрушенные действием солнца, ветра и дождя целые громады горного камня. Если смотреть из города на горы, то поросшие сосной склоны создавали приятный ландшафт. Оценить его красоту мог не только художник, но и простой смертный. Здесь, в этих горах, берет свое начало река Белая.

За полтора года солдатской жизни мы привыкли и даже полюбили этот маленький город. С его замечательным искусственным озером, созданным руками человека на Белой. По центральной улице мы проходили ежедневно два раза, так как полк размещался в двух казармах в разных концах города. Солдатская столовая находилась в центре. По военному уставу, созданному маршалом Тимошенко, наш солдатский день был хорошо утрамбован. Мы ежедневно занимались военными науками и играми по 12 часов в сутки, исключая часы приема пищи и вечерней переключки. Зимой, в сорокаградусные морозы, мы уходили в горы, делали шалаши, оборудовали огневые точки. Приблизительно к фронтовым условиям две недели не пользовались живительным теплом огня. Нас закаляли по всем пунктам устава, вырабатывали выносливость, из нас делали настоящих солдат, подготовленных к боям в любых условиях. За две зимы, 1939-40 и 1940-41 годов, мы облазили на животах, по-пластунски все близлежащие горы. Ходили пешком через горные хребты до Магнитогорска, до станции Запрудовка и измаранного цементной пылью города Катав-Ивановск. Закалка и выносливость не всем прививались хорошо. Многие болели, лечились и снова закалялись.

В начале апреля 1940 года к нам в пополнение прибыли участники Финской войны, в основном младшие и средние командиры. Многие из них были награждены медалями и орденами. Мы с детской завистью смотрели на них. Война в нашем представлении походила на тактические занятия и маневры. Участники войны держались с нами свысока и называли нас "салажата".

За все трудное, но нужное я полюбил суровые с дикой природой горы и долины Южного Урала. Летом нас увозили в чудесный военный лагерь "Алкино", который находился в роще из вековых дубов в степной части Башкирии. Мощные трехсотлетние дубы с громадными кронами защищали наши палатки от знойного солнца, ветра и непогоды. С большим трудом объемистое расписание занятий полковой школы укладывалось в продолжительный летний день. Применительно к боевой обстановке устраивались состязания по многоборью между ротами, батальонами и полковой школой. Выявлялись выносливые, физически крепкие красноармейцы и младшие командиры. Из них командование полка организовало специальный взвод для участия в соревнованиях по многоборью в дивизии. Я тоже был занесен в этот список. Со всего полка набралось 30 ребят. Начались тренировки. Мы ежедневно за два часа проходили 25 километров в полной боевой выкладке с преодолением препятствий: переправа через реку с изготовлением плотов из подручных материалов; преодоление двухметрового забора, рва шириной 2 метра; проход по восьмиметровому бревну на высоте 1,8 метра от земли; колотье чучела и фехтование с живым врагом. Последнее – стрельба в движущуюся мишень на расстоянии 200 метров пятью патронами. В период тренировок ребята из батальонов освожились от занятий. Нам, курсантам полковой школы, после каждого комплекса тренировок был положен отдых до обеда, на что затрачивалось около трех часов. Затем мы шли на занятия в полковую школу. Нашему взводу многоборья пророчили большое будущее. На пятнадцатый день мы укладывались в положенное время. В последние дни перед состязанием выполняли весь комплекс многоборья с небольшим опережением.

Настал долгожданный день соревнований. Взвод выстроили перед штабом полка. С напутственной речью перед нами выступил командир полка полковник Волков. Комиссар и начальник штаба говорили с каждым в отдельности. Мы искренне заверили, что не посраим полк, и первое место в дивизии будет нашим. Вышли на стартовую площадку, на которой было выстроено четыре взвода. От каждого полка по взводу. Наш взвод пустили первым. Через 10 минут за нами пошел следующий. Маршрут был установлен один для всех. Мы шли первые, отдавая все силы. Нас никто не обгонял, а пришли последние. Начальство полка долго спорило, разбиралось. Мы были обмануты, прошли лишние 3 километра. Солдат есть солдат, в спорах участия не принимаем.

Медленно шли солдатские дни. После соревнований начались маневры. На две недели наш полк по тревоге в два часа ночи покинул лагерь, оставив одни караулы. Мы шли трое суток, делая короткие десятиминутные привалы. Спали по три часа в сутки. Преодолевали водные препятствия. Через Белую переправлялись четыре раза. Все шло хорошо, по разработанному плану.

При переправе через реку в четвертый раз в нашей роте утопили станковый пулемет. Командир полковой школы полковник Голубев приказал любыми средствами, любыми жертвами найти и вытащить его. В роте объявили чрезвычайное положение. Командир роты ругался и грозил: «Если не найдете пулемет, всех отдам под суд военного трибунала. Всех под арест на гауптвахту». Я в шутку сказал командиру отделения: «Неплохо бы сейчас отдохнуть на гауптвахте». Он тут же доложил командиру взвода. Через пять минут я вытянувшись стоял перед командиром роты. «Так, Котриков! – глубоко затянувшись дымом папиросы, сказал он. – Ты хочешь отдохнуть на гауптвахте. Я тебе обещаю и не только обещаю, а дарю трое суток ареста». «За что, товарищ старший лейтенант?» – невольно вырвалось у меня. «Ах, ты еще вступаешь со мной в пререкания, добавляю двое суток. Старшина, сюда», – крикнул он. Юркий старшина подбежал, приготовился доложить что-то важное. Старший лейтенант его опередил: «Возьмите у Котрикова ремень и обмотки. Отведите его под арест». Не отошли мы и десяти шагов, как он крикнул: «Отставить, старшина. Пошлите Котрикова на поиски и спасение пулемета. Найдет – значит искупит свою вину». «Какую вину, – крикнул я, – пулемета я не топил. Кто утопил, пусть тот и ищет». «Продолжаешь пререкаться! – закричал командир роты, выведенный моими словами из себя. – Я тебя с грязью смешаю. Я тебя под суд отдам. Выполняйте, ищите пулемет». Старшина прошептал: «Не пререкайся, говори "есть выполнить"». Он сегодня не в духе». «Есть искать пулемет», – выдавил я из себя. «Идите, Котриков».

Мы со старшиной прошли расположение полковой школы. Старшина отдал мне обмотки и ремень. «Ты хорошо плаваешь?» – спросил он. «Отлично», – ответил я. «Вот это здорово! – заулыбался старшина. – Мы сейчас пойдем с тобой искать пулемет. Я только захвачу с собой веревку. Ты пока стой здесь». Он быстро сбегал и притащил полный вещевой мешок тонкой веревки. «Пойдем, покажем ребятам». «Пойдем», – ответил я.

Ребята во главе с командиром взвода находились на плоту на середине реки. С плота ныряли и лезли обратно. «Ты, Котриков, обвяжывайся одним концом веревки и плыви по направлению к плоту. Я найду в воду по пояс, чтобы в случае надобности тебя вытащить. Как найдешь пулемет, привяжи к нему веревку». Я разделся, взял конец веревки в руку. Прошел от берега около 50 метров, пока позволяла глубина, затем поплыл. До плота оставалось 18-20 метров. Командир взвода крикнул: «Нырни». Я опустил в воду, с трудом достиг дна. Ногами встал прямо на пулемет. Вода с громадной силой тащила меня прочь от него. С большим трудом мне удалось ухватиться за станину. Но дышать больше не мог. Нужно было сделать еще одно усилие. Я знал: если упустить момент, всплыть наверх и вдохнуть в себя воздух, то пулемета больше не найти. Я зацепил веревку за колесо и завязал ее.

Вода быстро вытолкнула меня на поверхность. Лежа на спине, я дышал. С плота мне что-то кричали, но доносилось невнятно, так как мои уши были погружены в воду. Тащило

течением от плота. Перевернулся на живот и крикнул старшине: «Зацепил пулемет, тащи». Старшина натянул веревку. Пулемет крепко держался за дно. У старшины не хватало силы. Тогда я поплыл к нему. С плота кричали: «Не тяните за веревку. Она может оборваться. Ждите нас». Плот неуклюже подплыл к нам. Старшина отдал веревку тем, кто был на нем. Уцепившись за плот, мы тащились по воде, ближе к пулемету. Старшина меня хвалил: «Котриков, какой ты молодец. Им ни за что бы ни найти. Они не там искали». Я молчал и думал, что это чистая случайность. Просто повезло.

Вот плот достиг пулемета. Ребята, как заправские моряки, вместо якоря бросили на дно чугунное колесо от привода молотилки. Веревка быстро натянулась как струна. Плот остановился. Начали нырять, держась за веревку. Первый вынырнул, крикнул: «Страшная глубина, не достал дна». Второй достал дно, но другую веревку не привязал, задохнулся. Нырнул командир взвода, тоже безрезультатно. На меня смотрели с надеждой. «Котриков, давай, – сказал старшина, – привяжи еще одну веревку к утопленнику "Максиму", и, может, вытащим».

На этот раз уже значительно труднее достиг дна, так как, держась за веревку, погружался медленнее. Казалось, все, одна секунда, не удержусь, буду дышать водой. Но престиж брал свое. Я привязал за второе колесо другую веревку. На всякий случай осталось связать ствол со станиной. Вода выбросила меня наверх. Я залез на плот, наслаждался, дышал. Снова нырнул командир взвода. Казалось, он утонул – так долго был под водой. Вынырнул и крикнул: «Готово».

«Котриков, в воду, помоги оторвать от дна. Мы потянем». Я снова нырнул. Достиг дна, уцепился за пулемет, пытаюсь его поднять. Вместе с ним стал подниматься на поверхность. Когда "Максим" показался, в него вцепились пять пар сильных рук и поставили на плот. Командир взвода помог мне залезть и стал щупать мои мышцы. «Откуда у тебя сила?» – он схватил меня за плечи и попытался столкнуть с плота. Я оттолкнул его от себя, высвободил руки, схватил его за талию, невзирая на его угрозы, поднял над головой на вытянутых руках и бросил в воду. Он поплыл на берег, обещая предать меня военному трибуналу. Пока плыл, пыл его охладил.

О моем подвиге доложили командиру полковой школы и командиру полка. Я был на седьмом небе от счастья. Командир полковой школы полковник Голубев перед строем объявил мне благодарность и подарил личный портсигар. Для меня это была настоящая награда.

Маневры окончились. Мы возвратились в лагерь в давно обжитые палатки. Какое счастье жить в палатке! Как в родном доме под крылом отца и матери. «Котрикова к командиру полковой школы», – крикнул дневальный. Полковник Голубев с командиром нашей роты стояли у пирамиды с винтовками. Я подошел к ним и доложил: «Товарищ полковник, по вашему приказанию прибыл». «Вот что, Котриков, – перебил меня тот, – с сегодняшнего дня ты будешь моим связным. Иди к командиру хозвзвода, он тебе покажет лошадей и познакомит тебя с обязанностями связного». Знакомство с лошадьми состоялось. Стройный серый рысак – полковника, мне достался чалый жеребец невысокого роста. В мои обязанности входила утренняя чистка лошадей и подача на квартиру оседланного рысака.

Глава вторая

Жил 42-летний полковник в фанерном домике с молодой женщиной, стройной и симпатичной. Звал он ее Соня. Мне велел называть Софья Ахметовна. При первом знакомстве Софья Ахметовна мне сказала: «Зови меня Соня. Какая я Софья Ахметовна, мне всего двадцать один год».

Соню полковник Голубев ревновал. В отдельные дни, уходя, закрывал ее на замок. Я сопровождал ее во время прогулок, но на почтительном расстоянии. В мои обязанности также входило заготавливать дрова и приносить воду в фанерный домик.

Ребята из нашего взвода надо мной посмеивались. Говорили, Котриков стал денщиком, устроился в холуи. Я тоже отшучивался: денщиком быстрее служба пройдет. Ешь да спи, коня и сапоги полковника чисти, ухаживай за красавицей-женой.

До меня связным был Кошкин. Армия нас сроднила. В отделении по росту стоял он первый, я – за ним. Армейское правило отделения: везде вместе едят, спят, на занятиях и даже в увольнении. Сначала мы с ним были безразличны друг к другу. Постепенно ежедневное совместное пребывание переросло в крепкую дружбу. Мы не могли и дня быть друг без друга. Если Кошкина не было в строю или в столовой, я обязательно спрашивал командира: где Кошкин? То же самое делал и он.

Связным Кошкин продержался всего две недели. Полковник приревновал его к своей жене. Над Кошкиным ребята тоже смеялись. Говорили: молодец, Кошкин, маху не дал. Повод для ревности был. Кошкин отмалчивался, улыбался. Как-то раз мы остались вдвоем в палатке. Как правило, такие случаи редки. Я спросил Кошкина: «Степан, за что он тебя выгнал из связных?» Кошкин ответил уклончиво: «Что ни делается, все к лучшему. По-видимому, приревновал к своей жене. Да, кстати, она ему и не жена, а просто сожительница». В палатку вошел командир роты. Помешал разговору. «Вот ты где, Котриков, а я тебя ищу. Немедленно к полковнику». Я встал в проход между нарами и направился к выходу.

«Котриков, одну минуту задержись, я на тебя посмотрю». Старший лейтенант внимательно разглядывал меня, как покупатель – товар. Как будто впервые меня видел. «В тебя редкая баба влюбится. Извини меня за откровенность. Тебе можно доверить любую красавицу. Природа сделала тебя не безобразным, но и не красивым. Есть в тебе что-то отталкивающее. Вот почему полковник взял тебя в связные, несмотря на мои протесты». Его слова меня резали, убивали. В ответ я только мог сказать: «Разрешите идти, товарищ старший лейтенант». «Идите, Котриков». Тон его слов мне показался издевательским, насмешливым. За что такая немилость?!

Всему виной мой внешний вид. Узкое продолговатое лицо с большими оттопыренными ушами. Особо выделяется толстая верхняя губа. При улыбке она раздваивается, вызывая у многих отвращение. Я часто слышал в свой адрес оскорбление "двухбрылый". Не улыбаться я тоже не мог. Да и сама фигура не очень меня украшает. Рост высокий – 1,8 метра, тощий, вес – всего 62 килограмма. Длинные ноги и руки, не пропорциональные туловищу.

Полковника я нашел у столовой. Доложить о прибытии он мне не дал. Еще издали крикнул: «Котриков, отвези перевод на почту станции Алкино». Я взял конверт, добежал до конюшни, оседлал своего чалого скакуна и через 15 минут был на почте. Вскрыл конверт, где лежало две тысячи рублей и адрес. Заполнил бланк перевода: «Киев, Крещатик, 171, Терещенко Анне». Заполненный бланк и деньги подал девушке. Она внимательно посмотрела на меня. Глупая улыбка поплыла по моему лицу и раздвоила губу. Девушка рассмеялась и вернула мне бланк перевода и деньги: «Без отчества принять не могу».

Полковника Голубева я застал у столовой и доложил: «Перевод не приняли, нет отчества». «Быстро ты съездил, Котриков, как метеор, – сказал полковник. – Отчество забыл.

Восемнадцать лет я ее не видел, а деньги раз в три месяца регулярно высылаю на дочь. Да и дочь-то не моя. Не принимают – не надо. Давай их сюда. Завтра воскресенье, в три часа утра подъезжай ко мне. Заложу лошадей в линейку, поедем в Уфу на базар. Надо купить барашка да попробовать шашлыка».

В три часа я уже был у фанерного домика полковника. Он меня ждал. Пара сытых резвых лошадей без понукания тащила рысью легкую казачью линейку по плотной пыльной степной дороге. В шесть часов утра мы уже были в Уфе на базаре. Голубев отправился за покупками. Я уснул под базарный гомон, растянувшись на линейке во всю длину. «Встать! Поехали!» – крикнул Голубев. «Поехали, – просыпаясь, пробормотал я. – Где же барашек, товарищ полковник?» «Где, где?! – со злобой пробормотал Голубев. – Мы с тобой, Котриков, проспали. Базар начинается с четырех часов. До нас всех баранов и овечек продали. Вместо барана купил петуха. Правда, тощеватый, подкормим – поправится». «Подкормим, товарищ полковник», – машинально повторил я. Полковник грозно посмотрел на меня. «Ты, Котриков, меньше болтай, больше делай. Десять минут как запрягаешь лошадей».

Петух лежал связанный шпагатом по всем правилам. Он высоко и гордо поднимал голову. Смотрел одним глазом на нас, как бы спрашивая: «Куда меня повезете и когда будете казнить?»

Обратно ехали небыстро. Усталые лошади в тридцатиградусную жару нехотя передвигали ногами. Из-под ног поднимались столбики пыли и исчезали под платформой линейки. Под линейкой они объединялись в общий поток, и сзади высоко поднимался жидкий столб пыли. День набирал свои темпы. Башкирское солнце двигалось к зениту. Становилось нестерпимо жарко, не только ногам в тяжелых ботинках, замурованным до колен черными обмотками, но и всему телу. Голубев сидел угрюмый, задумчивый. Казалось, он со злобой смотрел на все окружающее: посеревшую растительность степи и далекие колки леса, манившие прохладой.

«Товарищ полковник, разрешите раздеться. Нестерпимо жарко». Лицо Голубева исказила кривая улыбка. Полушепотом ответил: «Разрешаю». Я быстро разделся. Остался в одних трусах, обнажив и подставив солнцу свое тощее тело. Голубев молча разглядывал меня с головы до ног. Затем расхохотался, да так громко. Я остановил лошадей. Грешным делом, подумал, что с ним, не сошел ли он с ума.

«Правильно, Котриков, что ты остановил коней. Пусть отдохнут. Когда тебя в армию призывали, проходил медицинскую комиссию?» «Так точно, товарищ полковник», – отчеканил я. «Но ты же болен. Похож на живой скелет или на человека, перенесшего длительную голодовку. Котриков, ты на меня не обижайся. Тебя одним пальцем столкнешь. При сильном ветре ты не удержишься на ногах». Голубев подошел ко мне, приставил ладонь правой руки и с силой толкнул. Я, не думая о последствиях, схватил его за талию, поднял на высоту вытянутых рук и отбросил от себя. Он старался удержаться на ногах, часто переступая. Пятясь назад, тяжело рухнул на землю. Я помог ему подняться, опасаясь, что последует расплата. Вместо возмущения и крика, что с ним бывало, он взял мою руку и крепко пожал. «Молодец, Котриков. Откуда в твоём тощем теле и дряблых мышцах такая сила?» Он пощупал мышцы моих рук и ног. «Теперь я верю лейтенанту, которого ты в шутку поднял и сбросил с плота». Я молчал, искоса поглядывая на замазанную в пыли гимнастерку и брюки Голубева. «Товарищ полковник, извините меня за грубое применение физической силы, – сказал я. – Разрешите, я вычищу гимнастерку и брюки». «Здесь никого, Котриков, нет. Мы с тобой вдвоем. Кони говорить не умеют. Пыль я очищу сам».

По дороге Голубев расчувствовался и разоткровенничался. До самого лагеря он рассказывал о себе. Семнадцатилетним юношей он добровольно вступил в царскую армию. Воевал с немцами. Был награжден двумя Георгиями. С первого дня организации Красной Армии – командир роты. Участвовал в штурме Зимнего. Был почти на всех фронтах Гражданской войны. После окончательной победы над белогвардейцами и интервентами окончил курсы

красных командиров, а в 1934 году – военную академию имени Фрунзе. Два боевых ордена Красного Знамени украшали его грудь.

«Товарищ полковник, простите за нескромный вопрос. Почему вы в звании полковника командируете только полковой школой? До вас командир полковой школы был капитан». «Вспоминать, Котриков, горестно. В 1937 году я командовал дивизией. При разборе проведенных маневров в Киевском военном округе откровенно высказал свое мнение при Мехлисе, то есть вопреки нашей тактике и стратегии. Нас учат, и мы учим только наступательным операциям. Наш лозунг – в случае войны воевать будем только на территории врага. Наша армия самая сильная, самая оснащенная современным новейшим оружием. Так ли это? Мы переоценили свои силы. Мы внушили себе и подчиненным, что армия непобедима. Финская война показала, что воевать мы неспособны. Наше учение только о наступательной тактике неверное. Вот тогда я не сумел удержать язык за зубами и прямо попросил Мехлиса, чтобы он передал Наркому обороны Ворошилову и начальнику Генерального штаба, не пора ли при учениях только от наступлений перейти и к обороне. Командование округом и командиры военных частей – все были едины во мнении, но крепко держали язык за зубами. Мехлис тут же отстранил меня от командования. Вместо законного звания комдива, которое было присвоено еще в 1934 году, стал полковником. Хорошо, что не рядовым. Два года ждал ареста. Бог миловал, не сидел. Зато генеральские петлицы далеко ушли от меня, скоро не достанешь.

Два года пересылали с места на место. Из одного военного округа в другой. Определенной должности не давали. Перед Финской войной в 1939 году дали запасной полк. Снова удар – послали в 298 стрелковый полк. Пока – командиром полковой школы. Ты, Котриков, еще молод, многого ты не знаешь, да и не надо знать. Пройдут годы, будут еще вспоминать наших военачальников и военных, ни за что ни про что объявленных врагами народа. Большинство из них – всем телом и душой преданные советской власти, коммунистической партии люди. Я остался жив, не судим, но до основания истребал всю нервную систему». «Вам надо лечиться, товарищ полковник», – посоветовал я. «Не лечиться, Котриков, а уходить в отставку. Боюсь расстаться с армией. В случае войны еще пригожусь и принесу большую пользу Родине. Я думаю, Котриков, наш разговор останется между нами. Хотя это не так важно». Я не нашелся что ответить.

Приехали в лагерь. Я подвез Голубева к фанерному домику. Он на ходу по-молодецки выпрыгнул из линейки и бодро зашагал. «Товарищ полковник, а петуха куда?» – спросил я. Не поворачивая головы, он посоветовал: «Ты его устрой и подкорми». Петуха я принес в палатку. Посмотреть на него собралась вся рота. Все давали советы, как его лучше устроить. Решили привязать за одну ногу тонкой бечевкой к нашей палатке.

Через неделю петух стал понимать команды. По команде он ложился, пел, принимал воинственный вид и нападал на противника, плясал и умирал. Полковник, случайно проходя мимо палатки, увидел петуха и решил пощупать его на упитанность. Петя принял воинственный вид и клюнул обидчика прямо в нос. Голубев схватил пистолет и выстрелил в петуха, но не попал. Петух снова набросился на Голубева. Тот еще три раза выстрелил. Петух от каждого выстрела умело или случайно увертывался. Посмотреть на это зрелище собралась вся полковая школа. Голубев крикнул мне: «Хватай винтовку и коли штыком». Я принес винтовку, но применить штык мне не пришлось. На помощь пришел командир 1 роты. Он наступил начищенным до зеркального блеска хромовым сапогом петуху на спину. Сначала легонько прижал его к земле, а затем с треском хрустнули ребро и позвоночник. Храбрый петух издал неопределенный звук и поник гордой головой. Командир роты крикнул: «По местам!» Все разбежались по палаткам. Я унес на кухню полумертвого петуха и отдал повару.

Глава третья

Приехала киносъёмочная группа снимать картину "Салават Юлаев". Слышались разговоры, что наша дивизия будет принимать участие в съёмке. К штабу нашего полка привезли целую автомашину солдатской амуниции суворовских времен. Из лошадей полка был создан кавалерийский эскадрон. Из обозников и артиллеристов кавалеристы получились никудышные, поэтому в боях с пугачевскими бандами не участвовали. Нас снимали на марше колонной. Следом за нашим эскадроном курсировали до десятка маленьких жеребят. Съёмку производили на равнинных лугах, на берегу реки Дема. Целую неделю я щеголял в форме екатерининского солдата. Целыми днями лежали, ничего не делая, в тени под раскидистыми кронами старых дубов, наблюдали за боем правительственных войск и мятежников. Дубы помнят не только живого Емельяна Пугачева, но и Степана Разина. Два-три раза в день по команде строились, проезжали колонной по зеленому лугу не больше километра и снова в тень.

К съёмщикам картины приехал наш командир полка полковник Волков и командир полковой школы полковник Голубев. Голубев отозвал меня в сторону и сказал: «Ну, артист, не пора ли снять этот костюм стопятидесятилетней давности? Поснимался и хватит. Я уезжаю в Свердловск. Пора исполнять обязанности связного».

Кинокартину "Салават Юлаев", когда она появилась на экранах кинотеатров, я семь раз смотрел. Своего эскадрона не видел. Да, собственно, там и разглядеть ничего невозможно. Конница на марше, одно мельтешение. Не только седока, но и лошадь не признаешь.

На следующий день Голубев уехал в военный округ в Свердловск, а меня прикомандировал к своему фанерному домику. В первый день после его отъезда Соня сказала: «Я боюсь ночевать одна». «Я буду вас охранять снаружи. Ночи теплые. Можно будет поспать, завернувшись в шинель. Таков приказ полковника», – ответил я. «Будешь спать в домике», – надувшись, но играя глазами, сказала она. «Я боюсь ночевать в домике вместе с вами. Боюсь ревности полковника». «В конце концов, за это буду отвечать я, а не ты. Ты – солдат, передан в мое распоряжение, поэтому выполняй все мои команды».

Вечером после проверки на конюшне я пришел в свою палатку и рассказал обо всем своему другу Степану Кошкину. Он не сразу ответил. Помедлив минуту, шепотом сказал: «Приказ есть приказ, от кого бы он ни исходил, надо выполнять». «Но ведь Голубев может приревновать. Он слишком ревнив. Между нами говоря, нервы у него не в порядке». «Тебя не приревнует, можешь не беспокоиться. А если и приревнует, тебе наплевать на его нервы, скорее выгони. Меня приревновал к своей Сонечке и сразу от обязанностей денщика или, как называют культурно, связного освободил. Давай, я за тебя на ночку схожу». «Иди», – обрадовано сказал я. Кошкин на минуту задумался и сказал: «Ничего из этого не выйдет. Шила в мешке не утаишь. Раскроется, доложат, как дезертира засудят. Дисциплинарный устав Тимошенко жесток. Самовольная отлучка из части даже в течение двух часов считается дезертирством. Иди, Илья, распоряжение ее – это распоряжение Голубева. Ни пуха ни пера тебе. Будь храбрым и смелым».

Я нехотя потащился со всем солдатским скарбом, прихватив винтовку из пирамиды. Старшина крикнул: «Котриков, ты куда собрался?» В ответ я тоже крикнул: «На охрану имущества и жены командира полковой школы». «Желаю удачи», – сказал старшина, довольный моим ответом.

Я подошел к домику, спрятавшемуся среди могучих дубов, клена и вяза. Свое прибытие сообщил покашливанием. Соня вышла. На ней был длинный цветастый халат. Кроме духов от нее пахло чем-то домашним, приятным. «Заходи в хату», – полупшепотом сказала она. «Нет, не могу», – ответил я. – Мне приказано в домик не заходить». Она подошла ко мне, взяла за рукав и увлекла внутрь. Внутри было уютно. Тускло горели электролампочки. Одна крошечная комната служила прихожей, кухней и столовой. Другая представляла собой зал и спальню,

где стояли двуспальная кровать и жесткая кушетка. «Раздевайся. Или ты прирос к стене?» – улыбаясь, сказала Соня. Я поставил винтовку в угол, рядом положил скатку шинели. Размотал обмотки и снял ботинки. Босиком прошел на кухню и сел на табуретку. «Будем знакомиться, – сказала она. – Хотя ты и давно к нам заходишь, имени твоего не знаю. Фамилию знаю – Котриков. Говори, как тебя зовут». «Илья», – с трудом выдавил я из себя. «Буду звать не Илья, а Илеко, так мне нравится». Я подумал: «Можешь называть и горшком, только в печь не ставь». «Ужинать, Илеко, не хочешь?» «Нет, не хочу». «Ну что ты за парень! Какой ненаходчивый, – говорила она, улыбаясь. – Знаешь только: да, да и нет. Ты не стесняйся меня. Я из такого же теста испечена, как и ты. Расскажи о себе. Откуда ты и что ты».

Я коротко рассказал свою недлинную биографию: «Родился в деревне в Кировской области, где окончил семь классов. Затем уехал в Омск к дальнему родственнику. Работал сначала на мясокомбинате разнорабочим, затем плотником. Одновременно учился на рабфаке. Окончил рабфак и краткосрочные курсы коммерческих ревизоров. В 1937 году на Омской железной дороге больше половины начальства признали врагами народа и посадили в тюрьму, в том числе и ревизоров. Работать было некому, нас учили в спешном порядке. До армии год работал ревизором на участке дороги Татарская-Павлодар. Затем призвали в армию. Сегодня я в вашем распоряжении».

«О! Да ты, оказывается, стреляный воробей. Я думала простой деревенский парень». Я молча слушал ее воркотню. Временами кидал беглый взгляд на ее обнаженные выше колен ноги. «Сейчас я расскажу о себе. Моя фамилия Валиахметова, зовут Соня. Я родилась на Урале, в городе Кунгур. Отец – метис. Мой дед был крымский татарин, бабушка – украинка. Отец мой был женат на болгарке. Отсюда все три крови: татарская, болгарская и украинская. Я похожа как две капли воды на мать. Значит, я на восемьдесят пять процентов болгарка. Отец с первых дней советской власти переехал в Кунгур и до конца своей жизни служил в ЧК и НКВД. Мать малограмотная, домашняя хозяйка. Я окончила зубоврачебное училище, получила специальность "зубной техник". Вышла замуж за военного, только что окончившего военное училище». Она на мгновение задумалась, затем продолжила: «Но в жизни не повезло. Муж разбился на скачках насмерть, упал с лошади. Голубев тогда временно командовал полком. Сначала он приходил и успокаивал меня. Спустя два месяца предложил жить вместе. Я согласилась. Мы с ним живем нерегистрированные. Он часто предлагает мне зарегистрировать брак. Я пока не соглашаюсь. Не все ли равно жить. Регистрация – это пустая бумажка. Детей нет и, по-видимому, не будет. Поэтому разницы нет, зарегистрированы мы или нет. Пора, Илеко, спать. Я давно так откровенно ни с кем не говорила». Она разобрала кровать, на кушетку постлала простынь, положила подушку и одеяло. Выключила свет.

Я разделся и лег. Солдат засыпает мгновенно. У меня сомкнулись глаза. «Илеко, ты спишь?» «Нет», – ответил я. «Ты любил кого-нибудь?» «Нет, – сказал я. – Девушки любимой у меня нет. Много раз я влюблялся, но получал отказ, тут же разлюблял. Я с детства любил одну девчонку, с которой учились вместе. Ее звали Тоня. Семь лет мы вместе ходили в школу. Любил я ее без взаимности. Никогда ей об этом не говорил. Про любовь мою она не знала. А если бы и знала, только бы надсмеялась надо мной. Мне до нее было далеко. Она воспитывалась в хорошей культурной семье. Мать у нее рано умерла. Сиротой она осталась восьми лет. Отец овдовел, еще не было и сорока лет. Жениться не стал. Посвятил всю жизнь воспитанию детей. Их было пятеро. Училась она на отлично, а я – кое-как. Поведение ее было лучше всех в школе. Я был грязнуля и хулиган. Много раз меня исключали из школы и по просьбе отца снова принимали. Она окончила десять классов. Сейчас учится в Свердловске, а может, уже окончила пединститут. По слухам, вышла замуж за еврея. С самого детства мне до нее было далеко, а этот путь между нами с каждым годом увеличивался. Ее старший брат Николай тоже окончил институт и работает заведующим РОНО. Младший – Иван – окончил в этом году десять классов».

Соня о чем-то меня еще спрашивала, я уснул. «Илеко, вставай, давно трубили подъем». Я вскочил, обнажив свои длинные худые ноги и руки. Закрываясь одеялом, стал поспешно одеваться. Она лежала на кровати полуобнаженная с распущенными волосами. Я не только стеснялся, но и боялся на нее взглянуть. Она меня поняла. Сбросила с себя одеяло, осталась в чем мать родила. Настроение у нее было слишком хорошее. Улыбка не сходила с ее губ. Задыхаясь от смеха, она говорила: «Люблю спать голой. Ночная рубашка тело стесняет, а тут свобода. Илеко, ты очень замкнутый и стеснительный. Зачем закрылся одеялом? На тебе трусы и майка». «Софья Ахметовна! Я стесняюсь своей худобы. Похож на живого скелета. Взглядом можно сосчитать все ребра». «Я же говорила, не зови меня Софьей Ахметовной. Ты нисколько не худой, а жилистый и сильный. Мужчины должны быть все такие. Лишнее мясо – лишний вес. Лишний вес – значит, человек физически не здоров. Умные женщины, понимающие толк в мужчинах, таких, как ты, любят».

Я быстро оделся, ни разу не взглянув на нее. Выскочил на улицу. Легко дышал чистым влажным лесным воздухом во всю силу своих легких. Вычистил лошадей и винтовку. Вместе с ребятами пошел на завтрак. Кошкин спросил, как я спал. Чтобы не вызывать лишних разговоров и насмешек ребят, я ответил нарочито громко: «Спал очень хорошо на сене в дровянике». Кошкин переспросил: «Она тебя и в домик не пригласила?» Я грубо ответил: «Нет! Ради чего она меня будет приглашать? Замазанного, пахнущего своим и лошадиным потом солдата». Ребята из отделения в знак согласия со мной закивали головами. Сзади раздался чей-то голос: «Они знают, кого пригласить. В этом деле лучше нас с тобой, Кошкин, разбираются». Все захохотали.

После завтрака все пошли на занятия, а я на конюшню. Огляделся, кругом никого не было. Быстро зарылся в сено и уснул. Разбудил командир хозяйственного взвода. Он зычным голосом крикнул: «Котриков, ты опять спишь! Бегом на занятия». «Черт тебя принес, – подумал я и ответил. – Я освобожден Голубевым, товарищ лейтенант». «Я тебе покажу "освобожден". Я тебе покажу кузькину мать, "освобожден", – закричал лейтенант. – Сегодня же доложу командиру полка. Он Голубеву да и тебе покажет, как ты освобожден».

Я выскочил из конюшни, побежал к палатке. Его крик долго доносился до моего слуха. Подумал, сам влип и Голубева подвел. Зашел в палатку, посидел минут десять, тянуло спать. Рот самопроизвольно раскрывался до самых ушей. Чтобы не навлекать на себя подозрений дневальных и дежурного, вышел из палатки, принял деловой вид. Пошел к фанерным домикам офицеров. Соня попалась мне навстречу. «Вот кстати, – улыбаясь, сказала она. – На ловца и зверь бежит. Сходи в магазин и купи». Подала деньги и бумажку с перечислением товаров. «После сходишь в баню в Алкино. От тебя на большое расстояние пахнет потом и лошадью». В баню я не пошел, в реке выстирал гимнастерку, брюки, портянки, трусы и майку. Пока сушил свою амуницию, сидел совершенно голый.

Вечером еще до отбоя пришел в домик. Доложил: «Явился для несения службы курсант полковой школы Котриков, товарищ Софья Ахметовна». «Не называй меня больше Софья, – сердито сказала она. – Я ненавижу свое имя. Называй Соня. Ложись спать, курсант Котриков. Как видно, поспать ты любишь». Я добавил: «И поесть». Сидел без движения на стуле. «Кому я говорю, ложись спать», – повторила она. Я снял гимнастерку, а брюки снимать постеснялся. Не хотел показывать свои худые длинные ноги – как жерди. Она словно читала мои мысли: «Илеко, снимай брюки без стеснения и бай-бай. Выключи свет. Чего ты стесняешься? И ничуть ты не тощий». Я быстро снял брюки и нырнул под одеяло. «Илеко, ты большой трус, это правда». Это меня зацепило за живое. «Кто трус?» – переспросил я. «Ты», – повторила она. «Неправда, – возразил я. – Пойду в огонь и в воду ради защиты Родины и вас. Руки не дрогнут, разум не струсит, пойду против троих, пятерых...» Она добавила: «Семерых». И тяжело вздохнула: «Спи, храбрый вояка». Она при электрическом свете не спеша разделась. Щелкнул выключатель, свет погас. Чуть слышно заскрипела кровать. Легла спать. Минут через пять

спросила: «Илеко, ты не спишь?» «Нет», – ответил я. «Почему у тебя толстая верхняя губа? С тобой, наверное, приятно целоваться». «Не знаю. Я никогда в жизни не целовался. Я никого не целовал, и меня никто не целовал». «Потому что ты большой трус. Володя мне о тебе рассказал. Как ты в Белой нашел пулемет. Нырнул на большую глубину. Как поднял и бросил в реку командира взвода. Я представила тебя героем. Мне захотелось тебя видеть. Я попросила Владимира Ивановича, чтобы взял тебя связным. Я очень хотела с тобой познакомиться. Владимир Иванович мне про тебя говорил, что ты некрасивый, непропорционально сложен, худой и вдобавок с заячьей губой. Я думала, ты похож на горбуна из книги "Собор Парижской Богоматери". Ты оказался хорошим стройным красивым парнем. Меня это огорчило. К тебе надо только присмотреться, ты – красавец. С первого взгляда в тебя никто не влюбится. Присмотревшись, ты любую загипнотизируешь. Почему ты не обратишься к хирургу, не сделаешь операции на губе? Она тебе даже разговаривать мешает». «Обращался несколько раз к врачам. Хирурги, как правило, отделялись шутками. Они говорили, с такой губой я выгляжу красавцем. Зачем уничтожать то, что дала природа. Я говорил им, что совестно улыбнуться, что губа раздвигается и становится похожа на черт-те что». Соня хохотала, уткнувшись в подушку. «Они говорят, а ты не улыбайся. Будь всегда серьезным. Тогда далеко пойдешь. Какие твои годы. Можешь выдвинуться не только в генералы, но и в народные комиссары. Врачи как сговорились между собой. Говорят, она тебе не мешает, и оперировать отказываются». «Хочешь, я тебе помогу? У меня есть знакомый хирург. Он работает в военном госпитале. По моей просьбе он сделает тебе губу красивой. Все красавицы будут твои». «Очень хочу, – ответил я. – Помогите, пожалуйста». «Завтра же буду писать письмо, – зевая, сказала она. – Сейчас спать. Спокойной ночи, Илеко». Я ответил "Спокойной ночи" и крепко уснул.

Утром Соня командирским голосом крикнула: «Подъем!» Я встал, оделся, направился к выходу. «Илеко, больше не приходи ко мне. Я ни в чем не нуждаюсь, ночевать одна не боюсь, храбрости от тебя набралась. Могу с пятерыми и даже с семерыми сражаться».

На следующий день в обед старшина сказал: «Сегодня приезжает полковник Голубев. Поддай коня к вечернему поезду на станцию Алкино». Я приехал на станцию за целый час до прихода поезда. Лошадей привязал к специально устроенной коновязи. Целый час бродил по перрону, ждал поезда. Он пришел точно по расписанию. Полковник вышел из среднего вагона. Я пошел навстречу и доложил: «Прибыл по вашему распоряжению». «Отлично, Котриков. Пошли к лошадям. Как там моя Сонечка, не скучает?» «Не знаю, товарищ полковник, ничего не говорит», – ответил я. «Да разве она, Котриков, скажет. Она очень выдержанная, стеснительная. Здорово она меня любит, старого дурака». Настроение у Голубева было отличное. Улыбка не сходила с его загорелого коричневого лица. Я отвязал лошадей, поправил седла, подтянул подпруги. Голубев с легкостью молодого казака сел в седло. Мы помчались. Мой чалый рысью не поспевал за рысаком, который шел галопом.

«Котриков! Я сейчас заскачу на минутку в этот домик». Он отдал мне повод уздечки, сам скрылся в низких сенях. Через минуту вышла солидная, довольно стройная симпатичная женщина средних лет. Воркующим голосом с украинским акцентом сказала: «Сынок, привяжи коней и заходи в хату». Я попытался отказаться. Она более строго сказала: «Вам велел зайти полковник». Я зашел в маленький уютный домик. Чистота, опрятность и простота поразили душу солдата. Как хорошо, подумал я, жить в этом доме. Голубев сидел за столом. Перед ним стояла раскупоренная бутылка водки. На тарелке красиво уложенный салат из помидоров, тонко нарезанная ветчина. Горшок молока. Голубев налил полный стакан водки и протянул мне, стоявшему посреди комнаты, подпиралю голову потолок. «Пей, Котриков, за здоровье хозяйки. Это жена моего лучшего друга и старшего товарища. Ни за что ни про что арестован два года назад. Сейчас неизвестно где». Женщина заплакала. «Не пью я, товарищ полковник». «Пей, говорю, – повторил Голубев. – Пей за моего друга и его жену». Я взял стакан из его руки, залпом выпил. Хозяйка подала мне на вилке ломтик колбасы и кусочек помидора. «Раз-

решите идти, товарищ полковник». «Иди, Котриков», – ответил он. Вышел на улицу. Моего чалого плута не было. Он снял узду и убежал. Рысак Голубева стоял спокойно, внимательно смотрел на меня чистым веселым взглядом.

Голубев вышел примерно через час. Хозяйка что-то ласково шептала, сопровождая его. «Товарищ полковник, лошадь-то моя отвязалась и убежала». «Рад слышать, товарищ Котриков. Раз не устерег, то топай пешком». Голубев сел на коня и, гарцуя, скрылся в темноте. Только слышен был цокот копыт о твердую степную дорогу да храп лошади. Я побежал напрямую через расположение соседнего полка. Прибежал к фанерному домику на минуту раньше Голубева. Голубев подъехал и хотел привязать рысака. Я взял у него повод уздечки. «Котриков, ты здесь, – удивленно сказал он, – или это привидение?» «Так точно, здесь, товарищ полковник». «Молодец, Котриков, ты просто чемпион по бегу», – похвалил он меня. Я сел на рысака и поехал в конюшню. Мой чалый стоял в стойле привязанный и грыз деревянную кормушку.

Связным я почти ничего не делал. Был свободен. Целыми днями загорал, купался и спал. Все это безделье мне надоело. Время шло медленно, казалось, что оно для меня остановилось. Голубев и не думал меня заменять другим. В начале августа перед отбоем он вызвал меня и сказал: «Сегодня ночью в два часа будет объявлена тревога. Поддай мне коня к домику без десяти два». «Есть подать коня», – отрапортовал я. «Котриков, держи язык за зубами», – крепко предупредил он меня. Я пришел в палатку, забрал скатку шинели и ранец и направился к выходу. Кошкин вышел следом за мной, тихо спросил: «Ты куда собрался?» «На конюшню», – ответил я. По секрету сказал ему, что в два часа ночи будет объявлена тревога. Кошкин посоветовал мне: «Самый подходящий момент для тебя отделаться от должности связного. Опоздай, не поддай коня – выгонит». Я с сомнением сказал: «Может посадить на гауптвахту». «Отсидишь! Мало связным отдыхал – еще отдохнешь». «Нет, Степан, умышленно этого сделать не могу».

Через полчаса вся полковая школа узнала, что в два часа ночи будет тревога. После ее объявления меня разбудил дневальный. На конюшне остались только рысак Голубева и чалый. Все лошади по тревоге были на местах в рейсе. Полковую школу я догнал через 5 километров. Голубев строевым шагом шел впереди школы. Когда я вручил ему повод уздечки рысака, он на меня даже не посмотрел. Передал моего чалого новому связному. Мне глухо сказал: «Становись в строй». Я встал на свое место позади Кошкина. Тот улыбнулся: «Правильно, Илья, поступил. Послужил Голубеву верой и правдой, и хватит».

Трое суток мы догоняли отступающего противника. Стреляли по мишеням с изображением немца с фашистской свастикой. Противника мы догнать не могли, он струсил, побежал. Вернулись в лагерь. Снова уютная, обжитая, побелевшая от солнца, ветра и дождя палатка. Командир роты сказал: «Если хочешь быть младшим командиром, тебе надо усиленно заниматься. Ты далеко по программе отстал». «Догоню, товарищ старший лейтенант», – ответил я. «Верю, Котриков, тебе, – уже ласково продолжал старший лейтенант. – Ты грамотный, физически выносливый и сильный. Из тебя получится командир отделения». Старший лейтенант ушел. Кошкин рассказал, от какой программы я отстал: почти все учение заключалось в строевой, огневой подготовке и тактических занятиях. Я поправил Кошкина, вспомнил солдатскую поговорку: «Два года одно и то же, лежа заряжай». «Что верно, то верно», – поддержал Кошкин.

В обеденный перерыв был объявлен отбой, сончас. На передней линейке полковой школы появился полковник Голубев. Плачущую Соню он держал за руку. Казалось, что насильно тащил, но куда? Он крикнул дежурного и объявил «тревога в ружье». Через три минуты полковая школа стояла в полном боевом. Люди в недоумении глядели на заплаканную Соню и расстроенного полковника. Голубев, обращаясь не то к выстроенным курсантам, не то к жене: «Он здесь, я надеюсь, сам выйдет из строя. В противном случае ты его узнаешь». Голубев нервно держал Соню за руку, они не спеша обходили стоявших под стойку смирно 400 человек. В каждое лицо Голубев внимательно вглядывался и спрашивал: «Он?» Соня рассеянно

смотрела и говорила: «Нет». Кошкин стоял красный как рак. «Ты что краснеешь?» – я толкнул его незаметно в бок. Когда Голубев с Соней подошли, и полковник начал внимательно разглядывать его лицо, Кошкин побледнел и покачнулся. В глазах Сони вспыхнули разноцветные огоньки, и на губах появилась еле заметная улыбка: «Это не он». Меня Голубев обошел, даже не посмотрел. Поддерживая Кошкина, я спросил: «Что с тобой, Степан?» «Так, ничего, – ответил он. – Немного голова кружится». Соня обошла весь строй и сказала: «Его здесь нет». Вызвали ребят из караулов, с кухни и других нарядов. Тоже никого не признала. Я подошел к старшине и спросил: «Кого он искал?» Старшина сначала оглянулся кругом и почти шепотом заговорил: «Тебе скажу, что знаю. Сегодня утром Голубев должен был уехать в Свердловск, на что получил документы. Но, не знаю почему, не уехал. В обед вошел в свой домик, а у жены хахарь. Женщины – народ хитрый. Ты знаешь, баба даже черта обманула. Соня прикинулась, что какой-то красноармеец вошел к ней в домик и пытался изнасиловать. Хахарь не растерялся и ударил Голубева с большой силой в грудь, он упал. Пока вставал да очухался, того и след простыл. Вот поэтому Голубев и объявил тревогу. Искали обидчика Сони и Голубева».

Через неделю полковую школу принял капитан. Голубев уехал вместе с Соней, солдатам знать не положено куда, военная тайна. Кошкин мне как лучшему другу сказал: «У Сони тогда был я».

Глава четвертая

Стояла вторая половина августа. Подули степные ветры, пошли дожди. Вступала в свои права башкирская осень. Наступил сентябрь, а вместе с ним и день окончания полковой школы. Нам всем присвоили звание сержантов. Всех назначили командирами отделения и дали по отделению. Мы стали младшими командирами. Есть старая солдатская пословица: «Солдат спит, служба идет». Это для тех, чья мечта – отслужить и уехать домой. Мне больше нравилась другая пословица: «Плох тот солдат, который не мечтает быть генералом». Как под гипнозом тянуло быть офицером. Иногда думал написать рапорт на имя командира полка для отправки в военное училище. Но в часы скуки, обиды и разного рода неприятностей мечтал отслужить положенный срок и поступить учиться в институт. «Учись-учись, инженером будешь», – говорил студенту офицер. Студент, не задумываясь, отвечал: «Не доучишься – офицером станешь». Мне казалось, сначала нужно побыть офицером, а потом уже доучиться на инженера. Но! Мечты, мечты, где ваша сладость? Время шло. Сам учился и других учил военному делу. Учил, как убивать врага, как убивать людей. Если ты врага пожалеешь, он тебя убьет. Ведра поту в учениях, ни капли крови в бою.

В один из апрельских дней 1941 года я был вызван в штаб полка. По дороге разные мысли роились в моей голове. Думал, вроде ничего не набедокурил. Зачем вызывают? В приемной у начальника штаба сидели мои однокашники по полковой школе. Начальник штаба нас не принял.

Лейтенант, помощник начальника штаба, вручил каждому из нас по пакету, проездные документы. Коротко объяснил: «Вы откомандировываетесь для прохождения дальнейшей службы в распоряжение Прибалтийского военного округа. В воинскую часть, находящуюся в городе Рига. Старшим назначается сержант Кошкин».

«Рига, Рига», – крутилось у меня на языке. Старинное русское слово. У нас в Вятской губернии так называют овин с гумном. Еще и года не прошло, как Рига стала советской. «Вот упрячут нас в овин, да начнут сушить как снопы», – сказал я. «Бог не выдаст, свинья не съест», – ответил Кошкин. «Латыши, наверно, обрадовались советской власти. Сейчас побавляются немцев, поэтому нашего брата и пересылают туда. Вот отстукаем каблуками еще по годику, а там и домой. Глядишь, и в Прибалтике побывали», – продолжал Кошкин.

Через пять суток мы прибыли в Ригу. С большим трудом разыскали свою воинскую часть. Принял нас командир бригады. К нашему удивлению им оказался полковник Голубев. «Вот это встреча!» – дружелюбно смеясь, сказал Голубев. «Вы, ребята, не удивляйтесь: всем вам, прибывшим сюда, присвоены звания младших лейтенантов. Назначаю вас всех командирами взводов». Мы ответили: «Служим Советскому Союзу».

Может быть, Голубев помог, а может и нет. Всех нас одели в новую парадную офицерскую форму. В петлицы вместо угольников повесели по кубуку. Опоясались новенькими ремнями. На правый бок повесели по кобуре. Знаний у нас для офицера было маловато. Но как младшие командиры мы были достаточно натренированы и вымуштрованы. За год обучения в полковой школе получили хорошую подготовку и кое-какие знания по военному делу. Имели шестимесячный практический опыт. Голоса у нас были хорошо отработаны. Команды мы подавали доходчиво, четко и ясно. Отлично владели стрелковым оружием. Были ознакомлены с минометами, 45– и 76-миллиметровыми пушками, с их прицельными приспособлениями. При необходимости могли заменить наводчика и даже командира орудия. Большой точности не гарантировали. С пистолетами и наганами мы знакомы не были. Поэтому в нагрузку нас заставляли изучать ряд систем и даже немецкие парабеллумы.

Редкий парень, если только какой-нибудь аскет, мог отказаться в наше время от офицерского звания. В шикарном виде офицера каждое движение тела говорило о красоте и силе.

Немногие девчонки и молодые женщины при нашем появлении не обращали на нас внимания. Обычно насквозь сверлили своими взглядами. Командир бригады полковник Голубев над нами с Кошкиным взял шефство. Он говорил: «Сделаю из вас, ребята, настоящих красных офицеров». Снабжал нас разнообразной военной литературой, следил за нашим бытом и поведением, два раза в неделю проводил с нами занятия. Лектор он был неплохой.

Однажды после очередной лекции на тему «Наступление отдельного лыжного батальона на укрепленные позиции противника в болотисто-лесистой местности» я подошел к Голубеву и спросил: «Как здоровье Софьи Ахметовны?» Он тяжело на меня посмотрел, затем сказал: «Котриков, зачем ты бередишь почти зажившую рану?» Я не знал, что делать: или извиниться, или уйти. «Если тебя так интересует Соня, пойми, она тебя никогда в жизни не полюбит. Ей по вкусу другие. Хорошо, пойдем ко мне, я тебе все расскажу».

Мы с ним вошли в его кабинет. Впервые он назвал меня по имени. «Ты помнишь случай в прошлом году в лагере "Алкино", когда я по своей невыдержке поднял по тревоге всю полковую школу? Соню заставлял опознать обидчика». «Помню, товарищ полковник», – ответил я. «После этого случая, когда я был сбит с ног в собственной квартире, – он внимательно посмотрел на меня и продолжил, – в тот же день Соня мне заявила: «Жить с тобой я не могу. Ты меня осрамил не только перед всем коллективом офицеров, но и всем личным составом полка. Надо мной смеются не только офицеры, но и солдаты». Она не спеша собирала и укладывала вещи. Я извинялся и уговаривал ее остаться. Говорил, что подобного больше не повторится. В тот же день получил приказ. Просто какое-то нелепое совпадение обстоятельств. Должен был принимать в Прибалтике бригаду. Я поехал в Ригу, а она в Кунгур – к матери. Проводил я ее до Свердловска. Там на вокзале расстались, по-видимому, навсегда. Писал ей десятки писем, ответа нет. По слухам, она якобы работает в Каунасе в военном госпитале. Находится недалеко отсюда. Собираюсь проверить, но никак не выберу время».

Мы с Кошкиным служили в одной роте. Он командовал первым взводом, а я – вторым. Готовились к первомайскому параду. Почти две недели занимались только строевой подготовкой. Строевой шаг для парада отрабатывали сначала взводом, потом ротой, батальоном, в предпоследние дни перед 1 Мая – всей бригадой. Руководил строевой подготовкой лично полковник Голубев. Со мной и Кошкиным как со старыми знакомыми он здоровался иногда за руку. Особенно хорошо относился ко мне. На офицерских собраниях при разборах учений он ставил меня в пример. Комиссар бригады в шутку говорил: «Котриков, командир бригады прочит тебя своим наследником».

Наступило 1 Мая. Обычный подъем в казармах. Тщательная проверка готовности к параду. Проверка индивидуально каждого красноармейца и младшего командира. Вот мы и на параде. Шли за моряками. Экзаменаторы находились на трибуне, им было видно, как мы прошли. Настроение у командира бригады хорошее, значит, все хорошо.

Командир батальона крикнул: «Младшие лейтенанты Котриков и Кошкин, к командиру бригады».

Голубев стоял с комиссаром и начальником штаба. Встретил нас по-граждански, доложить не дал. Сказал: «Сегодня ты и Кошкин будете моими гостями». Обратился к комиссару и начальнику штаба: «Это мои воспитанники. Хорошие ребята. Вчерашние солдаты, а опытом и знаниями могут поделиться со старшими товарищами».

Комиссар поддержал Голубева: «Ребята скромные, грамотные, политически подкованные». Пусть лучше в глаза ругают, чем хвалят. Я стоял не зная, что ответить.

В назначенное время мы с Кошкиным с точностью до одной минуты прибыли на квартиру к Голубеву. Гости были в сборе. Нашими знакомыми были начальник штаба и комиссар. Голубев сказал: «Вы, ребята, не стесняйтесь. Здесь мы все равные. Меня зовите Владимир Иванович. Сейчас я вас познакомлю с моими гостями». Он по очереди подводил нас ко всем гостям. Улыбаясь, говорил: «Это мои воспитанники».

Первый тост подняли за 1 Мая. Затем за тех, кого с нами нет, за здоровье хозяина и так далее.

Шефство над нами взяла жена начальника штаба. Довольно симпатичная молодая женщина. Звали ее тоже Соня. На Кошкина она смотрела сначала украдкой, а потом, подвыпив, не спускала с него глаз. Когда дамы выбирали кавалеров на танец, она первая подходила к Кошкину. Ко мне никто не подходил. Мы стояли с Голубевым и смотрели на танцующих. Голубев предложил: «Пойдем, Илья, сыграем в домино? Дам у нас с тобой нет». До самого конца вечеринки я играл в домино на пару с начальником штаба.

Разговор шел о международном положении. Голубев говорил: «С немцами нам придется воевать не позднее как этим летом. Германия усиленно готовится к войне с нами. Проводит мобилизацию. К нашим границам стягивает войска и военную технику. Я не пойму политику нашего Наркомата обороны и вообще правительства. Немецкие самолеты летают над нашей территорией как дома. По-видимому, все фотографируют. Ведут тщательную разведку. Мы спокойны, не предпринимаем никаких контрмер. Я не пойму, или мы очень сильны по сравнению с Германией, или мы трусим, боимся отношения обострить». «Скорее всего, трусим, – вставил начальник штаба. – Если бы не трусили, каждого нарушителя воздушного пространства заставляли бы сесть или просто сбивали».

Голубев продолжал: «В рижском порту таможенники обнаружили на немецком торговом судне большое количество завезенного контрабандой немецкого оружия: винтовок, пулеметов, автоматов и боеприпасов. Судно было задержано. Однако из центра потребовали его отпустить, оружие не конфисковывать. Немцы повернули восвояси. Кому предназначалось оружие, не ясно». «Чего там не ясно, – поправил начальник штаба. – Латышей вооружают, да и не только латышей – литовцев и эстонцев. В случае войны подставляй только шею, русский Иван, да поспевай поворачиваться. Со всех сторон по нам будут стрелять. Десятки перебежчиков говорят одно и то же. В июне или начале июля немцы объявят войну».

Не стоваривались же они между собой. Значит, доля правды есть.

Подошел комиссар. «Вы опять про фашистов разговор ведете? Не пора ли хоть сегодня ни о чем не думать, отдохнуть?»

Кошкин пошел по бабыим рукам. Его наперебой приглашали танцевать и петь, угощали вином и коньяком. По сравнению с нами он был героем для баб. При высоком росте 187 сантиметров он пропорционально сложен, весил 92 килограмма. Стройный, как балерина. Обладал хорошим голосом, мог петь. Отлично танцевал и играл на баяне, что женщины обожают. В отличие от него я не мог ни петь, бог слуха лишил, ни плясать, вдобавок улыбаться и смеяться, всему виной верхняя губа.

Гости разошлись около часа ночи. Нас с Кошкиным Голубев не пустил, оставил ночевать у себя. Он говорил: «Живу один, места для ночлега хватит для взвода. В дополнение, вас, выпивших, могут задержать патрули. Да бог знает, что может быть в полночь в Риге, кишашей всеми мастями и родами преступников и контры».

Нам оставалось только раздеться и завалиться спать.

Глава пятая

Для ознакомления с артиллерией для средних командиров бригады организовали трехдневный семинар. Он проходил в артиллерийском полку, который размещался в Риге. На досуге артиллеристы больше нашего занимались физической подготовкой. К каждой батарее, да чуть ли не в каждом орудийном расчете у них были двухпудовые гири и гантели. Комиссар артполка в короткой беседе с нами говорил: «Артиллеристы кроме выносливости должны обладать физической силой, так как снаряды тяжелые, а орудия еще тяжелей. Поэтому гири и гантели для артиллериста вещи необходимые». В одной из батарей невысокого роста паренек, на вид тощий, играл с двухпудовой гирей, как с мячом. Он поднимал ее то левой, то правой рукой.

Старший лейтенант, командир батареи, говорил: «В нашей батарее все красноармейцы поднимают двухпудовую гирю». «Разрешите, товарищ старший лейтенант, попробовать вашу гирю», – обращаясь к командиру батареи, сказал Кошкин. «Пожалуйста, просим», – ответил старший лейтенант. Кошкин взял гирю, подбросил ее на трехметровую высоту, на ходу поймал. «Ну, что вам показать? Выжимать в той и другой руке я могу до десятка раз. Вот если бы еще одну гирю». Принесли вторую гирю. Кошкин одновременно обеими руками выжал пять раз. Затем лег, взял в обе руки по гире, держа на весу, начал ими креститься. Встал, раскачал гирю и бросил ее на расстояние почти 10 метров. «Вот это здорово!» – вырвалось у всех. «Почему ты, младший лейтенант, в пехоте?» – спросил командир батареи. «В армию призвали, моего желания не спрашивали. Куда послали, там и служу», – ответил Кошкин.

«Котриков, покажи, на что ты способен», – крикнул полковник Голубев. Я вышел к гириям. У многих появились улыбки, послышался шепот. Подбросил гирю не слишком высоко, ловить не стал. Затем подбросил обе гири и поймал их на лету. Выжал по пять раз в левой и правой руке. Снял поясной ремень, связал обе гири и поднял в правой руке.

«Здорово!» – послышался шепот. «Молодец, Котриков», – похвалил меня Голубев. «Вот какие молодцы у меня в пехоте. Это еще слабаки, есть посильнее, но показывать по ряду причин не будем».

Старший сержант артиллерист, здоровенный парень, звонким голосом произнес: «Вот нарвись на такого слабака, пожалуй, ноги не унесешь». Голубев ответил: «Уже кое-кто нарывался». Кого он имел в виду, я не понял.

После меня к гире подошел рядовой артиллерист. Он тоже выжал по пять раз в обеих руках. Попытался поднять обе гири в одной руке, ничего не вышло.

Тяжелы были для солдата дисциплинарные уставы маршала Тимошенко. Мы с солдатской находчивостью выкраивали время на отдых, танцы и проводы до утра красивой латышки, забавно произносившей русские слова. Для нас дни, проведенные в Риге, незабываемы. Но время летит словно птица, и прощай, Рига. В три часа ночи 18 июня 1941 года нашу мотострелковую бригаду подняли по тревоге.

Тревога для солдата – обычное дело. Сборы недолги. Скатку шинели и ранец на плечи. Хватай винтовку из пирамиды и в строй.

Северо-восток окрасился матово-красным румянцем. Вот-вот из-за горизонта покажется дневное светило. Весь личный состав бригады находился в товарных вагонах. Для офицеров в середине состава был поставлен пассажирский.

Мы с Кошкиным хотели сесть в товарный вагон со своими взводами. Командир роты сказал: «Отставить! Садитесь в отведенное для нас купе. Будем играть в домино».

Артиллеристы шумели, затаскивали на платформы пушки и заводили в вагоны непослушных лошадей. Лошади упирались, вытягивали шеи, визжали и брыкались. Наш эшелон отправился первым. Солдаты – народ не любопытный. Куда везут, не все ли равно, главное

– служба идет. День прошел – до дома ближе. В дороге можно выспаться вдоволь. Плох тот солдат, который не проспит 15 часов в сутки.

В купе нас собралось шесть человек: командир роты, политрук, четыре командира взвода. Положив чемодан на колени, начали играть в домино. Кошкин со скоростью кошки взобрался на верхнюю третью полку. Командир роты крикнул: «Отставить, младший лейтенант, занимайте среднюю боковую. Но только после одной партии». Кошкин заунывным голосом проговорил: «Товарищ старший лейтенант, спать хочу, не могу играть». «Послушай, Кошкин, тебе дело говорят, игра не мусор. Вот мы доиграем партию, сядешь ты. Кто-то должен проиграть».

Заговорил политрук: «Товарищи командиры, вы знаете поставленные перед нами задачи и куда мы едем?» «Да», – ответил за всех Кошкин.

«Нет, товарищ младший лейтенант Кошкин, ты всего не знаешь. Нам коротко пока объявлено: едем на маневры. Готовятся по своим размерам крупнейшие, еще небывалые в истории Красной Армии, военные маневры, где примут участие несколько военных округов и все рода войск, в том числе и Военно-Морской Флот. Немцы одновременно с нами тоже хотят проводить маневры. Поэтому маневры будут проходить в пограничных с Германией районах – в Литве и Польше. Довожу до вашего сведения, товарищ Кошкин». Политрук сделал вид, как будто обращается к одному Кошкину. «Нам, командирам и политработникам, необходимо довести до всего личного состава, то есть до красноармейцев и младших командиров, и строго их предупредить, что со стороны немцев, возможно, будут провокации. Ни в коем случае оружия не применять. Все должно решаться мирным путем. Германия с Советским Союзом воевать не собирается. Она погрязла по уши в войне с Англией, а значит и с Америкой. Пусть на доброе здоровье воюют фашисты с капиталистами. У нас с немцами мирный договор на десять лет».

Кошкин сидел, словно на раскаленных углях. Ерзал задней частью тела по отшлифованной полке вагона. Он много раз открывал рот что-то сказать, но политрука не перебивал. Политрук это заметил и спросил: «Младший лейтенант товарищ Кошкин, ты что-то хочешь сказать?» «Да, товарищ политрук. Почему мы едем без боеприпасов? Кто мог так глупо распорядиться выдать патроны только караулам по пятнадцать штук на винтовку. Зато везем целый вагон холостых патронов и бумажных хлопушек вместо гранат. Так же поступили с артиллеристами, не везут ни одного боевого снаряда».

Политрук строго посмотрел на Кошкина, съедая его взглядом, произнес: «Много ты берешь на себя, товарищ младший лейтенант. Ты знаешь, что за такие разговоры бывает?» «Знаю, – ответил Кошкин. – Едем не на прогулку, а на встречу с нашим ярым врагом. Вы сами говорите, возможны провокации. Что такое провокация? Значит, они в нас будут стрелять, а может быть давить нас танками. Мы должны с поднятыми руками подставлять грудь. Стреляй, Ганс, у меня обороняться нечем». «Но ты уже слишком разболтался, товарищ Кошкин».

«Правильно говорит, – поддержал Кошкина командир роты. – Только без угроз и паники. Мы здесь все свои. Поэтому давайте не темнить, а говорить открыто». Политрук смотрел на старшего лейтенанта, но обращался к Кошкину: «Не паникуй, товарищ Кошкин».

Кошкин, чувствуя поддержку, ответил уже смелее. «Что мне паниковать. Я не один. Если умирать, то вместе, компанией веселее. Солдаты сыты, получен трехдневный сухой паек. В случае войны с немцами, как говорили наши отцы в 1914 году, мы их шапками закидаем. Но война показала другое».

Политрук прервал Кошкина и уже дружелюбно сказал: «Брось ты свои паникерские разговорчики. Я из-за тебя проиграл. Сдаемся, козлы. Вот что, Кошкин, или ты лезь на свою полку и спи, или играй, но только ради бога молчи».

Кошкин быстро влез на свое место, сделал вид, что засыпает.

Я смотрел на Кошкина и думал, что он единственный из нас не радовался офицерскому званию. Он не только стремился, но и душой жил в своем родном Абакане. Там оставил свою подругу жизни, Аню, отца, мать, двух братьев и трех сестер. Писал в неделю по два длинных

письма. Он женился за полгода до призыва в армию. Его Анечка, как он ее называл, окончила фельдшерско-акушерскую школу. Работала фельдшером. Письма от нее получал часто. Гражданская специальность у Кошкина – связист. Окончил техникум связи. Почему он служил в пехоте, его не интересовало. Лишь бы скорей отслужить, и домой.

В полковой школе не было равного Кошкину по силе и ловкости. Он любого укладывал на обе лопатки в одно мгновение. От военного лагеря "Алкино" до стрельбища расстояние 4 километра. Как правило, станковый пулемет носили всем отделением по очереди, кто станину, кто ствол. Кошкин частенько, невзирая на запрещение командира роты, взваливал себе на плечи в сборе, доносил один. Не только полковая школа, весь полк знал Кошкина за его кошащее обоняние. Он за 2 километра от столовой угадывал, что готовится на обед или ужин. Сам командир полка полковник Волков с единственным сержантом Кошкиным здоровался за руку. Да и было за что пожать Кошкину руку.

В одну из августовских ночей полковнику не спалось. Он встал далеко до подъема. Надел на ноги тапочки, на плечи накинул старую, выдавшую виды шинель без знаков отличия. Решил дойти до штаба полка. Такое случалось с ним нередко. В полку его знали все, и узнали бы в одеянии Адама. Но бывают непредвиденные ситуации. В это время в наш полк приехали выпускники Златоустовского военного училища по направлениям. Один из них, лейтенант Лещенко, украинцы особо требовательны к подчиненным, увидел красноармейца, одетого не по форме. Подошел к Волкову, скомандовал "смирно". Волков хотел в оправдание что-то сказать. Лещенко на полуслове его оборвал, крикнул: «Прекратить разговорчики». Волкову ничего не оставалось делать, как подчиниться. Лещенко провел с ним беседу, как следует вести себя красноармейцу. Затем решил от нечего делать позаниматься с Волковым строевой подготовкой. Скомандовал: «Кругом, шагом марш! Левое плечо вперед, налево, направо».

Полковник с отличной четкостью выполнил все команды. В это время сменился с караула, шел отдыхать Кошкин. Увидел, что полковника муштрует незнакомый лейтенант. Он принял боевую позу. Лейтенанту скомандовал: «Руки вверх». Для устрашения щелкнул затвором винтовки. Растерявшийся Лещенко поднял руки кверху. Кошкин хорошо отработанным голосом подал команду: «Товарищ лейтенант, кругом, шагом марш». Волкову тихо сказал: «Вы, товарищ полковник, свободны». Если бы не Кошкин, полковнику пришлось бы повторить всю строевую подготовку. Волков спросил у Кошкина его фамилию, поблагодарил. С тех пор они стали друзьями.

В купе азартно играли в домино. Спорили, смеялись, щелкали костяшками. Я залез на свое место на среднюю полку, пытался уснуть. В голову лезли мысли о прожитой 22-летней жизни. Вспомнить о хорошем нашему поколению было нечего. Наша жизнь была не из легких. Начиная с 1929 года, мы пионерами, а после комсомольцами принимали активное участие в разгроме кулачества. Но так как в нашей местности кулаков почти не было, ставку делали на зажиточного труженика-крестьянина, на котором за летний сезон сгнивало на плечах по три-четыре холщовых рубахи. Принимали также активное участие в коллективизации крестьян. Мы сами учились во вновь организованных ШКМ и учили взрослых. В это время был объявлен ликбез. К нужде приучены с детства. Отцам и матерям баловать нас было нечем. Они кормили нас только воспоминаниями о белом хлебе, сахаре и прочих лакомствах. Цену хлеба знали с раннего детства. С семилетнего возраста в деревнях нас приучали к труду, обуваться в лапти, с шиком носить самотканую одежду. Любая работа была для нас по плечу. Мы с детства швецы, жнецы, плотники и кузнецы.

«Ну, громадяне, слазь вниз, – раздался голос командира роты. – Всю жизнь проспите. У меня кое-что есть выпить и закусить. Выпьем, друзья, за нашу армейскую офицерскую дружбу. Как, товарищ политрук, можно?»

Мы с Кошкиным не заставили себя долго ждать и сели рядом. Кошкин плотно прижался ко мне, положил руку на плечо. «Вот, друзья неразлучные, водой не разольешь, придумали

обниматься», – сказал политрук, показывая на нас с Кошкиным взглядом. В купе все захохотали. Командир роты цыкнул: «Что смеетесь?! Дружба – это самое хорошее, самое красивое в человеке. На их дружбу не надо смотреть с юмором. Пусть ребята дружат всю жизнь».

В купе воцарилась тишина. Слышен был разговор в соседнем купе. «Кошкин, ты чего голову повесил, – стуча бутылками и стаканами, говорил командир роты. – Сходил бы, принес воды для добавления в спирт. Больше двух месяцев как ты офицер, без окончания училища. Это не каждому дается. Съездим, проведем маневры. Снова приедем в Ригу, а может быть в Россию. Для нас, вояк, разницы нет. Пошлешь своей Ане вызов. Она с радостью к тебе приедет. Офицерам и Тимошенко разрешает жить с женами. Держи, Степан, голову выше. Бери котелок и шагом марш за водой».

Кошкин принес котелок воды. «Товарищ старший лейтенант, – сказал он, – все это я знаю. Офицеры были, есть и будут, пока существует армия, привилегированными людьми. Армия будет существовать при любом обществе, пока есть жизнь на земле. Поймите меня правильно. Настроение у меня плохое. Предвижу что-то недоброе. Я вырос в сибирской тайге. Предчувствия меня никогда не обманывали. Я им верю, хотя и не религиозный». «Эх, ты, хиромант, – сказал я. – Давай закурим. Скажи как другу, что ты предчувствуешь?» Мы закурили. Я два раза глубоко затянулся. В горле что-то защекотало, во рту появилась горечь. «Все-таки, дрянь эти латышские папиросы. Сейчас бы ленинградских имени Урицкого», – кашляя, проговорил я. «Вы, братцы, совесть имейте. Что будет в вагоне, если все закурим?» – сказал политрук. «Мы, курящие, выдержим, а некурящие наверняка сбегут», – поддержал командир роты.

Я потушил папиросу и бросил в пепельницу.

Кошкин глубокими затяжками докурил до конца и сказал: «Вы мне не верите?» «Не говори, Кошкин, загадками, – вспылil политрук. – Говори, что у тебя за предчувствие». «Давайте, товарищи, по маленькой, – сказал командир роты, – а потом веселей будет говорить».

Стукнулись стаканами, выпили. Слабо разведенный спирт перехватил дыхание.

Кошкин не закурил, встал в проход между полками, заговорил: «Сегодня майор из штаба округа сказал мне, фамилию его называть не буду, что немцы стянули к нашим границам большое количество живой силы и техники. На днях будет война, а не провокации». «Что-то, ребята, не так», – невнятно сказал командир роты с набитым хлебом и колбасой ртом. «На днях можно ожидать войны. Немецкие самолеты ежедневно нарушают нашу границу, летают как дома. У меня брат летчик, командир эскадрильи. Он говорил, что нашим летчикам и зенитчикам дан приказ не мешать немцам. Пусть проводят разведку», – басом сказал политрук.

«Кошкин, откуда может знать твой майор такие подробности?» «Это достоверные сведения нашей разведки. Это показания перебежчиков», – ответил Кошкин. «Это сарафанное радио», – повторил в такт политрук.

«Я верю майору, – возразил Кошкин. – Он мой земляк. Друг моему отцу. Это честный человек. Он не скажет зря».

«Не верь, Степан, сарафанному радио, – вмешался в разговор я. – Наше командирование знает, что делает. Если бы нависала угроза со стороны немцев, то, во всяком случае, снабдили бы боеприпасами. Ты прекрасно знаешь, наша армия – самая сильная армия в мире. Наш сталинский лозунг: «Если враг нападет, будем воевать на территории врага». Пусть только немцы сунут свое свиное рыло в наш советский огород. Мы им покажем, где раки зимуют. Можешь, Степан, не беспокоиться. Если предвидится война, наше командование об этом больше нас знает. Поэтому нам с тобой не надо беспокоиться. Будет все. Будет, Степан, тебе и белка, будет и свисток».

«Правильно, Котриков», – поддержал политрук.

«Чем, товарищи командиры, занимаетесь?» – послышался за широкой спиной Кошкина голос комиссара батальона. Мы вскочили на ноги для приветствия. Комиссар сказал "вольно".

«Не пора ли вам поспать? И неплохо бы проверить личный состав, чем люди занимаются». «Спят, товарищ комиссар», – отрапортовал я.

Кошкин не то растерялся, не то забылся, продолжил стоять, загоразвивая проход. Комиссар похлопал Кошкина по плечу, тихо проговорил: «Богатырь же ты, товарищ Кошкин. Косая сажень в плечах».

«Кошкин, пропусти к ребятам. Ребята, потеснитесь, я сяду. В ногах правды нет, – с улыбкой говорил комиссар. – Что у вас, ребята, накопилось? Выкладывай!»

«Товарищ комиссар, разрешите? – произнес Кошкин. – При погрузке в вагоны в Риге к нам подходили железнодорожники-латыши, хорошо говорившие на русском языке. Они убедительно подтверждали, что скоро будет война. Говорили, что мы едем не на маневры, а воевать».

Наступила тишина. Комиссар целую минуту молчал, рассматривая всех присутствующих. Затем тихо сказал: «Я тоже такие провокационные разговоры слышал. Не верьте им. Латыши враждебно настроены против Советской власти. Мы знаем, что Владимира Ильича Ленина охраняли латышские стрелки. Не надо забывать и другого. С момента Октябрьской революции правящая верхушка и религиозный культ внушали латышскому народу, что советская власть – это власть сатаны, и она долго не продержится. Для того чтобы воспитать народ Латвии в духе социализма, потребуются годы, а может быть и десятилетия. Пока советская власть у них только один год. Поэтому принимать за аксиому их слова не следует».

Поезд остановился. «Станция Йонишкис», – сказал комиссар. Командир роты повторил: «Не позавтракаешь – и не выговоришь. Сложное название». Добавил: «Товарищи командиры взводов, по местам». «Отставить, товарищ старший лейтенант, я еще не кончил беседу». Комиссар продолжил: «Советская власть в России и прибалтийских республиках прочна, незыблема и установлена на века. Волю нашей партии, нашего народа никакому врагу не сломить. Тем более немцам. Они отлично знают наш народ. Не раз русский народ их громил, обращая в бегство. Они знают и силу нашего коммунистического общества. Еще на заре советской власти не раз пытались сломить волю народа, уничтожить власть трудящихся. Они захватывали Украину, Прибалтику и все равно бежали. В Германии в подполье коммунистическая партия. Это большая сила. В случае развязывания Гитлером войны с Советским Союзом она разорвет оковы и вместе с нами вступит в неравный бой с фашизмом. С помощью нас и рабочего класса Германии социализм победит. Пока социализм на одной шестой части земного шара. Нас со всех сторон окружает капиталистический мир. Ему чужды наши законы, чужды наши нравы. Приходят в ярость, видя наши успехи, и радуются нашим неудачам. СССР с каждым годом крепнет. За короткий период превратился из аграрной, отсталой царской России в самую мощную, самую сильную в мире индустриальную державу. Пусть немецкие фашисты или японские самураи попробуют сунуть свое свиное рыло в наш огород. Воевать будем только на их территории». Он еще долго говорил, цитируя произведения Ленина и Сталина.

В купе появился комбат. Обращаясь к комиссару, с улыбкой произнес: «Комиссару без дела не сидится». Как бы оправдываясь, комиссар ответил: «Меня задержал Кошкин. Он верит провокационным слухам. Говорит, что мы едем не на маневры, а воевать с голыми руками». Наступила тишина, все молчали. Комиссар смотрел на комбата, комбат – на комиссара.

Комбат негромко проговорил: «Трудно сказать, что будет, но замышляется что-то неладное. Поживем – увидим» – и вышел из купе. Слова комбата до моего сознания не дошли. Зато Кошкина они удручили. Он воспринял их близко к сердцу.

Поезд снова остановился на небольшом полустанке с мудреным латышским названием. Мы с Кошкиным перебежали к своим взводам. В вагонах стояла полная тишина. Все спали. Мы влезли в вагон, где размещался мой взвод. Предприимчивый помкомвзвода освободил нам место. Мы с большим трудом втиснулись на верхние нары, уплотняя тела солдат. Вопреки моему нежеланию спать, глаза закрывались сами. Кошкин что-то говорил мне. Слова его сли-

вались со стуком колес вагона и шумом паровоза. Весь шум мне казался приятной музыкой. Кошкин толкнул меня в правый бок и спросил: «Ты спишь?» Я очнулся, сказал: «Не сплю, думаю спать. Ты только осторожнее толкай, так можно и ребра сломать. Они у меня прямо под кожей».

«Ладно, Илья, не обижайся, – зашептал Кошкин. – Я не усну, думаю, какое же у нас головопотяпство, какая неразбериха. Немцы ждут приказа о наступлении на Советский Союз. Наше командование об этом знает, притом из достоверных источников. Однако вместо того чтобы предпринять какие-то меры предосторожности, занять выгодные оборонительные рубежи, сосредоточить артиллерию, танки в скрытых местах, убрать самолеты с аэродромов, известных немцам, занимаются показухой и болтовней. Грубо выражаясь, это настоящее предательство – вместо вооружения отобрать последние боеприпасы и толкать людей на верную смерть».

«Что ты разошелся, как холодный самовар, – пробурчал я. – Война еще не началась. Не раздувай из мухи слона. Командование знает, что делает. Мы с тобой пока солдаты, поэтому обсуждать действия командования нам не давали права. Давай и думать будем по-солдатски. Пусть генералы думают за нас с тобой. Давай лучше спать. У меня что-то голова болит. Ночью совсем не спал».

«Спать, так спать», – сказал Кошкин и снова лег на спину.

Рот у меня вопреки желанию широко раскрылся, и я уснул. Проснулся от толчка в бок. Кошкин прошипел сквозь зубы: «Не храпи, всех разбудишь». Я приготовился встать и уйти на другое место. Кошкин это почувствовал и зашептал: «Ты куда?» «Пойду, – ответил я. – Просто невозможно, сам не спишь и другим не даешь».

«Лежи, больше не буду, – ответил Кошкин. – Только скажи, как думаешь, готовы ли мы воевать с немцами?» Я продекламировал: «Броня крепка, и танки наши быстры, и наши люди доблести полны». «Ты брось мне стихами отвечать, – прошептал Кошкин. – Я спрашивал твоего мнения».

Я злился и молчал. Кошкин продолжал: «Одного боюсь, не повторилась бы Первая мировая война. Отец мой участник трех войн: Японской, Первой империалистической и Гражданской. Он часто на досуге рассказывал, что видел глазами солдата. Вместо снарядов и патронов на фронт часто привозили иконы и кресты. При перевесе в силах поступали приказы отступить иногда на сотни километров. Боюсь, не получилось бы и теперь, что было при царе».

Я громко сказал: «Мы всех сильнее и никого не боимся. Гремя броней, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет».

Красноармейцы зашевелились, проснулись. Я хотел продолжать, но получил тумак в бок. Больше не выдержал и спрыгнул с нар. Ко мне подошел помкомвзвода, спросил: «Может, поднять взвод на завтрак?» Я громко сказал: «Отставить!» Чуть тише добавил: «Пусть ребята спят. Кому надоело спать, пусть поднимаются».

Кошкин нехотя слез с нар. Подошел ко мне, улыбаясь, сказал: «Не сердись». Я ответил: «Больше не приставай ко мне. Иди к своему взводу и жалуйся на всех святых». Кто-то из красноармейцев сказал: «Станция Шяуляй».

Помкомвзвода послал за кипятком. Многие вставали и становились в проход к открытым дверям вагона. Каждый думал о своем. Большинство служили последние месяцы. Осенью домой. Поэтому думали о доме, о женах, о любимых девушках, об устройстве своей жизни после демобилизации.

На перроне народу было много, и в основном мужчины. Они говорили между собой на родном языке и смотрели на нас с нескрываемой злобой. Один тип подошел к нашему вагону и на русском языке заговорил: «Красные Иваны, вы едете на встречу с немцами. Не упускайте время, отслужите по себе панихиду, а то поздно будет».

Мы с Кошкиным выпрыгнули из вагона. «Что ты сказал?» – крикнул Кошкин и положил свою тяжелую руку на плечо типа. Я расстегнул кобуру, крикнул: «Стоять на месте!» Тип пытался пятиться, а потом дать стрелкача, но Кошкин без стеснения прижал его к земле. В один миг из вагона повыскакивали красноармейцы и окружили нас плотным кольцом. Я обыскал типа. Из карманов извлек немецкий парабеллум, десять обойм патронов и финский нож.

С перрона праздноголюющих мужчин как ветром сдуло. В одно мгновение все разбежались.

Командир батальона, подходя к нам, еще издали крикнул: «По вагонам». Подошел ко мне, спросил: «В чем дело?» Я доложил командиру батальона, что задержали одного вооруженного типа. Отдал ему парабеллум, обоймы и финский нож.

Кошкин перестал держать. Тип с быстротой зайца нырнул под вагон и был таков. Пока мы с Кошкиным лезли под вагон, его уже и след простыл. Комбат кричал: «Только не стрелять, берите живого». Не повезло типу, в это время подошел наш второй состав, и его снова задержали. Командир бригады Голубев смотрел на нас с Кошкиным с упреком, говорил: «Я-то думал, вы ловкие ребята, а вы шляпы. Из рук упустили».

Привели типа в наш штабной вагон. На коротком допросе он вел себя вызывающе. Говорил, что их вооружили немцы. Скоро будет война, и они будут помогать немецкому командованию освободиться от коммунистической мрази. Латвии, Литве и Эстонии немцы даруют свободу и самостоятельность.

Когда типа увели и сдали в НКВД, комиссар бригады сказал: «Меланхолик, псих, не в своем уме».

Голубев ответил: «Он не меланхолик и не псих. Он патриот и смело смотрит в глаза врагу. Смело пойдет на любую пытку и казнь». «Но ради чего?» – вставил комиссар.

«У него свои убеждения, своя давно сложившаяся жизнь, – ответил Голубев. – Неплохо бы в случае войны, чтобы каждый наш боец в логове врага вел себя так же, как он». Комиссар хотел возразить, посмотрел на нас с Кошкиным, сказал: «Мы на эту тему, товарищ Голубев, еще поговорим». «Что нам с вами говорить? – ответил Голубев. – Нам надо работать с народом, особенно органам госбезопасности. В России много умных мужиков посадили ни за что, по доносам кляузников и склочников. Здесь открыто выступают против советской власти и вдобавок вооружены. Никому до этого дела нет. Вообще-то очень странно. Что же будет, если начнется война? Они действительно будут из-за углов нам в спину стрелять». «Поживем, увидим, – сказал комиссар. – Вы, товарищи младшие лейтенанты, свободны».

Поезд шел очень медленно. Я на ходу поезда пересел в вагон к своему взводу. Усталость чувствовалась в каждой клетке тела. От чрезмерного курения болела голова. В горле и легких ощущалось неприятное жжение. Выпил кружку воды, не раздеваясь, лег на верхние нары, ближе к люку, на сквозняк. День клонился к вечеру. Стояла июньская жара. Воздух в вагоне был до предела насыщен водяными парами и запахами человеческих тел. Уснул мгновенно. Разбудил меня дневальный по вагону: «Товарищ младший лейтенант, вас срочно вызывает командир батальона. Мы уже в Литве, на станции Радвилишкис».

Расправил руками смятые складки брюк и гимнастерки. Встряхнул пыль и паровую копоть. Не спеша вылез из вагона, про себя ругая комбата. Думал, если самому не спится, дал бы мне поспать.

Ночь, на небе тускло, по-летнему сверкали звезды. Край у самого горизонта северо-восточной части неба был озарен белой полосой. Короткая июньская ночь начинала сменяться днем.

Наш состав стоял в тупике, на самых крайних путях. В ночной тишине раздавались гудки маневровых паровозов и свистки составителей вагонов. В офицерском вагоне было тихо и темно. Только из одного купе, завешанного от прохода одеялом, просачивался тусклый свет свечи.

Командир батальона сидел, окутавшись дымом из трубки. Я хотел отрапортовать, он предупредил. Сказал: «Без официальностей, тише – садись. В вагоне все спят». Я подумал: «Только тебе не спится, и другим не даешь».

«Котриков, поднимите два отделения вашего взвода в боевое охранение. Если поезд будет стоять долго, тебя сменит Кошкин. Что-то очень много любопытных по путям шляется».

«Есть поднять», – прошептал я и быстро вышел из вагона. Не залезая в вагон, дневальному приказал поднять 1 и 2 отделения в полном боевом.

Люди выскакивали из вагона и становились в строй. Перед командирами отделений поставил задачу боевого охранения и scomандовал: «Исполняйте!»

Несмотря на позднюю ночь, по станционным путям и перрону ходили мужчины в одиночку и группами по два-три человека. Одна из групп шла вдоль нашего состава. Я спросил: «Что вам здесь нужно?» Один из них ответил: «Русский не понимаем».

Медленно удалились от вагонов. Отойдя на значительное расстояние, закричали на русском языке: «Оккупанты, вас немцы отсюда выгонят, уничтожат всех» – и отборная русская ругань. Скрылись за вагонами.

Ночью время тянется особенно долго. Примерно через два часа меня сменил Кошкин. Кошкину я доложил: «За период дежурства ничего не произошло». Забрался в вагон, втиснулся между горячих солдатских тел и тут же уснул. Разбудил помкомвзвода – снова вызывал командир батальона. Был уже теплый солнечный день. Кругом все жило, радовалось и цвело. На небольшом железнодорожном разъезде пахло от шпал креозотом и от паровоза каменноугольным дымом. Но запахи леса, луга и цветов проникали и сюда. Командир батальона объявил, что вблизи станции Таураге, то есть скоро, будем разгружаться. Сказал: «Товарищи, проявите бдительность и маскировку. Начинаются маневры. Перед нами поставлена задача – сделать бросок на 40-50 километров и разгромить превосходящие силы противника. Сейчас по местам, готовьте личный состав для разгрузки и похода».

Поезд плавно, оповещая протяжным гудком, тронулся. Снова односторонне застучали колеса вагонов. Но ехали недолго, резко закрипели тормоза, состав остановился на перегоне. «Приехали, товарищи, разгружайтесь», – слышались команды во всех вагонах. Красноармейцы неторопливо вылезали из вагонов и становились в строй.

На лугу, у проселочной дороги выстроили весь батальон. Перед ним были поставлены тактические задачи. Мы пошли к месту назначения для участия в маневрах для разгрома врага.

Шли долго, весь день 19 июня, и прихватили ночи. Артиллеристы, обгоняя нас, кричали: «Пехота 100 километров прошла, еще охота». Хотелось спать, на ходу закрывались глаза. Кое-кто умудрялся идти и спать. На привалах многие засыпали мгновенно. Вместо шуток и разговоров был слышен храп.

20 июня в пять часов утра наша бригада расположилась в лесу на берегу небольшой речки. Комбат собрал офицеров и сказал: «Вот это будет наш исходный рубеж. Отсюда наступать удобно. Главное – естественное препятствие для танков. Отсюда мы рванем, как только получим приказ наступать. Место во всех отношениях удобное для обороны и наступления. А знаете ли вы, что здесь рядом граница с Германией? До фашистской Германии отсюда всего 6 километров». «Когда немцы будут проводить маневры?» – послышался вопрос. «Трудно сказать, когда начнутся маневры у немцев. Они нам об этом не докладывают. Однако по всем данным, у немцев сосредоточены войска у нашей границы. Ходят среди нас неприятные слухи, якобы на днях немцы объявят войну Советскому Союзу. Я отрицать и утверждать не буду, все может быть. Поэтому ко всему надо быть готовым. Недалек тот день, когда мы услышим выстрелы немцев. Какими патронами они будут стрелять: если холостыми, значит, начались маневры, боевыми – война. Вы не думайте, что мы приехали с пустыми руками на маневры. На случай войны командир бригады, несмотря на запрет, доставил минимум всего необходи-

мого. Сейчас по местам. Накормите личный состав и спать. Горячий завтрак готов». Все ели с большим аппетитом. После завтрака установили штабную палатку и две для офицеров.

Красноармейцы ломали ветки деревьев, кустарников, готовили постели, подстилая шинели и укрываясь плащ-палатками. Немногие делали из плащ-палаток уютные шалаши, где было приятно полежать. Все, кроме караулов, спали.

В два часа дня пришла делегация литовских крестьян с претензиями. Они грозились предъявить бригаде иск на потраву и затаптывание посевной и сенокосов. Многие из них отлично говорили по-русски. Командир бригады их заверил, что при проведении маневров будем использовать леса, пустыри, как исключение, поля, не занятые посевами.

В расположение бригады крестьяне вошли с одной стороны, а обратно вышли в противоположную. Этому командование бригадой не придавало значения. Один только наблюдательный Кошкин посещение крестьян оценил по-своему. Он внимательно проследил за их визитом от начала до конца. Во время обеда во всеуслышание сказал: «Это приходили не крестьяне, а опытные разведчики». «Неверующему Антропу во сне и наяву видятся только одни враги», – бросил реплику командир роты. Все захохотали. Возбужденный Кошкин встал на ноги, расправил свои богатырские плечи и крикнул: «Тише, товарищи!» Комиссар батальона закричал на Степана с набитым пищей ртом: «Садись, Кошкин, и ешь, не возводи свой ум в квадрат. За последние дни тебя словно подменили. Стал слишком мнительным, даже с недоверием относишься к своим товарищам». Кошкин сел и принялся за гороховый суп-пюре. Командир батальона, окинув всех взглядом, обратился к Кошкину, повелительно сказал: «Говори, только не порти аппетита. Что касается настроения, то оно покинуло меня еще в Риге». Наступило молчание. Только слышны были работа челюстей да чавканье.

Молчание нарушил Кошкин. «Извините меня, товарищи, но и поймите правильно, – заискивающе начал Степан. – Я вырос и половину жизни провел в тайге. Отец мой в свое время был хороший охотник и следопыт. С детства я многое от него перенял. Поэтому отлично знаю повадки не только зверя, но и человека. Особенно повадки нечестного человека. Нечестный человек льстит, прикидывается другом, глазами прощупывает все окружающее. Думает и ждет момента втихаря нанести смертельный удар. Литовцев я встретил на входе в наше расположение. В карауле сегодня мой взвод. За ними наблюдал от начала до конца посещения. От моего взора ничего не ускользнуло. Я все прочел по их поведению и лицам. Двое из них – это матерые звери. Они шли по расположению нашей бригады походкой обреченной загнанной рыси. У них каждый мускул, вся нервная система была до предела напряжена. Если бы мне разрешили только на пять минут заняться ими, то они с головой выдали бы себя. Хотя они натренированные и обученные разведчики, но большие трусы. Их выдает каждый шаг, каждое движение. Это не типичные крестьяне, за кого их принимали. Они только одеты по-крестьянски. Трое из них походят на крестьян. Быть может, из соседних хуторов. Все они пришли не по крестьянским делам. Не в защиту сенокосов и посевов. Они пришли с целью разведки: узнать номер бригады, сколько нас и чем мы вооружены».

Комиссар встал и резко проговорил: «Кошкин, ты великий Шерлок Холмс. Но брось паниковать, много на себя не бери. Кто тебе позволил критиковать командование бригады?» Командир батальона сдержал комиссара. Он сказал: «Мне кажется, он говорит дело». «Продолжай, Кошкин. С выводами спешить не надо. Послушаем до конца».

Кошкин снова заговорил: «Вы обратили внимание, как они стреляли глазами по сторонам? Притом между ними все было согласовано. Они головами не крутили, каждый знал только свою сторону. Они создавали впечатление, что ничем не интересуются, так как каждый из них смотрел в строго определенном направлении и на определенное расстояние. То есть, каждый изучал свой участок. Их пять человек. Двое просматривали правую сторону, двое – левую. Пятый, более опытный и старший, все в целом. Они считали у нас не только боевую технику, но и весь личный состав. Притом с незначительной ошибкой. Картина нашей бригады для них

ясна. От их взгляда не ускользнула даже такая мелочь, что мы вооружены холостыми патронами и бумажными хлопушками вместо гранат».

«Да ну?» – сказал комиссар. «Да, товарищ комиссар, это так, – повторил Кошкин. – Когда они шли, некоторые красноармейцы и младшие командиры чистили винтовки. Проверяли свои подсумки и говорили: «Постреляем холостыми патронами вдосталь»».

«Ты, Кошкин, не только философ, а на словах еще и неплохой разведчик, – сказал комиссар. – Этих качеств мы в тебе пока не знали. При первой необходимости постараемся использовать по назначению». Все заулыбались.

«Надо проверить, были ли такие делегации в других воинских частях. Тогда я с тобой частично, Кошкин, буду согласен. По местам! – скомандовал командир батальона. – Займитесь личным составом. Пусть приведут себя в порядок после дороги. На маневры приедет командующий военным округом, и, возможно, кто-то из Наркомата обороны из Москвы, поэтому будет смотр войск. Подготовьтесь, товарищи офицеры. Завтра, 21 июня, начнем занятия по утвержденному графику. Маневры, по-видимому, начнутся не раньше понедельника, 23 июня».

Что значит для солдата приведение себя в порядок? Это отдых. Пришить пуговицы, почистить свое несложное обмундирование, сменить воротничок. Мы с Кошкиным поговорили с младшими командирами и легли спать на солдатской постели. Нас немного донимали комары, но мы народ лесной, привычный к насекомым. Разбудили ужинать. После ужина вечерняя поверка – и снова спать. Ночью комариное семейство увеличилось в десятки раз. Пришлось кое-кого учить, как укрываться от их укусов, то есть из плащ-палаток сделать шалаши, все отверстия заткнуть травой. Мы со Степаном ушли в офицерскую палатку.

21 июня началась обычная лагерная солдатская жизнь. Подъем, физзарядка, политзанятия, завтрак, становись, разойдись. Занятия проводили на лесных полянах и проселочных дорогах.

Любопытное население ходило с косами, но не косило. Командир бригады обещал свозить в воскресенье всех офицеров на море, где можно купаться, загорать и знакомиться с отдыхающим миром.

Пришла моя очередь дежурить. Я возмущался про себя, говорил, что мне в жизни никогда не везло. Кошкин надо мной подтрунивал, говорил: «Ничего, впереди еще много выходных дней. Да тебе не обязательно ехать. Женщин ты не любишь, и они тебя тоже. Другое дело начальство. Они не поспели от баб уехать, еще постели не остыли, как потянуло на знакомство». «Какое знакомство? – возмутился я. – Ты говоришь какую-то ересь, путаешь море с бабами».

«Ты, Илья, наивный, неискушенный человек. Не имеешь никакого представления о море. Сейчас самый сезон для отдыха. Поэтому все санатории и дома отдыха до отказа забиты отдыхающими, а на побережье их уйма. А сколько дикарей, их никто не считал».

Вечером Кошкин мне заявил: «Завтра я дежурю за тебя. Без возражений. Я поговорил с командиром батальона. Ты можешь ехать».

Настроение в один миг стало приподнятым. Я до крайности был доволен дружбой с Кошкиным. Но напустил на себя важность: «Напрасно ты перестарался. Очередь моя, поэтому буду дежурить я».

Кошкин схватил меня за талию, поднял на руках, улыбаясь, заговорил: «Не тяжел ты на Земле, что осталось от тебя в земле. Поедешь ты, я не могу. Ты неженатый, тебе легче. На один день ехать в общество женщин – только дразнить себя».

Мне пришлось сдаться. «Выпусти меня из своих клещей», – сказал я. Кошкин поставил меня на ноги. «Хорошо, дежурь за меня. Следующее воскресенье я дежурю за тебя, договорились?»

К поездке на море готовились как к празднику. Чистили одежду, пуговицы, сапоги. Драли суконкой пряжки ремней и портупеи. Наступил вечер. После ужина нас с Кошкиным подо-

звал к себе командир батальона и сказал: «А ну, Шерлоки Холмсы, не хотите прогуляться? Любопытство, как говорят в народе, не порок, но большое свинство. Надо сходить в разведку. Познакомиться с окружающими окрестностями и попутно узнать, кто, кроме нас, прибыл на маневры».

«А как же быть, приказ командира бригады: из расположения уходить запрещено даже офицерам. Самовольный уход считается самовольной отлучкой, а там все последствия, то есть военный трибунал».

«Это распоряжение командира бригады. Идете не только вы. Ясно вам? Выполняйте. Идите в строго заданном направлении. Через три часа вы должны быть у меня. Будьте осторожны».

За три часа мы прошли много. Все обойденное пространство было занято нашими войсками: пехотой, артиллерией, броневиками и танками.

«Степан, здесь нас большая сила. Под каждым деревом – отделение. Немцы нам не страшны. В случае войны штыками проложим дорогу до самого Берлина. Маневры будут на славу».

Кошкин сразу не ответил. Молчал и смотрел на меня. «Ну что уставился, давно не видал?» «Смотрю я на тебя, Илья, и думаю. Не глупый ты парень, но очень наивный и доверчивый. Наивность и доверчивость иногда бывают хуже глупости. Я очень наблюдательный, поэтому от моего взгляда ничего не ускользает. Мы приехали сюда на маневры, а придется воевать. Но к войне мы не готовы. Поэтому немцы перемешают всех с грязью. Если будем живы, увидим».

Надвигалась теплая с большой влажностью воздуха прибалтийская ночь. Легкий, еле заметный ветер чуть шевелил листья на вершинах деревьев. Хотя море было далеко, до нас доносился запах морской соленой влаги с запахом рыб, водорослей и протухших морских гнилей. Солнце давно спряталось за облако у самого небосклона. Сначала облако было светло-желтым, а затем постепенно перекрасилось в другие тона. Где-то вдали несколько раз прокуковала кукушка. Птичий гомон понемногу стихал. Становилось тихо.

Кошкин потихоньку сказал: «Какая благодать. Как хорошо побродить по этому лесу, как по парку. Даже сучки все подобраны. Не нравится мне здесь, Илья. Местность ровная, как противень. Леса больше лиственные, низкорослые, какие-то корявые. То ли дело у нас в Сибири. Лиственницы, пихты, кедры, кажется, поднимают свои кроны до самого неба. Местность то поднимается в горы на несколько километров, то опускается. Видимость с гор на десятки километров. Здесь в лесу дальше своего носа ничего не видно».

Заря на горизонте окрасилась в багрово-красный цвет и постепенно начинала бледнеть. Через полчаса превратилась в белесую полосу. На небе появились тусклые звезды. «А звезды как у нас, – сказал Кошкин. – Вот Большая, а недалеко от нее Малая Медведица, а вон Полярная Звезда. Мой отец малограмотный мужик, а звездное небо читает. Он с ошибкой до десяти минут по звездам определяет время. Я от него немного перенял еще в детстве».

Я знал мало звезд и, чтобы отвлечь внимание Кошкина от неба, сказал: «Неплохо бы побывать сейчас среди родных. Посмотреть хотя бы с одного конца на родную деревню и мельком взглянуть на свой дом».

Кошкин задумался. Далеко на юго-западе были видны не то вспышки зарниц, не то молнии. Изредка глухо доносились раскаты грома. Ощущалось что-то далекое, неведомое, неприятное. Казалось, от этих далеких раскатов дрожит вся земля. Прошли мы с Кошкиным не менее 20 километров. Часто слышали окрики патрулей и часовых. Посты обходили, шли дальше. Я только здесь убедился, что Кошкин настоящий таежник. Не пользуясь ни картой, ни компасом, он отлично ориентировался в незнакомом лесу.

Вперед мы шли по одному направлению. Обратный маршрут изменили, взяли правее, ближе к границе. Мне казалось, в расположение бригады должны прийти с той же стороны,

откуда вышли. Возвратились с противоположной. Я совершенно запутался, но молчал, не подавая вида. «Вот мы и дома», – сказал Кошкин и остановился. Мне все казалось незнакомым. Когда внимательно осмотрелся, признал старый корявый дуб, под которым были разбиты шалаши. Признал и нашу палатку.

«Пойдем спать, Степан», – предложил я. Скуластое круглое лицо Кошкина озарилось улыбкой. За последние дни я его видел сосредоточенным, не по годам серьезным.

«Илья, только посмотри, какая красота!» «Чего смотреть? – возразил я. – Когда ни черта не видно, кроме неясных очертаний деревьев и наших палаток. Тебе, наверно, видится приятный мираж? Пошли, доложим командиру батальона и спать».

Командир батальона не спал, ждал, по-видимому, нас. Следом за нами к нему пришел полковник Голубев. Мы обстоятельно доложили, что видели.

Голубев попросил меня выйти из палатки вместе с ним. «Илья, поручаю тебе выполнить личное поручение. Примерно в 40 километрах отсюда, завтра покажу на карте, чертово название. На языке крутится, а выговорить не могу. Там расположен военный госпиталь. В понедельник, 23 июня, поедешь туда и узнаешь. Соня работает там – это точные данные. Ясно тебе?» «Все ясно, товарищ полковник!» «Ну, гуд бай». Голубев быстро удалился и растворился в темноте.

Подошел Кошкин и предложил побродить еще. Я отказался. «Илья, ты не любишь природу, – возразил Кошкин. – Какой воздух, какой ночной пейзаж!»

Воздух был действительно приятен. Насыщен запахом цветов и трав. Пахло медом и нектаром, дубом и сосновой хвоей. Где-то вдаль скрипел коростель, и по-ночному кричали перепела. Кем-то потревоженные журавли подняли приятный для слуха крик. Стаи журавлей и их курлыкание напомнили о родной деревне, полях, окруженных со всех сторон лесом.

«Ну что, побродим? – повторил Кошкин. – Выспимся. Можно всю жизнь проспаться. Одну треть жизни мы и так проводим во сне. Когда спим, находимся в забытии и в несознательном состоянии. Значит, мы не живем разумной жизнью».

Прохлада и сырость придавали телу силу и бодрость. Хотелось бежать взапуски, куда – неважно, лишь бы бежать.

«Степан, отслужим в армии, что собираешься делать?» Кошкин задумчиво смотрел на небо, ответил не сразу. «Как только демобилизуюсь, сразу попытаюсь поступить в институт, невзирая ни на какие трудности. Сейчас у меня как никогда приподнятое настроение. Давай еще минут десять постоим. Такие вечера нечасто бывают».

Становилось прохладно. Комары без разбора лезли в нос, уши и глаза, сходу кусали. Не помогали и ветки, которыми мы их пытались отогнать. Вокруг нас их вилось целые тучи. «Степан, я пошел спать, больше не могу».

Мы вошли в нашу палатку, где давно все спали. Командир роты проснулся и заворчал: «Где вас черти до сих пор носили? Сами не спите и другим не даете. Завтра с вами разберусь. Напустили комаров полную палатку». Кто-то его поддержал. Чтобы не было слышно его ворчания, я положил подушку на голову. Не думая ни о чем, мгновенно уснул.

Снилась мне гроза. Таких гроз за прожитую жизнь я не видел. В книгах о них тоже не читал. Бесперывно гремел гром. Раскаты его наполняли все околоземное пространство. Молнии сливались в единую световую массу. Как будто с неба извергался вулкан. Молнии ударяли в деревья, заборы, дома и все живое. Кругом все рушилось, все горело. Горели небо и земля. Шаровые молнии, которых я никогда не видел, только слышал о них по рассказам, летали, прыгали, бежали по земле, светясь, напоминая белых лебедей. При столкновении с препятствием рвались как снаряды.

«Подъем! Тревога!» – кричали по всему расположению бригады.

Я был весь мокрый от пота. Собрался в одну минуту. Люди бежали, хватали винтовки из козел и становились в строй. Рядом с нами рвались тяжелые артиллерийские снаряды, авиа-

бомбы и мины. Влажный утренний воздух наполнился запахами порохового дыма и человеческой крови. С воем включенных сирен и бомб, шумом и визгом моторов на бреющем полете над нами пронеслись десятки самолетов. В нашу палатку ударила тяжелая авиабомба, прямое попадание. Вместо палатки и наших вещей на земле зияла большая воронка. «Метко бьет», – крикнул какой-то весельчак и остряк. «Да, – подумал я. – Попади двумя минутами раньше, мы все бы погибли. А сейчас уничтожены только наши вещи. У меня их было мало, но жаль писем и фотографий. У старших товарищей большие чемоданы были набиты до отказа».

Все страшное только начиналось. Шум, визг, грохот и раскаты грома с каждой минутой усиливались. С диким воем пронеслись самолеты. Выли сирены и бомбы. Очереди трассирующих крупнокалиберных пуль боронили грешную землю. Бомбы и снаряды в утренней прохладе рвались с каким-то особым треском и уханьем. Вершины и сучки деревьев, как скошенная трава, падали на землю, прикрывая убитых и раненых. Стоял кромешный ад. На головы беззащитных людей низвергались сотни тонн металла.

Разобраться в этом аду было невозможно. Голосов людей не было слышно. В воздухе стоял сплошной гул, вой и рев. Я тоже кричал: «Взвод, к бою». Но голос мой даже для своих ушей был почти не слышен. Он терялся еще во рту.

Самолеты раскидали свой смертоносный груз, улетели. Артиллерийская и минометная канонада утихала. С воем над нашими головами летели одинокие снаряды и мины. Рвались где-то недалеко от нас. «Отбой, выходи строиться», – кричали уцелевшие офицеры. «Проверить личный состав, установить потери», – поступила команда. Потери установлены: около ста человек в бригаде убитых и раненых. Разобрали уцелевшие палатки. Все штабное имущество упаковали и загрузили на полуторку. Легкораненые сами убежали в медсанбат. Тяжелораненых собрали и отвезли на лошадях. «Немцы нас бьют, – сказал командир батальона. – Мы их пока не видим. А если и увидим, то нечем достать. У нас нечем бить немцев».

Приказ командира бригады передавался по цепи: «В бои с небольшими немецкими группами не вступать. Возможно, это еще не война, а провокации со стороны немцев, так как нет связи не только с командующим округом, но и с командующим армией. Взаимодействия с окружающими воинскими частями нет. Мы сейчас каждый сам по себе. Посланы связные в соседние воинские части и штаб армии. Будем ждать ответа. Занять оборону по берегу этой речушки, всем окопаться».

Вдали на границе доносились пулеметно-винтовочная стрельба и нечастые разрывы снарядов и мин. Стрельба то затихала, то снова возобновлялась и сливалась в единый глухой вой.

Кошкин лежал рядом со мной и возмущенно говорил: «Что за глупости, нас бомбят, обстреливают с самолетов, стреляют из минометов и орудий, пока только пули не долетают. В бригаде много убитых и раненых. На границе идет настоящий неравный бой с превосходящими силами противника. Отсюда все хорошо слышно. Пограничники гибнут в неравном бою. Ждут от нас помощи. Мы сами лежим беспомощные. Начальство успокаивает себя: это пока не война, а провокация. Надеемся на какое-то чудо. Раньше верующие говорили так: «Богу молись, но и работай, не ленись». Мы вместо того, чтобы идти на помощь пограничникам, лежим с холостыми патронами и ждем милости от фашистов. Жаль, что только икон и крестов у нас нет. Все похоже на начало Первой империалистической войны 1914 года».

Связной комбата сообщил: «Привезли патроны и гранаты».

Не успели раздать патроны по двадцать штук на человека и по одной гранате, как на противоположной стороне речки появились немецкие танки с десятками пехотинцев на броне. Танки изрыгали на нас сотни снарядов и изрядно поливали нас пулями. Автоматчики что-то кричали и стреляли. На их лицах были видны улыбки.

«Времени шесть часов, – сказал Кошкин. – Запомни, Илья, на всю жизнь. Какой будет наша жизнь, длинной или короткой. В шесть часов в воскресенье 22 июня 1941 года мы вступили в бой с немецко-фашистскими головорезами».

«Гады», – кричали наши красноармейцы и меткими выстрелами били по немцам. Немцы падали и прыгали с брони танков. Немногие оставались лежать на месте. Остальные разбежались и залегли, стреляя из автоматов. Красноармейцы недоумевали, что это у них за оружие. Чем-то напоминает наши дореволюционные маузеры, но стреляет довольно часто.

Танки дошли до речки и начали пятиться, изрыгая из себя огонь и металл. Где-то рядом заговорила наша артиллерия. Били 45– и 76-миллиметровые пушки. Танки развернулись и удалились восвояси. Следом за ними скрылась в лесу и пехота.

Люди без команды стали окапываться. Многие вырыли себе траншеи по рост. «Нужда заставляет грызть и плесенью покрытые сухари», – шутили младшие командиры.

В восемь часов утра поступила команда: «Покинуть занятый рубеж – отступить». «Мы окружены. Немцы нас обошли», – раздавались со всех сторон одинокие голоса. «Смерть паникерам», – кричали офицеры. Раздался сиплый, но мощный голос комиссара батальона: «Товарищи, мы просим весь личный состав, доставьте сюда тех, кто кричит "мы окружены"». Наступила тишина, только далеко и почти со всех сторон была слышна ружейно-пулеметная стрельба. Раздавались нечастые орудийные выстрелы и разрывы снарядов. Комиссар продолжил: «В этой обстановке, чтобы сохранить каждому из нас жизнь, нужна сплоченность, выдержка и стойкость. Паника, трусость в данной обстановке – это смерть». Порядок был наведен.

Бригада, организованно держась рядом с лесом и обходя поля, прошла около 10 километров. Лес был наводнен нашими солдатами. По нему бежали, блуждали из разных воинских частей одиночки и группы. Многие присоединялись к нам. Отдельные уходили в поисках своих частей. На привале накормили завтраком. Каждому дали еще по двадцать патронов. Комбат шутил: «Вот мы и вооружены. Каждый из нас может убить двадцать немцев. Теперь нам немцы не страшны».

Потери в бригаде, по выражению начальника штаба, были значительные, а сколько – он и сам не знал, так как многие разбежались по лесу, отстали. Отдельные группы догоняли бригаду только на привале. Из штаба армии поступил приказ: «Бригаде перекрыть ближайшее шоссе и проселочную дорогу. Отрезать у немцев тыловые части от головных наступающих».

Вышли на проселочную дорогу. Она была пуста. Хорошо было слышно: в 3 километрах по шоссе шли танки и автомашины.

«Занять оборону на проселочной дороге до получения данных разведки», – поступила команда. Все окапывались и маскировались. Артиллеристы устанавливали пушки. Лошадей отводили в лес. Повсюду была слышна стрельба. Где-то далеко раздавалось наше русское "Ура". Но тут же было заглушено сплошным воем выстрелов.

«Наши наступают», – слышались голоса со всех сторон. «Нам везет, как уопленникам, – сказал Кошкин. – Война идет уже около шести часов. Мы еще ни разу в атаку не ходили. Лежим да отступаем», – не успел он закончить фразу, из-за поворота дороги на больших скоростях выскочили мотоциклы с люльками, один, три, семь. К люльке каждого мотоцикла был приспособлен ручной пулемет. В люльках сидели пулеметчики. На заднем сиденье – автоматчик. Даже у водителя мотоцикла автомат был прикреплен к рулю.

Согласованно с трех передних мотоциклов короткими очередями стреляли по дороге и обочинам. Мотоциклисты, не подозревая о нас, на больших скоростях гнали в наше расположение.

«Не стрелять! – передавалась команда по цепи. – Подпустить, взять живыми». Вопреки команде с обеих сторон дороги застучали два станковых пулемета. Три мотоцикла перевернулись в кювет. Остальные резко затормозили, пытались развернуться. По ним все открыли огонь. Немцы лежали без движения. «Прекратить огонь! – раздалась команда. – Куда стреляете?»

Два немца выскочили из кювета и побежали в лес. «Не стрелять!» Кошкин и еще двое побежали их догонять. Один немец обернулся, выстрелил из автомата и тут же неуклюже упал. Второй бросил автомат, поднял руки вверх и снова кинулся бежать. Кошкин его быстро догнал, схватил за шиворот, поднял на вытянутых руках. Со всех сторон слышались голоса: «Молодец, какой сильный!» Немец шел, озираясь, как пойманный зверь, и, по-видимому, от страха кричал: «Русь капут, Сталин капут». Он мимикой и жестами показывал, что немцы за один месяц победят Россию. Кричал: «Хайль Гитлер». Многие понимали "хайль" по-своему и говорили: «Правильно он кричит, конец Гитлеру».

Кошкин уверенно вел немца. Один автомат у него висел за спиной, стволом другого он придавал пленному направление. Комбат сам решил допросить немца. Тот встал под стойку смиренно и закричал: «Хайль Гитлер».

«Что он такое кричит?» – обратился он к комиссару. Комиссар ответил: «Откуда я знаю». Кошкин перевел: «Вроде "Да здравствует Гитлер"». «По-видимому, фанатик какой-то», – заключил комиссар.

Немец говорил на диалекте баварца и очень часто. Никто из нас его не понимал. Я подобрал слова, сохранившиеся в памяти со школьной скамьи. Задал ему вопрос. Немец мне ответил. Я понял его. В течение пяти минут я и Кошкин обменивались с немцем словами и понимали друг друга. Командир батальона не выдержал, прервал наш разговор: «Что он лопочет?» Я перевел: «Немец говорит, что в три часа ночи их подняли по тревоге. Подвели к нашей границе, зачитали приказ Гитлера о наступлении на СССР. В четыре часа по пограничникам был открыт огонь минометами и артиллерией. Полетела авиация. После короткой перестрелки пограничные кордоны были смяты и без сопротивления продвигались по территории Литвы. Много русских захвачено в плен, так как им стрелять было нечем».

Немец говорил, что их мотострелковая дивизия участвовала в боях во Франции, Чехословакии, Польше, что с Россией они покончат быстро.

Пленного увели в штаб бригады. Немецкие мотоциклы были все исправны. Любители-мотоциклисты отогнали их в штаб бригады. Младшие командиры вооружились трофейными автоматами.

Кошкин подарил мне автомат с тремя запасными кассетами. Короткими очередями и одиночными выстрелами мы их опробовали. Били они отлично на расстояние до 200 метров. Мы, офицеры, об автоматах слышали, но не видели их. Младшие командиры и рядовые о них не имели представления. По распоряжению командира бригады мы бегло ознакомили весь личный состав, как пользоваться автоматами. Далеко в нашем тылу шла артиллерийская дуэль. Стрельба то стихала, то возобновлялась с новой силой. В воздухе над нами парил самолет, похожий на "раму".

Командование бригады предупредило, что это корректировщик и разведчик. Все старались замаскироваться. Можно хорошо замаскировать взвод, роту, батальон. Трудно – целую бригаду с обозами, артиллерией, прочим хозяйственным скарбом.

"Рама" исчезла. Раздался гул. На горизонте появились самолеты. Шли они строем по пять, словно на парад. Всего 30. Над нашим расположением разомкнулись и с воем включенных сирен с высоты 50-70 метров обрушились на нашу бригаду. Выли сирены и летящие бомбы. Пули с шипением, как гадюки, ударялись о землю. Рикошетили и снова поднимались ввысь. Бомбы глухо падали на землю и с сильным треском рвались. Осколки с шипением и воем проносились над нашими головами. Не всем посчастливилось окопаться. Для тех, кто не окопался, был сплошной ад. К такому воздушному натиску мы не готовились, хотя имели все возможности быть готовыми. Многие не окопавшиеся красноармейцы повыскакивали и побежали в поисках убежища. Убегали недалеко – осколки снарядов и пулеметные очереди тут же догоняли.

Кошкин оказался очень предусмотрительным. Мы с ним разместили свои взводы по осушительной канаве, расположенной в 100 метрах от дороги. За самовольство командир батальона грозил нам наказанием. Приказал занять оборону возле самой дороги. Его приказ остался невыполненным. Сначала мешала "рама", а затем появились самолеты. Один самолет пытался прочесать нашу канаву. Он делал несколько заходов. Канаву сверху была прикрыта кронами деревьев и кустарников, поэтому летчик не видел ни канавы, ни людей. Стрелял наобум лазаря. Самолеты разбросали бомбы и скрылись за горизонтом. Ко мне подошел Кошкин и лег рядом. Спросил: «Что, Илья, будем делать дальше?» Я ответил: «Надо ждать приказа». Кошкин возразил: «В этой путанице трудно разобраться: где наши, где немцы. Кругом стреляют. Надо немедленно уходить из этой мышеловки. Не дожидаться, пока нас накроют и уничтожат всех. Немцы отлично осведомлены о нашем вооружении. Они знают, что мы приехали не воевать, а на прогулку, то есть на маневры. Надо им отдать должное, что они на нас не жалеют патронов, вообще боеприпасов. Я бы на их месте забирал всех в плен, без единого выстрела. Тех, кто не хочет сдаваться, давил бы гусеницами танков».

«Нужны мы им, – возразил я, – как собаке пятая нога. Моего и твоего мнения пока никто не спрашивает, лежи и жди. Куда уходить, кругом немцы. Давай, пока не поздно, найдем хорошее естественное препятствие от танков. А то ты окажешься прав. Передавят всех гусеницами».

Санитары подбирали раненых и убрали убитых. Убитых клали рядами на лужайку возле дороги.

«Надо сходить узнать, что делать дальше», – предложил Кошкин. К нам пришел командир роты. «Неплохо вы придумали, молодцы», – похвалил он нас. На наш вопрос, а что дальше, ответил: «Не знаю, пока будем ждать». Я ему предложил: «Пока не поздно, давайте займем выгодную оборону. Отсюда не более 200 метров, куда впадает наша канава, находится магистральная канава, а может речка. А эта канава не является препятствием для танков». Командир роты согласился со мной. Ответил: «Поднимай людей». Мы перебежали. Это была небольшая речушка с заболоченными берегами. Русло ее было узким – 2-3 метра. Вдали виднелся большой омут площадью с гектар. «Лучшего места не придумаешь, – сказал командир роты. – Надо доложить командиру батальона». Мы перебрались на другую сторону, начали окапываться и маскироваться.

«Котриков, – крикнул командир роты, – доложите командиру батальона». Я не прошел и 50 метров, услышал рокот моторов, стрельбу из пушек, пулеметов, панические крики: «Танки, спасайся, кто может». На дороге появилось 12 танков с десантами пехоты на броне. Они на больших скоростях врезались в бежавших в панике наших солдат. Людей давили гусеницами, расстреливали в упор. За несколько секунд я был на берегу речки и лег рядом с Кошкиным. «Как жаль, что у нас не осталось ни одного станкового пулемета, – говорил командир роты. – Надо бы спугнуть сидящих на броне танков немецких грачей».

Мы собрали со своей роты гранаты РГД. Приготовили четыре связки. Три танка повернули к нам, расстреливая бегущих к укрытию людей. Кошкин с двумя связками гранат перешел на другой берег речки, кидать решил сам. Командир роты крикнул: «Отставить, Кошкин». Вместо Кошкина послал двоих рослых ребят. Когда танки подошли на расстояние 150-200 метров, мы из винтовок и двух ручных пулеметов открыли огонь. Десанты пехоты попрыгали с брони, побежали, прячась за танки. Машины подошли вплотную к берегу реки, изрыгая из себя снаряды и пули. Два танка остались на месте с подорванными гусеницами. Третий, пятясь, начал отходить. Немецкая пехота побежала обратно и залегла в 50 метрах от нас. Патронов немцы не жалели, строчили из автоматов, не давая поднять головы. Танки скрылись за поворотом дороги, оставив пехоту, по-видимому, с намерением перейти речку с заходом к нам в тыл. Справа от нас раздалось "Ура!" с редкими винтовочными выстрелами. Залегшие немцы побежали, отстреливаясь из автоматов. Командир нашего батальона с подвязанной правой рукой

вел в атаку примерно с роту солдат. Командир роты поднял и нас в погоню за убегающими немцами. Немцы убегали быстро, однако немногим удалось достичь дороги и залечь в придорожную канаву.

Два немецких танка с подбитыми гусеницами заставили нас залечь. Командир батальона был убит. Командование батальоном принял комиссар Кошкин с пятью красноармейцами подлез к танкам и предлагал немцам сдаться. В ответ немцы усилили оружейный и пулеметный огонь. Через верхние люки полетели гранаты. Кошкин облил танки бензином и поджег. Танкисты вылезли через нижние люки, начали отстреливаться из автоматов. Оба экипажа были убиты.

«Вот так, ребята, – сказал командир роты, – мы приняли первое боевое крещение, а дальше что будем делать?» «Только бежать отсюда», – вырвалось у меня. Командир роты резко оборвал меня: «Только без паники, товарищ Котриков. Без вас подскажут, бежать или сидеть». Передали команду комиссара: «Собрать убитых. Подобрать наше и трофейное оружие, боеприпасы».

Раненых поднимали санитары и уносили в лес.

Появился посланец от командира бригады, принес распоряжение: «Отступить. В связи с отсутствием боеприпасов отступление производить группами не более взвода. С немцами в бои не вступать, стараться уходить. Сбор бригады в местечке в 20 километрах отсюда. Где-то в районе Таураге». Появились агитаторы с немецкими листовками. Уговаривали без сопротивления сдаться в плен. Они говорили: «Немцы воюют против евреев, комиссаров и коммунистов, но не против русского народа. Поэтому всем сдавшимся в плен гарантировали сохранить жизнь и создать человеческие условия».

Откуда у Кошкина взялось такое красноречие? Он, как оратор, окруженный красноармейцами и младшими командирами, громко заговорил: «Не верьте, ребята, немецкой брехне. Если в 1914 году воевали зять с шурином, то есть Николай Второй с Вильгельмом, даже тогда немцы 75 процентов наших военнопленных уморили голодом. А сейчас фашисты, они вообще кормить не будут. Не забывайте, плен – это позор, предательство. Плен – это голодная, тяжелая смерть с избиениями и пытками».

«Откуда ты знаешь, младший лейтенант?» – донесся чей-то голос. «Знаю, – ответил Кошкин, – если бы не знал, то не говорил бы. У меня отец был в плену. В 1914 году попал раненым и вернулся в 1917 году. В ту пору немцы их не считали людьми. Кормили падалью, крокодильим мясом, лягушками, всякой дрянью. При этом хлеба, похожего на сырую глину, давали полфунта на человека. А вы захотели, чтобы Гитлер вас кормил и одевал. Если немцы не расстреляют при сдаче, то заморят в лагерях. Не поспели еще переступить нашу границу, уже кричат: «Русь, капут». Мы еще посмотрим, господ фашисты, кому капут, вам или нам. Русский народ добровольно никогда не клал и не положит голову на плаху. В первый день войны показали, что вы не люди, а хуже кровожадных зверей. Даже зверь беззащитного не всегда убивает. Они сегодня гусеницами танков давили раненых. Автоматчики в упор расстреливали тяжелораненых двадцатилетних парней. Что они им плохого сделали? Ели хлеб, выращенный своими руками, ходили по своей земле?»

Он говорил очень доходчиво и просто. Вокруг него собралось более 200 человек.

Комиссар отозвал меня в сторону и тихо сказал: «Меня вызывает командир бригады. Вы закругляйтесь быстрее. Меня не ждите. Организованно уходите, согласно переданному распоряжению».

После его ухода я подошел к собравшимся, встал в 5 метрах в стороне. Наблюдал за красноармейцами, окружившими Кошкина, которые превратились в слух. Один высокий худощавый сутулый солдат подошел к собравшимся, встал в 3 метрах от меня, спиной ко мне. Не только в нашем батальоне, но и в бригаде таких я не видел. На вид ему было не меньше 30 лет. У нас таких стариков не было. Бригада была полностью укомплектована кадровыми бойцами.

Я подошел к нему сзади и хотел спросить, откуда он. Он не спеша снял винтовку с плеча. Щелкнул затвор. Створ винтовки пополз по направлению головы Кошкина. Она выделялась среди всех. Я ударил рукой снизу по стволу винтовки, и как раз вовремя. Раздался выстрел. Пуля высоко прошла над головой Кошкина. Я выхватил из рук солдата винтовку и наставил на него дуло немецкого автомата. Тихо проговорил: «Руки вверх!» Красноармеец шмыгнул одной рукой в карман. Впереди стоящий сержант схватил его за кисть. В руке его оказался парабеллум. Допрашивать было некогда. Ему крепко связали руки. На допрос повели в штаб бригады на место сбора. Многие признали в нем агитатора, хвалившего немецкий плен. При обыске была обнаружена красноармейская книжка на имя Смирнова Евстафия Ивановича 1919 года рождения, 1500 рублей, две пачки папирос "Беломорканал", финский нож, защитные очки и письма от матери из Горьковской области. По дороге он утверждал, что он красноармеец 2 роты 3 батальона нашей бригады. Даже грозил: «Вот начальство разберется, и вам влетит». Правильно называл фамилию командира батальона, командира роты и так далее.

По дороге к нам присоединилась группа красноармейцев численностью около роты, которых немцы преследовали по пятам. Как было приказано, уходили, боя не принимали. Когда присоединились к нам, немцы отстали.

На привале я объявил: «Кто знает красноармейца Смирнова Евстафия?» Несколько человек отозвалось. Я поднял арестованного и спросил: «Кто знает этого человека?» Все молчали. «Встать, кто знает Смирнова», – крикнул Кошкин. Встало восемь человек. «Которого Смирнова, в нашей роте Смирновых двое. Оба они с Ветлуги, – раздался чей-то звонкий голос. – Там, говорят, во всех деревнях добрая половина Смирновых». Я ответил: «Речь идет о Смирнове Евстафии. Вот этот тип утверждает, что он Евстафий Смирнов».

Подошел небольшого роста сержант и спросил: «Разрешите, товарищ младший лейтенант, я его по-настоящему осмотрю. Что-то похожего ничего нет. Мы со Смирновым земляки, с одного района, да и деревни наши рядом. Ты говоришь, Смирнов. Вот тебе за Смирнова», – и ударил его в челюсть. Самозванец свалился. «Бей его. Расстрелять его», – закричали почти все. «Где Смирнов, куда его девали?» Разъяренные люди пинали и били самозванца.

Мы с Кошкиным и младшими командирами вынуждены были подать команду: «Становись в строй!» Люди встали в строй и требовали расстрелять самозванца. «Что вы галдите? – кричал Кошкин. – Расстрелять, расстрелять, это проще всего. А вот получить от него ценные сведения тоже немаловажное значение имеет. Сдадим в особый отдел бригады, там специалисты, пусть разбираются. Направо! – подал команду Кошкин. – Шагом марш!»

Шли быстро. По пути к нам примыкали рядовые, младшие командиры и даже офицеры из разных родов войск: артиллеристы, танкисты, чудом уцелевшие пограничники и даже летчики в темно-синей форме.

Среди многих царил страх за свою жизнь. Они говорили, что их воинские подразделения, не принимая боя, трусливо разбежались по лесу. Многие сдались в плен. Не было боеприпасов, чтобы дать отпор немцам. Те, кого беда разлучила со своими воинскими подразделениями, примыкали к нам, просили патроны и шли за нами до конца. Те, кто струсил, в трудную минуту бросил своих товарищей и сбежал, присоединялись к нам и тут же отставали. Уходили в леса спасать свою шкуру. Повсюду среди наших вояк сеялась паника. Распространялись нелепые слухи, что немцы высадили крупные десанты в Ригу, Минск, Киев, Ленинград и так далее и без сопротивления заняли эти города. Что наше правительство бежало в Америку. Поэтому напрасно мы бежим, надо сдаваться в плен.

Глава шестая

День клонился к вечеру. По небу плыли редкие высокие кучевые облака. Они медленно меняли свои очертания, изображая то средневековые крепости, то великанов или гигантских сказочных зверей. Вдали показался хутор. Кошкин предложил: «Зайдем, попьем холодной водички, может, поужинаем у гостеприимного хозяина». «Зайти заманчиво, даже неплохо. Посмотри, сколько нас. Мы не только весь хутор вместе с хозяином съедим, но и от строения ничего не останется, – возразил я. – Кроме того, опасно, там могут быть немцы».

«Ты, Илья, стал слишком мнителен», – буркнул сквозь зубы Степан.

«Война, Степан, у нее свои законы. Бдительность, осторожность в сочетании со смелостью – залог жизни солдата. На войне в первую очередь гибнут трусы». «Что ж, пусть будет по-твоему, – ответил Кошкин. – Я схожу на разведку, а вы подождите». «Сначала нужно отвести людей километра за два отсюда. Здесь оставить только наши взводы, а потом уже идти в хутор», – предложил я. «Правильно, – поддержал меня незнакомый старший политрук-артиллерист. – Вы оставайтесь пока здесь со своими взводами. Нас, офицеров, здесь много. Мы пройдем километра два-три и сделаем привал часа на полтора. За это время вы управитесь».

Сборный полк, как именовал его старший политрук, ушел. Неорганизованных людей в нем было больше тысячи человек.

Кошкин захватил с собой двух ребят, вооруженных трофейными автоматами, напрямую пошел к хутору. Провокатор просил, чтобы я с ним поговорил. Часовому велел отойти от нас на десять шагов и спросил: «Что вы хотите сказать? Что у вас за просьба?» Он скороговоркой ответил: «Ты грамотный офицер. Пойми меня правильно. Немцы уже победили всю Европу. Россию они пройдут за один месяц. Спасай свою жизнь. Я немец, отпусти меня. За это будешь вознагражден на всю жизнь. Не забудет тебя великая Германия до смерти». Я его оборвал на полуслове, крикнул «Прекратить разговоры!» – и позвал часового. Немец все равно продолжал: «Вашего друга могут убить. Многие литовские крестьяне нами вооружены. Они окажут большую помощь великой немецкой армии».

Не доходя 50 метров до хутора, по Кошкину открыли огонь. Один красноармеец упал. Кошкин сделал бросок в сторону и залег. Я выдвинул взвод Кошкина к хутору и велел изрядно стрелять. С хутора стрелял короткими очередями пулемет. С чердака и забора стреляли из автоматов. Был приказ «В бой не вступать!», но удержаться было трудно. Надо друга выручать. Я со своим взводом пошел в обход хутора. С противоположной стороны мы ворвались в него без потерь. Вояки против нас были все гражданские. Всего девять человек. Вооружены одним пулеметом и автоматами. Не ожидая нашего появления с тыла, от первых брошенных гранат побежали. Красноармейцы догоняли, кололи штыками или в упор расстреливали. Остался один на чердаке. Слезать отказался. Оказывал сопротивление. С большим акцентом говорил по-русски. Мы предупредили, что если через три минуты он не спустится, то подожжем дом. Зажгли факелы. С поднятыми руками вышел 30-летний мужик, сын хозяина хутора, хозяин-старик при побеге был убит. Сын оказался трусом. Все время просил, чтобы его не убивали. Показал спрятанные продукты, фотографии троих детей и жены. Мы похоронили двух погибших ребят и захватили с собой найденные продукты: мясо, муку, крупу, хлеб.

Старший политрук со своим полком ждал нас. Даже выставил связных, чтобы мы их не обошли. Обед приготовили в лесу, накормили всех. После трапезы Кошкин расчувствовался. Он призывал меня к вечной дружбе, пока живы, никогда не расставаться, но век наш был ненадежный, мог в любую минуту оборваться.

Литовца мы тоже вели с собой в штаб бригады. По дороге он исчез от сопровождающих. Они менялись, ничего путного от них мы не добились. Говорили, что сбежал, а где и когда, никто не знал.

Ночь наступила как после обычного дня. За первый прожитый день войны в природе ничего не изменилось. Артиллерийские канонады, разрывы сотен тысяч мин и бомб и кровь людская не замедлили и не ускорили движения Земли. Планета мчалась в пространстве с прежней скоростью по орбите вокруг Солнца и вокруг своей оси. У нас менялась численность. Мы недосчитывались десятков тысяч ребят, которых никто больше не увидит и не услышит. Вечный сон, вечная память.

Кошкин вел по компасу. Люди роптали: уже ночь, пора отдохнуть, не исключена возможность напороться на немцев. Я догнал Кошкина, передал просьбу устроить привал с ночлегом. Привал устроили в лесу. Лес всем дает приют, а иногда и пищу. Летом он спасает от зноя, поит живительной влагой. Зимой дарит ночлег и обогревает.

Многие обращались с вопросами: «Правда, что началась война?» Они не верили, как и мы, что это жестокая, кровавая, по своим размерам небывалая война, уносящая десятки миллионов жизней. Они спрашивали: «Где же наши лучшие в мире самолеты? Где же наши прославленные летчики?» Мы не знали, как ответить. За первый день войны, самый кровавый, мы не видели ни одного нашего самолета. Немецкие же, с черными загнутыми крестами, летали свободно, уверенно. Отравляя наш воздух выхлопными газами, уничтожая нашу артиллерию, танки и обозы, приносили неисчислимые людские жертвы. Они снижались до высоты 25-30 метров, гонялись даже за одиноко бегущими нашими парнями. Все это у нас в головах не укладывалось.

К провокатору поставили караул из двух человек. Кошкин приказал связать ему руки и ноги. Часовым было запрещено говорить с ним. Мы с Кошкиным легли спать в 10 метрах от провокатора. В лесу стояла тишина. Кое-где были слышны полеты ночников, падали сухие сучки. Кошкин уснул мгновенно. У меня ныли уставшие ноги.

Послышался разговор, это говорил провокатор. Я поднял голову, затем сел, так как плохо слышал. Провокатор хриплым голосом тихо продолжал: «Пойдемте вместе со мной. Немцы отсюда не дальше 5 километров. Я сохраню вам жизнь. Обещаю в плену создать для вас человеческие условия. После нашей победы за оказанную мне помощь фюрер наградит вас поместьем. Вы окружены со всех сторон немцами. Все вы погибнете. Выход отсюда для вас один: смерть или плен».

Один из часовых спросил: «А кто этот фюрер?» «Гитлер», – ответил другой часовой. «А правда, что вы войну начали без объяснения, внезапно, и что ты немец?» – послышался снова голос первого часового.

«Я немец, – раздался уверенный ответ. – Войну мы начали внезапно, без объявления. Но воюем мы не с русским народом, а с коммунистами, евреями. Война будет молниеносной. Наши доблестные войска через четыре-пять недель займут Москву, и будет конец войне. Переходите к нам, сдавайтесь в плен, пока не поздно. Евреев, комиссаров и коммунистов мы в плен не берем».

«А куда же вы их девать собираетесь?» – послышался наивный вопрос часового. «Известно куда, – ответил провокатор. – Отправлять будем на тот свет, в царство сатаны».

Второй часовой ответил: «Бабушка надвое сказала: возьмете вы Москву или нет. Какие быстрые: раз, раз – и на матрац. Если мы сегодня отступаем...» «Не отступаете, а позорно бежите», – поправил провокатор. «Ну, пусть даже бежим, согласен. Но это не значит, что завтра конец войне и ваша победа. Россия-матушка велика и так просто не победите, как думает ваш Адольф Гитлер. Вы, по-видимому, грамотный и сильный человек, раз пришли в лагерь врага, без боязни агитировать сдаваться в плен. Даже придумал выстрелить в командира взвода Кошкина. Но есть меткая пословица: «Не говори гоп, пока не перепрыгнул». Я тебе отвечу словами почитаемого вами полководца Фридриха Второго. В 1762 году, когда русские заняли Берлин, он сказал: «Русских можно всех перебить, а победить нельзя».

Я хотел крикнуть «Прекратить разговоры!», но часовой меня опередил. Он сказал: «Давай помолчим. Не положено на посту разговаривать». Послышались осторожные шаги. Это ходили часовые. Но немец не унимался. Он заговорил еще громче: «Вы все погибнете. Вы дикари-азиаты, а не народ. У вашей армии и в вооружении с той войны ничего не изменилось. С клинками и сошками против самолетов и танков долго не навоюете». Послышался строгий голос часового: «Если ты, гад, сейчас же не замолчишь, я вытрясу из тебя душу». Наступила тишина.

В пять часов утра я проснулся. Снился какой-то кошмар. Во сне меня преследовали немцы, стреляли. За мной гнались собаки, танки. Затем немцы превратились в волков. Кошкин бил волков дубиной. Волки кинулись на меня. Я не мог сопротивляться. Мои руки и ноги отказывались слушаться. Кошкин еще спал. Я вылез из-под плащ-палатки. Утренняя лесная свежесть заставила меня согреться. В небе стоял гул. Сотни немецких самолетов шли на северо-восток. Им никто не мешал. Они шли четким строем, уверенно, как на парад. Сколько смертей несут они ни в чем не повинным людям! Где же наши соколы? Где же наши зенитчики?

Занимаясь физкультурой, я подошел к лежащему немцу. Он скулил как загнанная собака. Кто-то из часовых его ночью перевязывал, и кисти рук сильно перетянул веревкой, кровь не поступала. Пальцы посинели и не работали. Я с большим трудом развязал тонкую веревку. Заставил санитаря сделать массаж. Кисти рук приняли прежний вид. Немец благодарил меня не только словами, но и взглядом.

«Подъем, – раздался голос дежурного. – Утренний туалет 15 минут. Завтрака нет». Люди с посеревшими лицами становились в строй. Четко выполняли команды младших командиров. Молча шли навстречу второму ужасному дню войны.

Стояло прохладное утро. Дул свежий западный ветер. Солнце временами выглядывало из-за низко плывущих облаков, своими живительными лучами освещало лес, поля и снова пряталось.

В девять часов утра мы вышли в расположение воинской части, еще не участвовавшей в боях. Нас остановили и задержали. Через 15 минут появился полковник в сопровождении группы офицеров. «Кто старший?» – спросил полковник. Мы с Кошкиным подошли к нему. Степан доложил, что мы, два взвода, пробираемся на место. Остальные – примкнувшие к нам по пути расположения нашей бригады. Полковник выслушал Кошкина и представился нам. Сказал, что он командир полка и зачисляет нас всех в свой полк. Таково указание командующего. В нашу бригаду он пообещал сообщить об этом. Немца-provokatora сдали в особый отдел. Он дал очень ценные сведения, за что полковник поблагодарил нас с Кошкиным.

Наших людей накормили, выдали нам сухой паек на трое суток, обеспечили по потребности боеприпасами, патронами и гранатами. Связь полка была налажена со штабом дивизии и штабом армии. В штаб полка часто прибегали дежурные, звонили телефоны. Радисты выбивали морзянку. Комиссар полка лично провел политинформацию с нашим пополнением. Он рассказал нам, что вчера в четыре часа утра немцы внезапно, без объявления войны напали на нашу Родину. Днем по радио выступал Вячеслав Михайлович Молотов. Сказал, что в стране объявлена всеобщая мобилизация. Закончил словами «Смерть фашистским оккупантам».

В 11 часов полк со всем скарбом: большим обозом, артиллерией – тронулся в путь. Полку была поставлена задача: пересечь шоссе в районе Таураге и выгнать оттуда немцев. В 14 часов полк подошел к шоссе. По нему непрерывным потоком шли тягачи с тяжелыми пушками, автомашины, закрытые брезентом, набитые солдатами, и обозы.

Над шоссе патрулировали немецкие самолеты. Наш батальон с криками "Ура!" ринулся на дорогу. Закидали гранатами автомашины. Немцы в ужасе с диким воем бежали по шоссе. Все перемешалось: опрокинутые автомашины и повозки, убитые люди и лошади загромодили проезжую часть. Красноармейцы стреляли в немцев в упор, кололи их штыками, били прикладами. Шоссе мгновенно было освобождено на протяжении более 3 километров. На этом надо

было закончить и уйти в лес. Увлеченный легкой победой и паникой немцев полк двинулся навстречу потоку немецкого транспорта. Для прикрытия пехоты наши артиллеристы на обочине поставили пушки, свои и трофейные. Действовали четко, как на учениях. Пехота быстро продвигалась по шоссе. У немцев была паника, они побросали автомашины, развернули лошадей и стали удирать. Артиллеристы попробовали немецкие пушки. Снаряды с воем летели через наши головы и рвались где-то далеко.

Кошкину было приказано принять нашу роту. Командир роты оказался тяжело ранен. Прием был короткий. Объявили всему личному составу, что приступил к исполнению обязанностей командира роты Степан Кошкин. Как друга я первый поздравил Степана с повышением и назначением командиром роты. Пожелал ему при взятии Берлина быть командиром батальона. Кошкин обнял меня и попытался поцеловать. «Что я тебе невеста или девка!» – вспылил я. «Не сердись, Илья, – сказал Кошкин. – Жизнь наша во власти войны, во власти стихии. Может оборваться в любое время». Он обернулся и показал на убитых. «Они жили, дышали, думали несколько минут назад. Они смеялись, радовались письмам из дома, ждали конца службы два дня назад. Мечтали увидеть родителей, любимых девушек, думали о будущей жизни. Сейчас им ничего не нужно. Если только три аршина земли». «Да! – ответил я. – Они превращены в безжизненную материю. Материя не исчезает, не умирает. Она только видоизменяется. Мне кажется, если меня убьют, я обязательно проснусь через десять или даже сто лет, но жить снова буду. Человек не может бесследно исчезнуть из жизни. Его разум, его сознание образовалось в течение длительной эволюции, из особой высшей материи, которая не может исчезнуть бесследно. Она обязательно должна где-то проявиться или появиться снова». «Илья, ты в трудные минуты Бога вспомнил, – сказал Кошкин. – Если убьют меня или тебя, считай, нас нет и уже никогда не будет. Мы превратимся в прах, в землю, которая нас и создала».

Внимание всех было сосредоточено на поворот дороги, который от нас был на расстоянии 1 километра. Что там для нас готовится? Что нас ждет?

Я продолжал разговор, шагая рядом с Кошкиным. «Евангелие для меня не аксиома. Да, собственно, я его ни разу и не читал. Но сама природа, сама земля таит в себе неразгаданные тайны». «Об этом всем известно, – ответил Кошкин. – Ты тут нового пока ничего не открыл». «Сейчас не время, – сказал я, – но как-нибудь, если будем живы, я расскажу о приключениях с моим дядей».

Из-за поворота шоссе на больших скоростях вышли танки. «Один, шесть, восемь, двадцать два», – раздавались испуганные голоса. На броне каждого танка сидели по 10-12 автоматчиков. Кошкин закричал: «Рота, занять оборону! Приготовить связки гранат! Илья, вот, кажется, и конец. Даже укрыться негде», – со злостью сказал Кошкин. Наши орудия накрывали шрапнелью автоматчиков на танках. Немцы прыгали, валились с танков прямо под гусеницы. Танки шли, не сбавляя скорости. Они шли по шоссе, обочиной и по полю. Пушки били их прямой наводкой, но они шли. Из одного, затем из другого повалил черный дым. Два, с подбитыми гусеницами, закрутились на месте. Остальные шли. Орудия смолкли, их подмяли, искорежили. Бежавших красноармейцев расстреливали из пулеметов, мяли, давили гусеницами. Поднялась паника. Люди в ужасе бежали вдоль шоссе. Я тоже бежал и ждал в спину пулеметной очереди. Обороняться было нечем, укрыться негде. Кругом поле, до леса более 500 метров.

Из подземелья услышал крик Кошкина: «Илья, сюда». В 5 метрах от меня в яме стоял Кошкин. Была видна только одна голова. Я прыгнул в яму, под ногами почувствовал что-то мягкое. «Осторожнее», – послышалась ругань. Я угодил коваными сапогами на плечи капитану из штаба полка. Ругал он меня сильно, но, когда Кошкин предупредил, что приближается танк, затих. Яма представляла собой траншею в 3 метра длиной, 1,5 метра шириной и 1,7 метра глубиной. На дне ямы была вода. Наверху, по краям, накинута прелая солома. Чем она крестьянину служила, трудно сказать. Зато многим из нас спасла жизнь.

В яму нас набилось 18 человек. «Приготовиться к бою», – крикнул Кошкин. В 2 метрах от ямы прогремел танк. Кошкин бросил связку гранат, но гранаты не попали под гусеницы, не взорвались. С другой стороны нашего укрытия тоже прошел танк. Следом за ним пробежала небольшая группа автоматчиков. По ним заговорил наш "Максим". Немцы залегли и поползли обратно к шоссе. «Наши еще живы», – сказал капитан. Кошкин смеялся, естественно смеялся и говорил: «Вот храбрецы, от единой пулеметной очереди удрапали обратно». Его неуместный смех разозлил меня. Я раздраженно крикнул: «Степан, чему радуешься? Не строй из себя героя. Кругом немцы. Что дальше будем делать?» «Илья, только не хнычь! – ответил Кошкин. – Будем бить немцев до тех пор, пока сами не превратимся в прах». Стоявший на корточках и разглядывавший карту капитан встал на ноги, вытянулся, выглянул из траншеи. Внимательно оглядел всех присутствующих в убежище, глухо заговорил: «Как ваша фамилия, товарищ младший лейтенант?» – обратился он к Кошкину. Кошкин ответил. «Вы неправы в одном, товарищ Кошкин. Немцев били и будем бить, но в прах превращаться не будем. Пусть они в прах превращаются». «Ребята, мы находимся в ситуации, хуже не придумаешь, – кто-то бросил реплику. – В готовой могиле». «Да, вы правы, – ответил капитан. – Если немцы нас обнаружат, закидают гранатами, а добьют из автоматов». «А если мы выкинем белую тряпку и сдадимся немцам?» – продолжал тот же голос. Капитан посмотрел в сторону говорившего, но, по-видимому, не установил, кто это был. Ответил: «Немцы в плен никого не возьмут. Поставят на край ямы и расстреляют». «Почему?» – в один голос проговорили трое. «Да потому, что из восемнадцати человек девять вооружены немецкими автоматами». «Что делать?» – раздался тот же голос. К говорившему все повернули головы. Капитан на вопрос ответил вопросом: «Ваше мнение, товарищ сержант, ваша фамилия?» Сержант принял стойку смиренно. Капитан предупредил: «Вольно, отвечайте». Он ответил: «Сержант Марченко из второй роты третьего батальона. Товарищ капитан, мое мнение: надо оставаться пока здесь. Как только немцы успокоятся, тикать в лес и искать своих». «Правильно, товарищ Марченко», – сказал капитан.

Кошкин внимательно наблюдал за окружающим нас пространством. Танки ушли. Стрельба стихла. На шоссе наладилось движение. Возле шоссе немцы выставили боевое охранение. Снова сплошным потоком пошли автомашины и обозы.

В воздухе раздался гул самолетов. Над шоссе летели наши три тяжелых бомбардировщика ТБ-7. «Наши, наши! – зашептали все. – Вот сейчас фрицам покажут, где раки зимуют».

Немцы побежали с шоссе, залегли в кюветах. «Самое подходящее время перебежать в лес», – подумал я. От нашей траншеи до шоссе 250 метров, а до леса примерно 300 метров. «Вы как хотите, а я попробую добежать до леса», – обращаясь к капитану, сказал я. «Я тоже», – проговорил Кошкин. Стоявший рядом со мной красноармеец сказал: «Я вас постараюсь прикрыть» – и показал на ручной пулемет.

Я выпрыгнул из траншеи, следом за мной Кошкин. Капитан что-то кричал нам, но мы не слышали. Из траншеи вылезли все и побежали за нами к лесу.

В траншее остался один человек с ручным пулеметом. Им оказался связной капитана. Наши самолеты бомбили шоссе, также его обстреливали из пулеметов. Из-за леса вынырнули три немецких истребителя и погнались за нашими ТБ. В одно мгновение подбили наших тихоходов. Летчики прыгали с парашютами. Но фашистские асы расстреливали из пулеметов почти в упор висящих в воздухе беззащитных парней. Эта жуткая картина вдохновила немцев. Мы с Кошкиным лежали уже на опушке леса и наблюдали, остальные не спеша бежали к нам.

Немцы с шоссе открыли по ним огонь из винтовок и автоматов. Бросились бежать с криками: «Русь, сдавайсь!» Из траншеи заговорил ручной пулемет. Немцы залегли и поползли в кюветы. До опушки леса добрались все без потерь и спрятались в канаве. Наш храбрый пулеметчик что-то медлил. Из-за поворота шоссе показалась колонна людей. Шли они медленно, без оружия. Кто-то крикнул: «Это немцы отступают». «Нет, это наших ведут!» – крикнул Кошкин. «Сколько их, ни конца, ни краю». Немецкие автоматчики шли спереди и по бокам, что-

то кричали. Навстречу им шли автоматчики и обозы с улыбающимися немцами. Снова заговорил из траншеи ручной пулемет. Снова на шоссе все перемешалось. Военнопленные и немцы залегли в кюветах. Пулемет бил длинными очередями по кузовам автомашин, по лошадям. Наш пулеметчик вылез из траншеи, взвалил на себя пулемет и, не расставаясь с немецким автоматом, побежал к нам. Немцы открыли по нему огонь.

Капитан кричал: «Куклин, ложись! Бросай пулемет. Беги короткими перебежками». Куклин бежал, не бросал ни пулемета, ни автомата. Мы, расходуя последние патроны, били по немцам, прикрывая Куклина.

Секунды казались часами. Вот, наконец, он добежал до опушки леса и бросился между деревьями. «Не ранен?» – спросил капитан. «Вроде нет», – ответил Куклин. Из щеки и уха сочилась кровь. Капитан внимательно осмотрел, сказал: «Немного покарябало». «Молодец, малыш! – шептал Кошкин. – С такими ребятами и сам Гитлер в придачу с сатаной не страшен». Капитан упрекал Куклина за неосторожность: «Почему не бросил пулемета с пустыми дисками?» Куклин оправдывался: «Товарищ капитан, пулемет еще пригодится. Достанем патроны, это ружье нам еще послужит. Главное – бьет отлично. Вы не обратили внимания, как я короткой очередью подстрелил одного офицера? Он ходил по шоссе, как журавль, и что-то кричал. Упал и больше не двигался. К нему кинулись пять человек. Двоих из них я уложил. Остальные залегли. Так что с немцами воевать можно».

Сейчас только мы обратили внимание, что все поле было усеяно трупами и телами тяжелораненых. На языке крутилась фраза: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми телами?» С болью на сердце приходилось оставлять беспомощных парней на верную гибель. Я сказал об этом капитану. «Что поделаешь, – послышался ответ. – Мы с тобой бессильны чем-либо помочь. Кроме сохранения своей жизни. Жизнь нам еще пригодится для освобождения нашей Родины от непрошенных гостей».

Немцы осмелели, около 100 солдат медленно двигались по направлению к нам, паля из автоматов. «Товарищи, бежим, – крикнул капитан. – Сделаем бросок на 4-5 километров, а там посмотрим, что делать. Надо наладить связь с полком. Они хотят прочесать лес». «Неплохо бы и их почесать, – сказал Кошкин, – да нечем».

Через полчаса ходьбы лес кончился, мы снова вышли в поле, окаймленное канавами. Вдали виднелись два хутора. Кошкин вытащил из планшетки карту, определил название хуторов. Капитан проверил и сказал, что правильно. Я с завистью подумал: «Вот это здорово, у Кошкина появились планшетка, карта и компас». «Где взял?» – спросил я. «Неважно где, – ответил за Кошкина капитан, – а важно, что взял». «Снял у убитого майора, – сказал Кошкин, – она ему не нужна, а нам пригодится».

Мы шли проселочной дорогой, удаляясь от шоссе. Держались северо-востока, откуда доносилась артиллерийская дуэль. К нам примыкали небольшие группы и одиночки. В нашем отряде появилось двое старшин-летчиков. Они говорили, что их аэродром вчера, в воскресенье, в первый день войны еще в 5 часов утра разгромили до основания. Налетело более 100 самолетов. Не оставили ни одной целой машины. Много погибло и личного состава.

Немецкие самолеты непрерывно бороздили небо. При их появлении мы маскировались. Самолеты пролетали, и мы снова шли.

С каждым часом в нашем отряде прибывало. К вечеру достигло 350 человек. Капитан распределил нас на три роты. Нас с Кошкиным произвел в командиры рот. Мы были малобоеспособны, так как на душу приходилось только по 10 патронов. Гранат не было совсем. Но своей численностью мы могли дать отпор целому подразделению немцев. Куклин как реликвию хранил ручной пулемет. Один диск сумел зарядить, выпрашивал у каждого по одному или два патрона. Вечером установилась тишина. Не стало слышно ни гула самолетов, ни раскатов орудийных выстрелов. Настолько немцы ушли далеко. С появлением темноты показались зарева пожаров.

Голодные, измученные нервным боем, большими переходами, мы еле переставляли ноги, но шли в надежде встретиться со своими. Шли напрямик через лес.

Послышался громкий крик: «Стой! Кто идет!» «Свои!» – закричали мы хором. «Стой! Ни с места», – раздалась очередь из винтовки АВС. Позади часового слышались шаги, голоса и ругань. Навстречу нам вышли трое парней. Один из них глухо спросил: «Кто вы?» Капитан подошел к нему, коротко пояснил. Капитана увели в расположение части. Мы остались стоять на месте. Как медленно тянется время у голодного усталого человека, ждущего, пустят ночевать или нет, накормят или нет.

Примерно через полчаса вышел невысокий плотный человек в шлеме танкиста, знаков различия не было видно. Крикнул: «А ну, пехота, за мной!» Нас накормили чуть теплой кашей. Дали по банке рыбных консервов и по полбуханки хлеба. На удивление повара и дежурного офицера мы все съели. После ужина, не ощущая прохлады, легли на землю и крепко уснули.

Я проснулся от холода: зуб на зуб не попадал, выбивая чечетку. Моросил мелкий дождь. Мои ручные кировские часы величиной чуть ли не с будильник показывали шесть. Чтобы согреться, я занялся гимнастикой. Кругом нас стояли замаскированные танки. Громадные КВ и быстроходные БТ-7. «Вот это да! Повезло нам», – подумал я. Мы попали в танковую воинскую часть. Теперь нам не страшны немцы.

Нас накормили завтраком. Мы привели себя в порядок, умылись, побрились, почистили обмундирование. Танкисты говорили: «И у вас должен быть порядок, как в танковой части». Рассказывали, что шли к границе на помощь нам, но кончилось горючее. Где намечалась заправка, немцы опередили и заняли. Только поэтому нас свела судьба. Еще вчера вечером ушли за горючим автоцистерны, до сих пор не вернулись. Разведчики доложили: «Все склады ГСМ поблизости заняты немцами. Снарядов у них тоже не много – по одному боекомплекту на танк. Только бы заправиться. Надежда на броню КВ».

Патронов и гранат у наших оказалось много. За два дня войны мы знали им цену, поэтому нагрузились до предела, а немецкие автоматы сдали. Только один Кошкин оставил. Он собрал у всех остатки патронов, зарядил две кассеты.

Пришел наш капитан. Поинтересовался у меня: «Как спали? Какое настроение у людей?» Глухо заговорил: «Дела наши, ребята, неважные. За два дня войны немцы заняли Литву и Польшу, вклинились в Белоруссию и Украину. Мы сейчас находимся в глубоком тылу немцев. Командир танковой бригады получил приказ пробиваться в Ригу, где у нас сосредоточены большие силы. Немцы получают заслуженный отпор». «Если так у них пойдут дела, то через месяц действительно будут в Москве, – с издевкой сказал Кошкин. – Где же наша доблестная, хорошо подготовленная маршалом Тимошенко армия?» Я опередил капитана, ответил Кошкину: «Семьдесят процентов нашей кадровой армии было сосредоточено на границе с Германией. Она распалась, разбежалась по лесам, как и мы с тобой. В пчелиной семье, когда нет матки, семья разваливается, рушится, а затем гибнет». Я хотел сказать еще: «Армия без командира – стадо баранов». Капитан понял меня с полуслова, оборвал, крикнул: «Молчать! Отстраняю от командования ротой. Предам военному трибуналу». Кошкин вступился за меня. Он тоже почти крикнул: «Не кричите, товарищ капитан, Котриков прав. Я к его словам еще добавлю: нашей армии, введенной в пограничные районы с Германией, больше не существует. Она пленена, истреблена немцами. Остатки ее разбежались. Выжидают, что делать дальше, скрываются в лесах».

На Кошкина капитан не кричал. Вначале смотрел сурово. Затем криво улыбнулся, достал папиросы, закурил и предложил нам. Затянувшись дымом, сказал: «По-вашему, мы – беглецы и дезертиры, скрываемся в лесу. Выжидаем, что дальше делать».

«Товарищ капитан, нас нельзя отнести к дезертирам и беглецам, – сказал Кошкин. – Мы два дня провоевали честно. Наступил третий, сегодня будем драться, не жалея ни сил, ни жизни. Но где же наше командование? Почему нами никто не руководит? Почему каждая

воинская часть действует на свое усмотрение, одиноко, без связи с другими. Правдива русская поговорка, что один в поле не воин. У нас получилось то же. Немцы нас, разрозненных, не объединенных в единое целое, бьют и будут бить, пока нами не будет руководить твердая рука».

Капитан согласился: «Трудно сказать, как на нас будет смотреть командование. Если останемся живы, придем в Ригу. Там нам могут сказать: «Были в окружении, бросили свои воинские части. Вы – трусы и дезертиры». После этих слов разговор короткий».

«Не назовут нас дезертирами, – сказал Кошкин. – Во-первых, мы постараемся от танкистов не отстать. Танкисты наверняка к своим пробьются. Да вряд ли кто будет разбираться в этом, в чем вообще никому не разобраться. Идет какая-то кутерьма. В Риге немцев наши остановят. Там хорошие естественные препятствия, флот и авиация».

«Я на месте командира танковой бригады не пошел бы в Ригу, – продолжал Кошкин. – Пошел бы в Белоруссию, она рядом. В Литве и Латвии везде одни ловушки. Все переправы и мосты через реки захвачены немцами, и вряд ли мы сумеем дойти до Риги. А если и дойдем, то немцы через Даугаву нас наверняка не пустят».

«Ты, Кошкин, не командир взвода, а военный стратег, – сказал капитан, – но пойми, мы в составе Прибалтийского военного округа. Подчиняемся только его командам. Если командир бригады не выполнит приказа, его не только разжалуют, но и расстреляют. Это будет самодурство, если каждый командир части сам будет решать вопросы тактики и стратегии в отрыве от командования, тогда получится неразбериха».

«Извините, товарищ капитан, что я вас перебиваю, – сказал Кошкин. – Неразбериха уже получилась с позавчерашнего раннего утра. Командование округом, по-видимому, осведомлено об этом. Не предпринимает никаких мер к восстановлению порядка в армии. Наоборот, дает глупый приказ пробиваться танковой бригаде в Ригу. Это невозможно». Кошкин раскинул карту: «Посмотрите, товарищ капитан». «Знаю, товарищ Кошкин. Но мы с вами ведем пустой разговор. С нами никто на эту тему и говорить не будет».

Кошкин продолжил: «Сходите, предложите командиру бригады. Пусть он докажет командованию. Сошлется на большую плотность немецких войск, на захват немцами мостов и переправ через реки. Нет горючего, нет боеприпасов. Попросить командующего 8 армией товарища Собенникова. Пусть он еще раз взвесит наши возможности и переговорит с командующим военным округом».

Капитан молчал, внимательно слушал Кошкина, не перебивал. Я тоже молчал и злился на капитана за то, что меня грубо оборвал, с угрозами, а спустя три минуты стал повторять мою мысль. А еще капитан. Ни последовательности, ни принципиальности в нем нет.

Раздались команды для танкистов: «На заправку, привезли горючее».

Горючее везли ночью из-под носа у немцев. Немцы по пятам преследовали наши автоцистерны. Отстали в хуторе, примерно в 3 километрах отсюда.

Капитан был срочно вызван к командиру бригады. Через три минуты он прибежал к нам. «Котриков, иди сюда!» Я подошел к нему. «Поднимай роту! Выходи навстречу немцам и завязывай бой. Оборону пока займи по опушке леса. Далее действуй по сложившимся обстоятельствам». Кошкина послал оцепить с другой стороны расположение бригады. Третью роту оставил в резерве.

Я вывел и расположил роту на опушке леса. От хутора по направлению к нам двигалась колонна немцев численностью примерно 250 человек. Впереди колонны шли пять мотоциклов. Дорога после дождя была скользкой. Мотоциклы то далеко удалялись от колонны, то буксовали. Но вот они, тарахтя, выехали из лощины и набрали скорость, приблизились к нам. Впервые мне нужно было принять самостоятельное решение. Что делать? Ждали этого решения более 100 человек, жизнь которых зависела именно от меня. Первый взвод с тремя ручными пулеметами я направил в оборону на опушке леса. Два взвода повел вытянутой опушкой леса к хутору для удара с фланга. Мотоциклы приказал пропустить в лес, а затем отрезать и

ударить по ним сзади. Мотоциклисты, не доезжая 200 метров до опушки леса, остановились, открыли огонь из автоматов. Невзирая на приказ "не стрелять", кто-то не удержался и выстрелил. Один немец упал с мотоцикла. Мотоциклисты залегли. Колонна немцев перестроилась в боевой порядок и пошла широким фронтом по полю, наводя страх на все окружающее. Строчили из автоматов. Впереди появились четыре овчарки. Не добегая до леса, все четыре собаки одиночными выстрелами были убиты.

Основная группа немцев поравнялась с залегшими мотоциклистами. Ускорила шаг, устремилась к лесу. Не доходя 100 метров до опушки леса, заговорили наши ручные пулеметы. Взвод открыл огонь по немцам. Они залегли, но отступать не собирались. С хутора по опушке леса ударили минометы. Мины рвались, не давая поднять головы. «Гады, бьют точно», – подумал я.

Немцы снова поднялись, но не прошли и 10 метров, как залегли. С хутора показалась еще колонна немцев, численностью до батальона. К немцам шло подкрепление. Капитан прислал связного, просил держаться еще полчаса. Для подкрепления немцы шли не по дороге, а прижимались ближе к лесу, где залегли мы, намереваясь зайти к оборонявшемуся взводу с фланга. Мы открыли огонь. Немцы вначале шарахнулись обратно, но были остановлены. Залегли и открыли по нам огонь. Минометный огонь перенесли на нас. Из хутора вышли три немецких танка. Они поравнялись с залегшими немцами и устремились к нам. Немцы поднялись с разноголосыми криками в атаку, но залегли от огня наших ручных пулеметов.

Обрубая кроны деревьев, на землю падали осколки. Кругом рвались мины. Их осколки со свистом проносились над нашими головами. Немцы снова поднялись в атаку. Танки подошли к опушке леса. Пехота частично вклинилась в лес. Красноармейцы, отстреливаясь, в панике побежали вглубь леса. Не сон ли это? Немцы тоже побежали назад. Их три танка, пятясь назад, стреляли по опушке леса. Из леса вышли 18 громадин КВ. Один немецкий танк загорелся, два других закрутились на месте с подбитыми гусеницами. Следом за КВ на больших скоростях выскочили из леса 15 танков БТ-7 и врезались в убегающую пехоту. Немцы побросали оружие, подняли руки вверх, но их все равно утюжили. «Так их, гадов», – кричали мы, идущие следом за танками. Немецкие минометчики спешно грузили на автомашины минометы. Наши БТ-7 их перехватили, автомашины загорелись. Немцы разбежались. В хуторе не было ни одной живой души. Хозяева попрятались. После короткого боя бригада тронулась в длинный путь на Ригу вместе со всем скарбом: автомашинами, кухнями и медчастью. Командир бригады объявил мне благодарность. Весь личный состав роты поздравил с благополучным исходом боя. Я радовался. Кошкин мне завидовал.

Мы ехали ночами на броне танков напрямик по полям и лесам, иногда по проселочным дорогам. Немцы нас не преследовали. Они шли по шоссе, а мы – где придется. Немцы знали, что мы от них никуда не уйдем. Пути отхода нам отрезаны. Несколько раз на привалах они бомбили. Нас спасала хорошая маскировка.

На привале при разборе очередного перехода я спросил комбрига: «Почему мы с немцами не вступаем в бой?» Командир бригады ответил: «Чем воевать-то? Если шапками только. Осталось по три снаряда на танк. Вдобавок еще одна проблема. Горючее на исходе. Если не сумеем позаимствовать у немцев, придется идти пешком. В семи километрах от нас есть поселок, железнодорожная станция, там крупная нефтебаза. Надо разведать и любыми средствами заправиться».

В разведку вызвался сходить Кошкин. Через три часа он вернулся и доложил: «До самого поселка можно пройти по опушке леса. Немцев в поселке немного. Передовые части из него ушли. Нефтебаза целая».

«Спасибо, товарищ Кошкин, – сказал командир бригады. – Зайдем поселок и станцию. Пока немцы очухаются, мы заправимся и уйдем».

Вечером, когда небесное светило после трудового дня ушло на отдых, спряталось за горизонт, мы сходу влетели в поселок. Вначале немцы нас приняли за своих. Когда разобрались, подняли панику и побежали, спрятались в огородах и на чердаках.

Бросая оружие, немцы группами сдавались в плен. Тяжелые КВ подминали под себя автомашины и повозки.

Испуганное население от неожиданного нашего посещения попряталось. За полчаса все машины были заправлены. Мы их загрузили бочками с горючим, залили бензозаправщики и автоцистерны, захватили три немецких автоцистерны.

Нефтебазу подорвали. Бензин, керосин, солярка текли огненным потоком. Цистерны рвались, изрыгая из себя столпы огня и дыма.

Мы только выехали из поселка, как на него налетели немецкие самолеты, обрушили свой смертоносный груз на головы соотечественников.

Командир бригады сказал: «Горючего хватит до самой Риги».

Шли ночами и прихватывали туманного утра. Когда туман рассеивался, маскировались, делали привал.

По пути к бригаде примыкали остатки разбитых полков вместе с обозами и артиллерией, целые подразделения пехоты. Одна рота была организована из авиаторов. Начальства в бригаде хватало. Были полковники, подполковники, майоры и так далее. Нас с Кошкиным от командования ротами не отстраняли.

Командир бригады нам с Кошкиным велел прицепить на петлицы еще по кубику. Мы стали лейтенантами. Бригада стала большой, разношерстной. Она походила на комету, растянувшуюся на несколько километров. Танки и автомашины были ядром. Хвост представлял собой артиллерию, пехоту, обозы. Это была уже большая сила. Но организации этой силы не было.

Немцы делали попытки преградить путь следования, но тут же откатывались.

Утром 27 июня мы достигли окрестностей Риги. Вышли на берег Даугавы. Мосты через реку были взорваны. Берег был занят немцами. Немцы, не ожидая нашего появления с тыла, первой атаки не выдержали, убежали, освободив нам часть берега. Вдали в утреннем тумане были видны знакомые очертания города. Связь была налажена. Вместо ожидаемой похвалы за выход из окружения командование назвало нас паникерами, трусами, чуть ли не предателями. Командиру бригады было приказано: «Выведенные из окружения танки, автомашины и артиллерию уничтожить, взорвать. Весь личный состав бригады и лошадей переправить через реку на подсобных средствах».

Отважный 35-летний полковник, командир бригады, никогда не унывавший, после телефонного разговора изменился до неузнаваемости. Лицо стало серым, осунувшимся.

Мы с Кошкиным обнаружили паром, по-видимому, приготовленный немцами для переправы. Его подогнали, вычерпали из баркасов воду, до основания загрузили и направили на другой берег. Когда об этом доложили командиру бригады, он поблагодарил нас и крепко пожал нам руки. Сказал: «Прощайте, ребята. Вряд ли судьба нас больше сведет. Меня обещали разжаловать, грозили расстрелом».

Утренний туман долго висел над спокойной гладью реки. Под покровом тумана паром четыре раза сходил на другой берег. Немецкая артиллерия и авиация пытались сорвать переправу, однако для них невидимая цель была неуязвима. Перевезли автомашины и часть артиллерии. С пятым рейсом туман рассеялся, наш спасительный паром прямым попаданием бомбы был потоплен посреди реки. Сопровождал его Кошкин, он чудом остался жив.

Лошадей переправляли вплавь, людей – на лодках, плотках и пароме.

Немецкая артиллерия и авиация усиленно бомбили наш берег, но город не трогали.

Мы явились в указанное время всем батальоном. Нас тут же расформировали. Рядовых и младших командиров определили в пополнение разных воинских частей. Выразили недоуме-

рие: был в окружении. Офицеров обвиняли в трусости и чуть ли не в измене Родине. Грозилась всех судить военным трибуналом. После проверки и угроз начальства вечером собрали нас всех в большом зале заседаний в доме Совнаркома республики. В президиуме сидели генералы, прочие военные и гражданские. Кошкин шептал мне: «Вот объявят нас врагами народа. Выведут и расстреляют. Какие мы с тобой дураки. Вместо кубиков надо было нацепить угольники, и поминай как звали».

«Все может быть, Степан, но нас стрелять не за что, – ответил я. – Мы немцам в плен не сдались. Бежали от них честно. Поэтому свои кубики на треугольники менять не собираюсь. Будь что будет. А если были в окружении, то это ничего пока не значит. Может быть, и Рига со всеми нашими судьями окажется в окружении, если не сегодня, то завтра».

«Ты не прав, Илья, – зашептал Кошкин. – Все они улетят из Риги, а мы с тобой снова окажемся в окружении».

Выступил начальник политотдела 8 армии. Он коротко, но доходчиво рассказал о событиях. В конце речи сказал, что немцы уже просочились в город, и вряд ли мы сумеем его удержать.

Вторым выступил командующий 8 армией Собенников. Он обвинял старших офицеров в трусости, неграмотности и так далее. Требовал налаживания дисциплины, сплоченности, бить немцев, где бы они ни встречались. В конце речи сказал: «Наши отважные воины храбро сопротивляются, вступают в неравный бой с фашистскими захватчиками и выходят победителями. Указом Президиума Верховного Совета СССР за проявленную отвагу, мужество и героизм награждены медалью «За отвагу» следующие присутствующие здесь офицеры. Более 100 человек». В списки была занесена фамилия Кошкина, его наградили орденом Красной Звезды. Среди награжденных был и я. Командующий лично вручал награды.

Нас с Кошкиным послали в родную мотопехотную бригаду, штаб которой находился в Риге, на том месте, где был до войны.

Вечером Рига не походила на довоенную. На улицах было пусто и темно. Большие дома неосвещенных улиц напоминали средневековые крепости. Все население словно вымерло. Ни души. Только патрульные группы, в основном моряки, нарушали мертвую тишину. За Даугавой резко обозначилась линия фронта немцев. В воздухе беспрерывно висели сигнальные и осветительные ракеты, разрезали очереди трассирующих пуль. «Какая иллюминация, какая красота!» – сказал Кошкин. «Тебе красота, а десяткам миллионов слезы», – сердито сказал шедший рядом старший лейтенант из новобранцев. Ответить было нечего. Шли мы группой в свое расположение. Нас строго предупредили: менее пяти человек ходить по городу запрещено. Латыши-предатели на каждом шагу делали открытые вооруженные вылазки.

Наша бригада размещалась в тех же казармах. Встретил нас командир бригады Голубев. Вместо воинской церемонии он почти крикнул: «Котриков, Кошкин, вы живы» – и обоих расцеловал. «Вот это встреча! – говорил он, – никак не ожидал».

Из старого состава бригады почти никого не осталось, кроме штабных работников и интендантов. Начальник штаба был жив. Комиссара убил в Риге предатель. Бригада вновь сформировалась на 70 процентов из латышей.

Голубев с большим вниманием слушал наш рассказ, поил нас чаем с коньяком, заказал для нас ужин. Он говорил: «Плохи наши дела, ребята. Воевать мы оказались совершенно не готовы. Да еще придумали проводить дурацкие маневры, боясь конфликтов и провокаций со стороны немцев. Армия умышленно была обезоружена. Даже многие склады боеприпасов с пограничных районов были вывезены, остальные законсервированы. Доступ к боеприпасам был только с разрешения Москвы. Я вчера был у командующего нашей армией Собенникова. Он сказал мне по секрету, так как мы с ним старые знакомые, однополчане в Гражданскую, однокашники по академии, что положение хуже не придумаешь. Восьмой армии как таковой уже нет. Она частично пленена, разбежалась по лесам и побита. То же и с другими армиями.

Авиация на 90 процентов уничтожена на аэродромах. Все танки остались там, – показал в сторону немцев. – Пока мы очухаемся, немец будет у стен Москвы и Ленинграда. Сейчас мы ему на съедение поставляем вновь сформированные дивизии. Это одинаково, что бросать собаку в клетку со львом».

Нам это уже много раз говорили, поэтому мы слушали Голубева без всякого интереса. Поужинали и попросили разрешения отдохнуть. Он вызвал интенданта, который разместил нас. Первый раз за неделю мы спали на кроватях.

Раздался стук в дверь и крик: «Подъем!» Мы встали, оделись, выглянули в завешенное черным драпом окно. День, светит солнце и, главное, тишина. «Может быть, кончилась война. Может, заключили мир, какое счастье», – подумал я. Снова стук в дверь и голос: «Немедленно к полковнику!»

Голубев сидел с начальником штаба и уже новым комиссаром, они внимательно разглядывали кусок карты. На наш рапорт Голубев ответил: «Садитесь, ребята». «Отступить только на Псков, – сказал комиссар. – Дальше границы с прибалтийскими республиками немцы не пройдут. Там мощный укрепленный район». «Как отступить? – переспросил Кошкин. – Разве мы не удержим Ригу?»

«С Ригой все, товарищ Кошкин, вопрос решен. Немцы по суше нас обошли кругом. Выход в море с Рижского залива прегражден немецкими кораблями. Приказ командования Ригу оставить. Армию из окружения вывести. Выход один – нащупать слабое место в обороне немцев. Оборону прорвать. Вывезти всю материальную часть и раненых. Даугаву немцы пытаются форсировать. Но наши моряки зорко охраняют реку. В юго-западной части города идут уличные бои не с немцами, а с черносотенными отрядами латышей. Товарищи лейтенанты Котриков и Кошкин. Вы ребята опытные, не из робкого десятка. Надо добратся до бунтарей и установить их силы».

«Разрешите, товарищ полковник, принять взвод для выполнения задания?» – сказал я. «Некого, товарищ Котриков, принимать. Латыши сегодня ночью все разбежались, а в первом батальоне остался один командир батальона с комиссаром. Всех русских ночью порезали». «Сволочи!» – вырвалось у Кошкина. Я только сейчас обратил внимание: в соседней комнате, куда открыта дверь, сидели офицеры. Короче, шла оперативка.

«Товарищ Максимов, – сказал Голубев, – выделите товарищам Котрикову и Кошкину с полсотни отборных ребят». Обращаясь к нам, Голубев спросил: «Вы хорошо город знаете?» «Не совсем», – ответил Кошкин. «Тут у нас есть один рижанин, латыш, но товарищ надежный. Он вас проводит».

Из другой комнаты вышел капитан. «Пошли, молодцы», – сказал он. Он привел нас в расположение своего батальона, крикнул: «Кто желает идти в разведку? Желающие, выходи строиться!» Выстроились все. Мы отобрали 60 человек. Разделили их на две группы, то есть на два взвода. В моем взводе были моряки, артиллеристы, танкисты. Подошел к нам человек лет 50 с подростком, сказал: «Я буду сопровождать одну группу, а другую – он, – и показал на пацана, – он лучше моего знает город. Встретимся примерно через полчаса хоть бы в логове контры». Он пошел с взводом Кошкина. Нас повел пацан.

Сзади раздался крик: «Товарищ лейтенант!» Я оглянулся. Ко мне бежал Куклин. У него на шее висел немецкий автомат, на ремне – сумка с гранатами. Поравнявшись со мной, Куклин сказал: «Возьмите меня с собой». «Не могу, товарищ Куклин, без разрешения капитана», – ответил я. «Капитана ночью латыши чуть-чуть не утюкали. Два раза в него выстрелили. Я ходил в госпиталь – жив. Чувствует себя хорошо. Их приготовили к эвакуации. Я вас с раннего утра ищу. Насилу нашел». «Ну что, товарищ Куклин. Мы с вами старые знакомые, становись в строй».

Впереди слышались стрельба и разрывы ручных гранат. На окраине города шел бой. Рвались мины и снаряды. Еще была слышна пулеметная стрельба. Пацан вел нас уверенно дво-

рами, туннелями под домами. В двух местах перелезли через забор. Он остановился и с акцентом произнес: «Вот здесь, близко. На этой улице и в этих домах».

Я выглянул из подъезда. На другой стороне улицы латыши штурмовали четырехэтажный дом. Все они были одеты в серые гражданские костюмы с нарукавными повязками со свастикой, вооружены немецкими автоматами и гранатами.

Подождал Кошкин со своим взводом. Он сразу пошел в атаку, но сопровождающий удержал его: «Тебя послали в разведку, будь разведчиком. Сначала разберись в обстановке, а потом атакуй».

В доме все стихло. С поднятыми руками вывели пятерых наших матросов. Латышей много, более 100 человек. Всех пятерых поставили к стене. Кошкин с Куклиным крикнули: «Расстреляют!» Я не успел и рта раскрыть. Оба взвода выскочили из подъезда и ринулись на не ожидавших нас латышей. В гущу людей кидали гранаты, стреляли и даже пустили в ход штыки. Одного моряка успели расстрелять. Четверо были спасены. Моряки тут же вооружились немецкими автоматами и гранатами, снова рванулись в дом. На мои крики «Стой! Назад!» они в ответ кричали: «Спаси раненых братишек!» Раненые моряки были зверски пристрелены. Спасенные нами ребята законно возмущались и грозили мщением за погибших товарищей. Их, как и нас, послали в разведку отделением, состоящим из 12 человек. Из этого дома открыли по ним огонь из пулемета. Разведчики устремились внутрь. Там оказалось более сотни вооруженных бандитов. В неравном бою кончились патроны и гранаты. Пятерых их схватили. Семь их товарищей были убиты и ранены. Моряки отлично знали этот район. Они подробно доложили нашему командиру бригады и начальнику штаба.

«Город восстал, – сказал начальник штаба. – Это не Рига, а змеиное гнездо». «Пороховая бочка», – поправил Голубев. «Немцев в городе еще нет, а везде передний край. Наша бригада еще вчера должна была занять оборону по берегу реки Даугава. Командующий оставил бригаду в резерве. Поручил умирять латышей-мятежников, выйти на охрану железнодорожной станции и железнодорожных путей».

Когда мы остались вчетвером, Голубев сказал: «Поступил приказ оставить Ригу. Идет полным ходом эвакуация семей военнослужащих, госпиталей. Вывозят все с аэродромов и заводов, а также другие ценности. Сейчас из штаба армии звонили, просили оказать помощь. По Московской улице латыши никого не пропускают. Бьют из десятка домов пулеметы и автоматы. Войска НКВД заняты эвакуацией. Товарищ Котриков и Кошкин, из людей, которых вы взяли в батальоне у Максимова, организуйте роту автоматчиков при штабе бригады. Командиром роты назначаю вас, товарищ Котриков. Вашим заместителем будет Кошкин. Людью пополним. Так, начальник штаба?» «Так!» – послышался ответ начальника штаба. «Наши сегодня утром прорвали оборону немцев к востоку от Риги. Плацдарм расширен. Для эвакуации путь пока свободен по железной дороге и по шоссе. Товарищ Котриков, надо освободить Московскую улицу от мятежников. Туда послана рота моряков. Ведите и вы своих ребят на помощь морякам. Но долго не задерживайтесь».

«Выгоним, товарищ полковник, хозяев Риги, как они себя называют, с Московской улицы», – сказал Кошкин.

«Правильно, товарищ Кошкин, – поддержал начальник штаба. – Приступайте к операции». В это время вошел командир батальона Максимов. «Товарищ полковник, разрешите к вам обратиться?» – доложил Максимов. «Пожалуйста», – послышался ответ Голубева. «Товарищ полковник, вы у меня забрали людей, притом самых лучших, а я с чем останусь?» «Не возмущайся, Максимов. Сегодня же твой батальон будет пополнен».

Голубев не обманул нас с Кошкиным, пополнил нас еще двумя взводами и тремя офицерами. Рота вышла на боевое задание. Все были вооружены немецкими автоматами и нашими гранатами. В напутствие Голубев несколько раз повторил: «Ребята, берегите людей и берегите сами себя. Жизнь дана вам одна. Другой не будет».

Глава седьмая

В городе вся контра бунтовала, как растревоженное осиное гнездо. Старики, дети, даже женщины, вооруженные немецкими винтовками и автоматами, стреляли в нас не только на Московской улице. Стреляли в переулках, на больших и малых улицах, стреляли из подворотен, домов, церквей, даже из клубов и театров. Нашу армию жалили со всех сторон. Позднее, когда город захватили фашисты, в колонны наших военнопленных кидали кирпичами и камнями, выливали на нас помои.

Мы выполняли задание, шли на Московскую улицу. Нас снова провожал тот же латыш, но уже без пацана. На улицах, в переулках, во дворах домов лежали наши убитые, в покрытых пылью защитных гимнастерках и тельняшках. Шла не война, а безжалостная казнь из-за угла.

Население все попряталось. Только изредка наши вояки перебежали улицы, по ним раздавались выстрелы. Мы добрались до Московской без большого труда. По нам стреляли из двух домов, потерь не было. Метавшие гранаты были уничтожены. Московская улица начинала баррикадироваться. Многие дома и чердаки были превращены в огневые точки. Нас опередило подразделение моряков. Они прямо на мостовую выбрасывали трусливых гражданских стрелков без парашютов с чердаков, колоколен церквей и из окон домов.

На долю нашей роты капитан второго ранга определил четырехэтажный дом, откуда временами раздавались короткие пулеметные очереди. В нем было четыре подъезда. Четыре взвода устремились внутрь. Кошкин с взводом пошел в крайний подъезд, а я – в средний. Первый этаж – пусто. На втором этаже нас встретили автоматными очередями, трое ударились бежать вверх по лестнице. «Далеко не уйдете!» – крикнул Куклин.

С лестницы, ведущей на третий этаж, упал один, другой взмахнул руками, неловко сел. Третий убежал. Раззадоренные ненавистью ребята ринулись на третий этаж, где раздавались топот и панические крики. Достигли третьего этажа: никого нет, тишина. Ушли все. В одной из комнат раздалась пулеметная очередь. «Вот он, гад, где затаился», – кричали ребята. Дверь была крепкая, прикладам и рукам не поддавалась. Брошенная граната проделала небольшое отверстие. Пакет взрывчатки, и дверь с треском вывалилась. Из комнаты раздалась автоматная очередь, в коридор полетели гранаты с деревянными ручками. На время затихло – наступила тишина. Куклин бросил в комнату две гранаты, откуда раздалась стона и крики. «Сдаемся, спасите!» Первым ворвался Куклин. Двое лежали тяжелораненые, третий уцелел, стоял с поднятыми кверху руками, просил о пощаде. Бормотал по-русски с акцентом: «Гады, заставили в вас стрелять». «Забирайте его, ребята, в особый отдел, там разберутся», – распорядился кто-то из младших командиров. Я подумал: «Где же сейчас особый отдел?»

На Московской улице на короткое время был наведен порядок. Через четыре часа после нас по ней уже ходили немцы, цокая коваными сапогами. Мы без приключений вернулись к нашему штабу.

Полковник Голубев был вне себя, угрюм. Первые его слова: «Где вы так долго пропадали? Еще пять минут, и мы бы вас оставили».

Нам с Кошкиным везло. Меня действительно как будто кто-то торопил. Я торопил Кошкина, торопил всех. Уже спокойно Голубев сказал: «На наше счастье на одной из платформ стоит бронепоезд. Быстро поехали. Может, с божьей помощью прорвемся».

На автомашинах доехали до железной дороги, где стоял готовый к отправлению бронепоезд. Желающих ехать было много. На бронепоезд взяли, кроме команды, только начальство. Нас посадили в состав, состоящий из одних платформ, груженный токарными, фрезерными, шлифовальными и другими станками и оборудованием. Эвакуировался завод, сопровождающих с завода не было. На платформе были установлены станковые спаренные зенитные пулеметы и 45- и 76-миллиметровые пушки. Я обошел весь состав и выбрал платформу с установ-

ленными вдоль двумя рядами станков. С обоих концов платформы поперек было поставлено тоже по станку. Свободное пространство между станками выглядело как окоп. Я первым перелез через станки, ребятам в шутку крикнул: «Занимай оборону!» Два взвода полностью поместились, остальные два пошли на следующую платформу.

Многие роптали на холод и грязь от железа. Кошкину тоже моя затея не понравилась. Он свой взвод разместил на другой платформе. Многие из его взвода перебежали к нам. Мы со Степаном не расставались. Он пришел ко мне. «Ну, ты и подобрал, – с возмущением говорил Кошкин. – Хуже ничего придумать не мог». «Не нравится, ищи лучше, я отсюда никуда не пойду».

Параллельно нашему платформному составу стоял еще один эшелон, груженный железными заготовками, болванками и деревянными ящиками с металлом или изделиями. На нем разместилось не менее полка военных разных родов войск. Люди подходили и садились. Вечерними сумерками под прикрытием бронепоезда двинулись наши составы. Стучали колеса на стыках рельс. Паровозы выкидывали из труб черный угольный дым, отдуваясь шипением пара. В пригороде Риги нас встретили немцы. Бронепоезд, это страшилище времен Гражданской войны, и сейчас казался немцам грозным оружием, они убегали от него, ложились на землю, даже не открывали огня. Мы вырвались из окруженной Риги. На сердце было радостно: едем к родной русской земле.

С наступлением рассвета между станками становилось холодно, но интуиция мне подсказывала: надо сидеть. Солнце поднялось над горизонтом. Оно было похоже на красный диск, лучи его слабо достигали грешную землю и не хотели обогреть нас.

Кошкин уже встал, намереваясь покинуть сооружение из станков и платформы, услышал гул самолетов, крикнул: «Немецкие самолеты, ложись!»

Строем, словно на парад, шли две девятки, сопровождаемые четырьмя истребителями. Поезд шел, машинист, казалось, не замечал их, но красноармейцы на платформах забеспокоились, завозились. Раздавались голоса: «Пролетят!» Самолеты начали пристраиваться друг другу в хвост, растянулись в цепочку. Первый обрушил свой смертоносный груз на наш состав. Бомбы упали рядом с насыпью. На платформы обрушился град пуль и осколков. Люди с платформ прыгали на ходу поезда, бежали, падали, ложились, ища углубления и ямы. Самолеты по очереди бомбили, обстреливали наши составы. Они образовали карусель, которая крутилась над незащитными людьми и вагонами. Она лишь остерегалась бронепоезда, который, оскалив зубы, изрыгал из себя огонь и металл. Над нами витала смерть с распростертыми в небе крыльями грязного цвета, с черной свастикой. Она искала нас, опустив свои щупальца до земли, изрыгала из себя тонны чугуна, ржавого железа и меди. Кругом рвались бомбы, выли сирены, свистели пули и осколки. Стоны, крики людей заглушал этот ад. Комья земли вместе с потерявшими силу осколками валились на нас. Смерть кружилась в этой карусели, делая много заходов, но пока не находила нас, скрылась за горизонтом.

«Концерт окончен», – поднимаясь, проговорил Кошкин. «Кажется, живы, – подтвердил я. – А дальше что?»

Оба наших состава были разделаны как черепаха богом. Паровозы оказались разбиты и лежали на боку. Бронепоезд рьяно отбивался, но далеко от нас не ушел. Спереди и сзади его были искорежены, исковерканы рельсы. Вместо железной дороги – воронки. Бронепоезд лежал на боку, как матерый волк, был пойман в капкан и ждал своего бесславного конца. Перед нашим взором была картина, которую не мог представить прадед-художник. В натуре был кромешный ад, только без сатаны. Пахло человеческой кровью и мясом, пороховым дымом и всеми железнодорожными запахами. Кругом были убитые, раненые, опрокинутые искореженные платформы и станки. В дополнение немцы кричали в рупор: «Русь, сдавайся».

«Ребята, духом не падать, – крикнул я. – Бежим». Мы побежали подальше от ада, от железной дороги. Команда бронепоезда и начальство стащили уцелевшие автомашины с плат-

форм и уехали. Паровоз лежал, а вагоны стояли на рельсах стальной громадиной, осиротевшей, покинутой. Немцам был больше не страшен. Они смело шли к нему, как к трофею.

Мы сохранили всю роту, то есть четыре взвода. Солнце грело по-летнему, от быстрой ходьбы стало жарко. Сделали привал. Кошкин вытащил свою карту. По ней мы не смогли определить точного местонахождения, поэтому решили идти строго на восток, в направлении старой укрепленной границы в район Псков-Остров. Мы верили в мощь и неприступность укрепленного района, что дальше немцы не пройдут. Мы знали, что в течение 20 лет там создавались доты и дзоты с новейшим оборудованием и мощным оружием.

После короткого отдыха мы, голодные, шли несколько часов, не делая привалов. К нам присоединилось с нашей бригады еще более роты, а также одиночки и небольшие группы наших солдат. Многие встречались без оружия, с оборванными петлицами, со снятыми красноармейскими звездами. «Вы что, собрались добровольно сдаваться в плен?» Многие говорили, что пробираются домой, считая, что их территория если не оккупирована сейчас, то через день-два точно будет. Хутора обходили стороной, боясь немцев.

День клонился к вечеру. Вдали послышался гул моторов. Это шоссе. Сделали привал. Кинули с Кошкиным жребий, кому идти в разведку. Короткую спичку вытянул я. С тремя красноармейцами я подошел низиной, заросшей кустарником, на расстояние 25 метров к шоссе. Невеселая картина представилась нашим глазам. На прямом шоссе, сколько мог видеть глаз, на обочинах и в кюветах лежали убитые люди, лошади, изуродованные повозки, автомашины, трактора и пушки. По шоссе шли машины, до отказа нагруженные немецкими солдатами и разными грузами. Тягачи тянули пушки. Неуклюже громыхая, шли танки с черными крестами.

Вернулись, обсудили сложную обстановку. Раз убитые не подобраны, шоссе не очищено от наших трофеев, значит, наши недалеко. «Немцы только что заняли данную территорию», – заключил Кошкин.

Снова пошли параллельно шоссе, которое круто повернуло на север. Наш путь лежал только на восток. Поэтому шоссе надо было пересечь, но вступать с немцами в бой – это равносильно ягненку нападать на волка.

К вечеру наткнулись на крупное наше подразделение. Оно оказалось 8 армии. Нас покормили, снабдили продуктами и боеприпасами. Из Риги они вышли на три дня раньше нас. Их цель – достичь укрепленного района между Псковом и Островом. Мы их почти за одну ночь догнали.

Немцы были впереди, но не более чем на 10 километров. Где-то шел бой, какая-то наспех брошенная дивизия преградила продвижение немцам. Вступила в неравный бой без координации и помощи нашего командования. До старой нашей границы оставался день ходьбы, то есть не более 50 километров. Короткий солдатский отдых – и снова в поход. Шоссе перешли без единого выстрела. Немцев на шоссе не было. Они заняли оборону, стягивали резервы. С восходом солнца в воздухе появился немецкий наблюдатель – "рама".

Раздались команды: «Сделать привал и хорошо замаскироваться». Когда "рама" пролетала над нашим расположением, в воздух взвились сигнальные ракеты. Кто стрелял, установить не могли. Многие видели сигнальщики, но не задержали. Снова поход, впереди нас, возле хутора, какое-то подразделение вступило в бой с немцами. Слышалась наша винтовочная стрельба и немецкая автоматная.

Майор в летной форме, командовавший, как он называл, "сводной и свободной дивизией номер один", распорядился, чтобы мой батальон помог братьям по оружию. Майор сказал мне: «Действуй». Мы зашли с тыловой стороны хутора, незамеченными подползли на расстояние 100 метров и ударили в спину засевшим немцам численностью до роты. В этом коротком бою русский штык даже против автомата оказался превосходным оружием.

Окруженные немцы в панике метались между построениями хутора. Их отлично доставали штыки и приклады. Здесь мы выглядели героями, взяли 12 человек в плен – 12 языков. Бой с немцами завязали подразделения, состоявшие из разных родов войск. Я спросил старшего

лейтенанта, моряка: «Кто вами командует?» Он ответил: «Полковник Голубев». «Где он?» – вырвалось у меня. Моряк рукой показал направление, хрипловато проговорил: «Вон по ту сторону хутора, возле сарая». Я по-детски вприпрыжку бросился бежать.

Полковник сидел на лужайке перед раскинутой картой в окружении трех офицеров. Увидев меня, Голубев вскочил на ноги, своими ручищами заключил меня в объятия. «Живой, живой! А где Кошкин?» Высвободив меня, увидел и Кошкина, накинулся на него. «Теперь, ребята, я с вами не расстанусь».

Мы рассказали, что были посланы на помощь. Наше подразделение, которым командует майор-авиатор, отсюда в 1 километре. Командование принял полковник Голубев.

К вечеру мы достигли нашего спасителя – укрепрайона старой советской границы с прибалтийскими государствами. Мощный оборонительный рубеж, где мы появились, был занят новой дивизией. Нас по всем правилам отвели во второй эшелон обороны для опроса и следствия.

Командующий 8 армией генерал-лейтенант Собенников со своим штабом находился рядом. Узнав о прибытии полковника Голубева, пригласил его к себе. Голубев, озабоченный, расстроенный, ладонями соскребал пыль и грязь со своего мундира. Связной драил ему сапоги оторванным рукавом шинели. «Ну, ребята, – обратился он ко мне и Кошкину, – пошли со мной сопровождающими. По-видимому, шпалы мои на петлицах превратятся в угольники».

Ходами сообщения и бетонированными укрытиями мы шли 15 минут. Голубев обратился к стоявшему молодцеватому майору: «Командующий у себя?» «Так точно, товарищ полковник!» «Ну что ты заладил, точно да точно! Сходи, доложи, что я тут».

Майор скрылся за тяжелыми серыми дверями и тут же появился. Молодцевато отрапортовал: «Входите, товарищ полковник». Затем, устремив на нас с Кошкиным пронзительный взгляд, уже тоном, не терпящим возражений, прошипел: «Вы кто такие, кто вас сюда просил?» Я не нашелся, что ответить. Кошкин выручил: «Пришли вместе с полковником Голубевым. Я его начальник штаба, – и показал на меня рукой, – а это командир первого батальона». Майор еще раз смерил нас взглядом. Затем устремил его на мою грудь, где красовался орден Красной Звезды, уже другим тоном заговорил: «Вы драпаете с самой границы?» «Да, – ответил я. – Только не драпаем, а планоно отступаем». Хотелось сказать «Это вы драпаете», но я промолчал.

Майор постоял с нами немного, уже молча, и скрылся за другой дверью. Мы стояли в 5 метрах от бетонной землянки командующего, непрерывно курили. Прошло полтора часа. Этот же майор пригласил нас с Кошкиным к командующему.

Открыли дверь, на несколько ступенек спустились вниз. Комната представляла собой кабинет с двумя столами, поставленными буквой "Т". Один короткий, где сидел командующий, другой – длинный, на нем лежала карта. Сидело более 10 человек. Двое из них были генералы, остальные чины – полковники и подполковники. При входе нас с Кошкиным все повернули головы и пробежали взором с ног до головы. Мы растерялись, не знали, кому и о чем докладывать. Видя наше замешательство, генерал-лейтенант встал из-за стола, подошел к нам, сказал: «Спасибо, ребята, вы воевали отлично. Посылаю рапорт на присвоение вам очередного звания. Можете добавить себе по кубуку. Считайте себя старшими лейтенантами. Награждаю вас обоих: Котрикова – медалью "За отвагу", Кошкина – орденом Красной Звезды. Сегодня же полковник Голубев вручит вам награды. У меня их здесь нет, но они недалеко». Мы ответили: «Служим Советскому Союзу». Командующий пожал нам руки.

Мы вышли. Майор снова появился возле нас, сейчас уже с заискивающей улыбкой. «Вы, ребята, оказывается, не из робкого десятка». «Да, середка на половине», – ответил Кошкин. Разговор не клеился. Из затруднения вывел я: «Теперь мы покажем фрицам – такая мощная линия обороны. Им здесь придется попотеть, сматывать свои манатки и драпать обратно». Майор, не мигая, уставился на меня. Проглотил накопившуюся во рту слюну, полушепотом

заговорил: «Вы, ребята, хорошие, смелые. Сколько таких ребят за короткое время загублено, и все благодаря...» И замолчал. «Ну, доскажите фразу, товарищ майор», – просил Кошкин. Майор снова начал, ему хотелось кому-нибудь выложить свои мысли, что накопились из увиденного и услышанного за короткий период войны. «Вот вы говорите «Покажем немцам». Скажите, пожалуйста, а чем? Год назад эта линия представляла неприступную крепость, вооруженную мощным оружием и оборудованием. По указанию Наркома обороны все было снято перед самой войной. Сейчас здесь голые бетонные доты. Я вам по секрету скажу: мы завтра отсюда эвакуируемся. Вы, дай вам бог быть целыми, от силы продержитесь два-три дня. Воевать нечем – раз. Линия обороны не на всю длину укреплена, войскам не хватает живой силы – два. Моральное состояние солдат и офицеров – три. Так, друзья, без паники, разговор между нами».

Вышел наш полковник. Пот капал с его волос и лица. Пройдя метров 200, остановился. «Ну, ребята, мне досталось, еле-еле ноги унес. Пока все в порядке. Сейчас займемся формированием бригады, вернее пополнением. Будем немца держать на этих рубежах до прихода пополнения. Если враг здесь пройдет, то только через наши трупы».

Формирование прошло успешно. Меня оставили комбатом. Кошкин был мой заместитель и командир 1 роты. Мы вспоминали нашего командира отделения в полковой школе. Он говорил нам: «Сегодня вы курсанты. Завтра – младшие командиры. Будете вы командирами рот, батальонов и даже командовать полками». Пророческие его слова. Не прошло еще года после окончания полковой школы, я уже командир батальона, Кошкин – командир роты.

Немцы подтягивали резервы, но пока не атаковали нас. Пятнадцать часов стояла тишина, только изредка раздавались пулеметные очереди. Ночью в небо взвивались разноцветные ракеты.

Раннее июльское утро – свежее, бодрое, теплое. Хочется выскочить из холодного бетонного дзота, как из погребца, и пуститься по-мальчишески бежать. Немцы, по данным разведки, всю ночь подтягивали резервы. Слышен был рокот моторов автомашин и танков. Шла пулеметная дуэль. С немецкой стороны раздавались длинные пулеметные очереди. Пули ударялись о железобетон вблизи амбразур, рикошетили и улетали дальше. Снайперы обеих сторон как бы соревновались. В приподнятую на палке доску через 3-5 секунд попадала пуля. Немцы, окрыленные легкой победой, при подходе к укрепленному району ходили группами, что-то кричали. Наши снайперы заставили их спрятаться в окопы и маскироваться. Моряки держались обособленно. Настроение у них было ложно приподнятое. Они говорили: «Братишки, держись, дадим фрицам прикурить!»

Шесть часов утра. Где-то далеко из радиоприемника доносились звуки кремлевских курантов. Безоблачное небо. Синева воздушного пространства терялась в серо-голубой дымке. На траве серебрилась роса. Послышался рокот моторов. «Летят, гады, – кричали со всех сторон, – позавтракать по-человечески не дадут». «Наши, наши», – улыбаясь, закричали красноармейцы. С востока летели четыре тяжелых ТБ в сопровождении двух легких тупокрылых истребителей. Началась обработка второго эшелона немцев. Выли и ухали бомбы. Свистели крупнокалиберные пули. «Так их, гадов!» – возбужденно кричали со всех сторон. Вот и наши соколы появились.

ТБ спешно повернули обратно. За ними гнались четыре "Мессершмитта". "Мессершмитты" заходили сбоку, били по всему фюзеляжу. В одно мгновение все четыре ТБ задымили и плавно пошли на снижение. Два наших истребителя вели неравный воздушный бой с пятью "Мессершмиттами". Один "Мессершмитт" задымил и рухнул в нейтральную зону недалеко от нас. Наш истребитель сверху камнем бросился на немецкий самолет. Казалось, он хотел на него сесть верхом и прокатиться. Оба самолета упали. Раздался большой силы взрыв, сопровождавшийся столбом черного дыма и огня. Второй наш истребитель веером поднялся ввысь и пошел догонять неуклюжих тихоходов ТБ. Но было уже поздно. Все ТБ лежали на земле и

горели. Немецкие летчики охотились за их экипажами, висевшими в воздухе на парашютах. Они, делая по несколько заходов, расстреливали и были по куполам парашютов. После длинной пулеметной очереди купол исчезал. Человек камнем летел на землю.

«Гады, скорпионы, что делают», – кричали красноармейцы. Помочь было нечем, кроме возмущения, ненависти и отборных русских ругательств. Настроение у нас было подавлено, испорчено. Воздушный бой закончен. Немецкие истребители ушли на запад и скрылись за горизонтом.

«Вот так, Илья, – сказал Кошкин. – За весь период войны я видел сегодня третий воздушный бой. Все-таки летчики молодцы. Если бы было у нас столько же истребителей, как у немцев, хозяевами в небе были мы. Но немцы – изверги, скорпионы – беззащитных парней, висевших на парашютах, в упор расстреливали. Немногим удалось спастись».

Немецкий диктор кричал, рассказывал меню завтрака, приглашал приходиться с поднятыми руками. Мы тоже завтракали. В воздухе раздался гул моторов. Над нашими головами появились немецкие самолеты. Шли они строем девятками, словно на парад, на высоте чуть больше 1 километра. Они снижались, разворачивались, пристраивались друг другу в хвост, в одну шеренгу, образуя форму дуги. Все делали не спеша, никто им не мешал. Включали сирены. Воздух наполнился щемящими, страшными для слуха человека звуками. На нашу линию обороны, на наши головы обрушился град пуль. Завыли бомбы. Вначале раздавались отдельные взрывы, затем они участились. Все слилось в единый сплошной вой, шум и треск. Люди ложились на дно ходов сообщения между дотами и бежали в доты.

Через полчаса ад кончился. Самолеты без потерь, откуда пришли, туда и ушли. Артиллерия и минометы перенесли огонь вглубь нашего тыла. Наши прославленные соколы, чудом оставшиеся в живых, ходили по грешной земле пешком. Их самолеты лежали металлоломом уже далеко в немецком тылу на аэродромах.

По всему нашему переднему краю раздавались команды: «Приготовиться к бою!» Шли немецкие танки с десантами автоматчиков. За танками шествовала пехота. Немцы шли уверенно. На многих узколиких мордах были видны улыбки. Ударил наша артиллерия. Вначале интенсивно, а затем поредела и быстро смолкла. Немецкая пехота залегла. Танки шли. К нам в дот на КП батальона пришел Голубев. «Товарищ полковник, вас ищут», – доложил я. «Кто?» «Кажется, командующий».

Голубев внимательно разглядывал меня, как будто впервые видел. Громко сказал: «Котриков, не посралим русской земли. Суворов говорил, что русаки всегда били пруссаков. Побьем и мы». Немцы шли. «Сволочи, идут словно на парад». Голубев, уходя, пригрозил: «Не спеши, будь сосредоточен и внимателен. Подпускай ближе. Бей наверняка».

Три танка, из жерла орудий и пулеметов извергая снаряды и пули, перешли нашу линию обороны. За целой колонной танков с десантами шла немецкая пехота. Немцы стреляли из автоматов и что-то кричали.

Наша оборона молчала. Казалось, что авиация и артиллерийская подготовка уничтожили все живое. Приближались танки, а за ними солдаты в вороних касках. Земля под ними дрожала и стонала. Психическая атака – это живая картина ужасов. Кое у кого нервы не выдерживали. Люди закрывали ладонями глаза и ложились. Соседи поднимали их и успокаивали. Каждый знал: струсить и бежать – значит смерть. Сумей убить врага первым. Не поспеешь – враг тебя убьет. Казалось, вся эта лавина движется только на меня: она неотвратимо хлынет, раздавит, уничтожит и смешает с землей. Тишина с нашей стороны стала психически действовать на немцев, шли они уже не совсем уверенные, крутили головами, озирались. Расстояние до танков было 120-150 метров, до пехоты – 180-200. В воздух с нашей стороны взвились красные, зеленые, желтые ракеты. Раздалась команда: «Огонь!» В одно мгновение автоматчиков, как ураганным ветром, сдуло с танков.

Танки двигались, пехота ненадолго залегла и снова короткими перебежками пошла к нам. Стрельба пулеметов и винтовок слилась в единый вой. Танки были в 20 метрах от нас, один загорелся, второй закрутился на месте, у него оборвалась гусеница. Третий вспыхнул, как свечка.

Наши 45-миллиметровые орудия стреляли в упор. Солдаты кидали бутылки с горючей смесью КС-1 и КС-2. Пехота залегла, вперед больше не продвигалась. Не доходя 10 метров до нашей обороны, танки, пятясь задом, пошли обратно. Пехота поползла обратно. Голубев кричал по телефону: «Двина, Двина, ты слышишь меня?» «Да, – ответил я. – Непобедимые наци показали спину. Вот так их надо бить!» «Как дела?» «Вроде пока в порядке. Потери небольшие. Папирос маловато, да и спичек бы подбросили». Это значило патронов и гранат. «Все будет», – успокоил Голубев.

Мы с замполитом обошли батальон. Настроение у солдат было хорошее. Все говорили, что дальше немец ни шагу не пройдет. Степан Кошкин был удручен. «В чем дело, Степа?» – спросил я. «Погибли два командира взвода. Личного состава от роты осталось 40 человек – это один взвод», – ответил он. Ребята его роты подожгли два танка.

Мы не успели обменяться и несколькими фразами, как прибежал связной с КП батальона. «Кошкина срочно к полковнику Голубеву». Возвратившись, Кошкин объявил: «Назначен командиром 1 батальона. Кому сдать роту?» «Поздравляю с назначением, – ответил я. – Сдай командиру взвода товарищу Сухову». Напомнил: «Три месяца назад мы с тобой были сержанты. Ты помкомвзвода, я – командир отделения. Как в сказке – от сержанта до старшего лейтенанта, от командира отделения до командира батальона за три месяца». «Да, – ответил Степан. – Но радоваться пока нечему. В 20 километрах от нас в районе Острова немцы прорвали нашу оборону, идут по просторам нашей матушки России. Да было ли что прорывать? Голубев по секрету сказал, что там никого не было. Сплошную фронтную линию не сумели организовать. Вот результат. По-видимому, немцы атаки здесь прекратят и все устремятся в прорыв». Но здесь Кошкин ошибся. В 10 часов все повторилось. Авиация одновременно с артподготовкой нанесли массированный удар по нашей обороне. Еще самолеты кружили в небе над нашими головами, рвались мины и снаряды. Немцы, прячась за танки, шли в атаку.

Немцам, вероятно, казалось, что после такой обработки мы не могли существовать. Из глубины нашей обороны заговорили пушки. Участилась пулеметная стрельба. Немецкая пехота оказалась отбита от танков, залегла. Танки перешли через наш передний край обороны, но, встретив сильное сопротивление, начали отступать. Три танка, забросанные горючей смесью, вспыхнули, остальные ушли. Атака немцев снова захлебнулась. Немецкая пехота отступала на исходные позиции. «Получен приказ командующего, – сказал полковник Голубев, – поднять батальон и атаковать немцев». «Есть поднять батальон!» – ответил я. В воздух взвились разноцветные ракеты. Всюду раздавались команды: «В атаку, вперед! За Родину! За Сталина!» Красноармейцы нехотя вылезали из окопов и дотов. Брустверы окопов минуту назад были страшнее смерти. Сейчас на них показались люди во весь рост. Чтобы поднять моральный дух, мы с комиссаром и начальником штаба вырвались вперед и, пробежав не более 50 метров, залегли под шквальным огнем. Комиссар был убит, начальник штаба – ранен. Батальон Кошкина поднялся вновь. Кошкин шел впереди. «За мной, вперед, ура!» – закричал я. Люди шли за мной, начали обгонять. Куклин, сейчас он был моим связным, не отставал от меня ни на шаг. Достигли немецкой обороны. Красноармейцы прыгали в окопы на головы немцам. Шла рукопашная схватка. Немцы упорно сопротивлялись, но отступили. Потери в батальоне были большие. Связь с КП полка наладить не удалось. Через час после занятия немецкой обороны поступил приказ: «Занять исходные рубежи».

Наше отступление немцы обнаружили. Открыли артиллерийский минометный огонь. Под градом шрапнели и осколков мин с большими потерями добрались до исходных позиций. С КП батальона я соединился с Голубевым. «В чем дело, товарищ полковник, что за

игра?» – сорвался я, закричал в трубку. «Тише, товарищ комбат, я пока не контужен, вас слышу хорошо, – послышался спокойный голос. – Я выполняю приказ свыше. При встрече расскажу. Доложите о потерях». Я коротко доложил. «Пока все, – также спокойно сказал Голубев. – Жди указаний. Проведите с народом беседы. Объясните, что так надо было атаковать. Цель – истребление отборных немецких псов».

Наступила тишина. С обеих сторон не раздавалось ни одного выстрела. Весельчаки шутили, что в эту минуту особенно много появилось на свет малышей. Не много бесстрашных людей, но все же они встречаются. В минуту затишья после пережитых тысяч смертей они веселы. Выгоняют страх из трусов. Даже с улыбкой принимают при казни смерть из рук палача.

Немецкий пропагандист кричал на чистом русском окающем наречии: «Русские, приходите обедать. Немецким солдатам привезли обед: на первое – гороховый суп с мясом; на второе – отбивная свиная котлета, гарнир – жареный картофель; на третье – горячий черный кофе».

В это время недалеко от КП послышался басовитый хрипловатый крик: «Мы окружены, спасайся, кто как может!» Я выскочил из укрытия. «Кто кричал?» – спросил у сидящей кучки красноармейцев. «Вон он побежал», – сказал старший сержант, показывая на удалявшегося красноармейца. «Догнать и привести сюда». Куклин кинулся бежать и через минуту привел в КП пожилого красноармейца. «Вы кто?» Он ответил, называя часть, командира и свою фамилию. «Почему дезорганизуете народ?» «Товарищ старший лейтенант, все отступают, и я сказал, что надо отступать». «Отведите его и сдайте в особый отдел, там разберутся». Через несколько минут после его увода поступил приказ отступить.

Немцы заняли оборону и больше не пытались атаковать. По данным наших наблюдателей, основные их силы отошли в тыл и, по-видимому, устремились в прорыв, остались небольшие заградотряды против нас. Я еще раз переспросил Голубева: «Начать отступление?» «Да», – подтвердил он. «Но ведь немцы ушли, оставили против батальона не больше взвода. Вот бы ударить!» В трубке послышался раздраженный голос уже не Голубева: «Вам, старший лейтенант, не понятен приказ? Повторите и немедленно выполняйте! Не забудьте оставить людей для прикрытия отступления». Я крикнул: «Приказ понятен, есть отходить! Прикрывать отступление не от кого. Немцы тоже ушли». «Выполняйте без пререканий. За промедление понесете ответственность».

Покидая первоклассные оборонительные сооружения, роптали не только мы, возмущался и полковник Голубев. Мы снова шли пыльными проселочными дорогами. Немцы далеко опередили нас. Никто толком не знал, где они. Слышались провокационные разговоры: «Занят Остров, Порхов и Псков. Мы отрезаны, немцы находятся далеко в тылу». На самом деле немцы шли параллельно нам большаками и по линии железной дороги, недалеко опередив нас. Немецкое командование знало о нашем отступлении, но ввиду нашей малочисленности, не более двух полков, не хотело размениваться на нас и отвлекать силы.

За трое суток организованного отхода три раза налетали на нас немецкие самолеты по 12-15 штук. Разбомбили, уничтожили половину наших лошадей, из 20 автомашин осталось три. Артиллеристы тянули пушки на себе. «Долго мы еще будем отступать?» – спрашивали с возмущением люди. Полковник Голубев успокаивал: «В районе реки Великая, что впадает в Чудское озеро, замечательный естественный оборонительный рубеж. Кроме того, население создает искусственные оборонительные сооружения. Где мы займем оборону, там немцы будут остановлены».

С Кошкиным встречались мы редко, только на планерках у начальника штаба или командира бригады. Линия обороны для нас была подготовлена не доходя 2 километров до Великой. Выбор места не совсем гармонировал и удовлетворял требованиям обороны. Линия обороны на участок, куда мы прибыли, была укомплектована одной дивизией, только вчера прибывшей с Урала. Нас проводили в тыл для приведения в порядок и пополнения.

На следующий день и нашей бригаде был определен оборонительный рубеж. От природы умный, имевший высшее военное образование, участвовавший в Германской и Гражданской войнах полковник Голубев с возмущением говорил: «Повесить мало того специалиста, наметившего этот оборонительный рубеж. Это очередная глупость или преднамеренная ошибка. Немцы нас перетопят в Великой. Оборонительную полосу надо было создавать по берегу реки». Начальник штаба шутил: «Нас учили, и мы учим подчиненных только наступательным операциям. Обороны у нас ни в одном уставе нет. Поэтому потерпите, дорогой полковник. Завтра мы ударим и немцев погоним. Что, забыл лозунг: "Воевать только на территории врага"». «Без иронии, товарищ майор, – парировал Голубев. – Придет время, еще повоюем и на территории врага. Сейчас наша задача – научиться выбирать места обороны, строить оборонительные сооружения и уметь обороняться».

Немцы подходили, рассредоточивались, окапывались. Наблюдалась активная перестрелка. Снова наступил вечер, а за ним короткая июльская ночь. С обеих сторон линия обороны ярко обозначалась пулеметными очередями трассирующих пуль и вспышками осветительных ракет.

Глава восьмая

Этот памятный день, а для многих он был последним, начался с восходом солнца. Солнце появилось из-за горизонта белесое, большое, напоминало белый мельничный жернов. Оно медленно поднималось над горизонтом, уменьшаясь в своих размерах. На темно-голубом небе не было ни одного облака. «День обещает быть хорошим, – говорили мужики, одетые в защитные гимнастерки. – Самый разгар сенокоса. Такая погода нужна».

Немцы не спешили. В 2 километрах от нас они открыто ходили, что-то кричали. Затем у них начался завтрак, на который приглашали и нас. Нагло на высоте 50-100 метров появились самолеты с включенными сиренами. Началась обработка нашей линии обороны с одновременной артподготовкой.

За танками пошли в атаку люди в грязно-зеленых мундирах. Танки перелезали наши окопы. Крутились над нашими телами, пытаясь обвалить землю и похоронить нас живыми. Спасали бутылки с КС-1 и КС-2. Три танка загорелись, остальные устремились в наш тыл. Пехота приближалась к нашим окопам. Шли они красиво, рядами, словно на парад, и что-то кричали. Их криков не было слышно, так как от стрельбы стоял сплошной вой. Их подпустили на расстояние 30-50 метров. Мы поднялись в контратаку. Знаменитый русский штык здесь оказался слишком коротким против немецкого автомата.

Пока мы бежали до первой шеренги немцев, они нас в упор расстреливали из автоматов, многих ребят мы не досчитались. Немцы, не ожидая штыковой контратаки, дрогнули и побежали. Люди перемешались. Трудно было разобраться в этой свалке, кто кого колет, бьет, в кого стреляет. Немцы бежали назад. Наши гнали их до наспех вырытых окопов, где снова завязалась рукопашная схватка. Не выдержав натиска наших, немцы побежали. Из-за перелеска показались немецкие танки, их было много. Снова заговорили немецкая артиллерия и минометы. В небе появились самолеты с черными крестами. В этот страшный момент поступил приказ – занять исходные рубежи. Вверенный мне батальон почти без потерь исполнил его. Соседям досталось, но паники не было. В течение часа кружились над нами самолеты, выли бомбы, снаряды и мины. В течение часа стоял сплошной вой. Обезумевшие люди прижимались к стенкам окопов и траншей. Волна дыма, огня и металла откатилась к нам в тыл. Над нашими головами появились танки. Они разворачивались над окопами, заваливая нас землей. На танках сидели и шли за ними солдаты. В окопы летели гранаты с деревянными ручками, красноармейцы ловили их на ходу и кидали в немцев. Неравный бой продолжался 7-10 минут. Наши не выдержали натиска и побежали. Самое страшное в бою – струсить и побежать. Немцы в спину расстреливали убегающих людей, давили гусеницами танков. Самолеты с включенными сиренами на бреющем полете нагоняли панику и страх. Достичь потока воды реки Великая удалось многим, однако ее форсировали единицы.

Я бросился с крутого берега в реку. Короткая 50-метровая бечева была преодолена. У берега было очень мелко. В воду я погрузился только на расстояние 10-15 метров от берега.

Мы, отступающие, оказались врагами не только немцев, но и наших. С обоих берегов и с обеих сторон по реке били пулеметы, над водой и в воде рвались снаряды и мины. С нашего берега по нам палили как по трусам и паникерам, а может быть, приняли нас за атакующих немцев. Немцы били по отступающим врагам.

Вокруг меня свистели пули. Ударялись о гладкую поверхность воды, рикошетили и снова с визгом поднимались ввысь. Раскаленные осколки мин и снарядов, падая в воду, шипели, над поверхностью воды создавали парообразные фонтанчики. Над головами плывущих рвались начиненные шрапнелью снаряды. Металлические шарики с большой силой ударялись в плотную массу воды. Не находя на своем пути преград, погружались на дно. Поверхность реки изрыгала из себя массу брызг и играла всеми цветами радуги. Пока глубина не превышала

моего роста, я, как рак, полз по дну, отталкиваясь руками и ногами, продвигался к середине реки. Через каждые полторы-две минуты на мгновение поднимал голову над поверхностью воды, набирал полные легкие воздуха и снова погружался на дно.

Глубина увеличивалась с каждым моим вздохом. Ноги перестали достигать дна. Сапоги тяжелели, тянули ко дну и мешали плыть. Обожгло голень правой ноги. Силы покидали меня, я с трудом сдерживал себя. Хотелось открыть рот и вдохнуть в себя воду. Собрал последние силы, упираясь руками и ногами в плотную массу воды, оттолкнулся. Вода вытянула меня из своих объятий. Голова оказалась на поверхности. Я плыл и дышал. Лучше смерть от пули или осколка, чем задохнуться в этой серой пучине. В другое время я кричал бы, просил бы о помощи: «Спасите, тону». Здесь ни до кого дела нет.

С обоих берегов реки в меня целились. Смерть искала меня везде: над водой и под водой. Многие мои товарищи, которым удалось избежать пуль, осколков и гусениц танков, добежали до реки. Их безжизненные тела вода навечно приняла в свои объятия. Я плыл, тяжелые сапоги и намочшая одежда тянули ко дну – сил больше не было. Сзади меня раздался голос Куклина: «Товарищ старший лейтенант, держитесь, скоро мель. Дайте, я вам помогу сапоги снять». Он помог мне снять сапоги. Плыть стало легче, но ненадолго. Горело левое плечо у ключицы. Достал нож, разрезал и снял брюки. Я в тот момент не боялся ни пуль, ни шрапнели, ни осколков – лишь бы дышать чистым воздухом. Я думал: может быть, это последние вздохи. Секунда-две, и меня, как и многих ребят, больше не будет. Носки ног достигли дна. Крикнул: «Куклин, дно». Куклин подплыл и схватился за мое плечо. Прошептал: «Больше не могу, ранен в плечо. Рука не работает, страшная боль». «Держись, Ваня». Силы мои удвоились, я легко вытащил по воде Куклина на берег. Он был в полной форме, я – без сапог и брюк. Река была форсирована. Поднялись по крутизне чуть выше. Обнаружили небольшую щель – окоп. Перевязал плечо Куклину, себе забинтовал рану на ноге – шагать можно, кость цела.

В течение получаса мы сидели, наслаждаясь, вдыхая в себя свежий, напоенный ароматами трав и речной влагой воздух. Без сапог и брюк, без головного убора, без ремня и оружия появляться было неудобно. Куклин от большой потери крови был безразличен ко всему, чувствовал себя плохо. Хотя говорил, что у него ничего не болит. Просить у него брюки и ботинки – значит оставить его на время в этой яме. Это было сверх моих сил. Поэтому я решил: «Будь что будет, пойдем, Куклин». Наметил ориентиры, как подняться на крутой берег реки. Мы побежали, Куклина я держал за здоровую руку и тянул за собой вверх на гору. Босые ноги кололо каждым камешком. Правая нога сильно болела, но осмотреть ее было некогда. Вокруг свистели пули.

Вот мы достигли входящего в реку оврага, по дну которого, журча, протекал холодный, родниковый ручеек. Мы добежали до первой извилины оврага и были в полной безопасности. Мучила жажда. Я ладонями черпал холодную родниковую воду, пил, не обращая на окружающее внимания. Куклин лег и пил прямо из ручья. В 5 метрах от меня сидели три человека совершенно голые, в чем мать родила. Один из них, плотный парень с бритой головой и голубыми глазами, сказал с украинским акцентом: «Прошу в компанию, товарищ старший лейтенант». Да, компания была веселая, мы двинулись по дну оврага. Встретили еще троих босиком, в брюках, но без рубашек. Я намеревался попросить у одного парня брюки, но мы окриками были остановлены и доставлены в штаб полка, разместившийся в наскоро оборудованных землянках в этом овраге.

Возле штаба нас набралось 80 человек. Начальство полка, сутулый сухой майор и толстый невысокого роста полковник, смотрели на нас с презрением – как на трусов и паникеров. Короче говоря, как солдат на вошь. Выстроил нас молодой штабист лейтенант в начищенной наглаженной форме. Он не скупился на слова, низвергал на нас тысячи проклятий. Он ставил нам в вину быстрое продвижение фашистских орд по нашей территории. Оскорблял, называл нас предателями, трусами и даже фашистскими прихвостнями. Семерым, оставшимся

в трусах после переправы, грозил расстрелом. Он видел в них фашистских агентов. Куклин, вцепившись здоровой рукой в мое плечо, еле держался на ногах. Большая потеря крови со всеми переживаниями давала о себе знать. У меня кружилась голова, и сохло во рту. Я не выдержал, вышел из строя вместе с Куклиным и крикнул: «Товарищ лейтенант, прекратить издевательства!» Лейтенант попытался на полуслове оборвать меня. Визжал как собака, ужаленная пчелой. Я продолжил: «Казнить нас или миловать – не твоего ума дело, на то есть начальство, разберутся. Как командир батальона я требую немедленно оказать раненым медицинскую помощь».

Из строя выкрикнул Кошкин: «Илья, ты жив?» Еле передвигаясь, бросился мне на шею. Он был ранен в оба бедра. Лейтенант кричал, расстегивая кобуру. В это время Куклин потерял сознание, повалился на землю, увлекая меня. Поднялся шум и крик. Из землянки вышел полковник с майором и с ними командир бригады полковник Голубев. Голубев подошел к нам с Кошкиным, обнял обоих. «Вы живы, дорогие мои ребята. Ранены, на данном этапе войны это очень хорошо». Старик расчувствовался. Глаза его сделались влажными. Кошкин был одет, только без ремня и сапог. Из кармана брюк торчала рукоятка пистолета.

Появились санитары с носилками, унесли Куклина и других тяжелораненых. Полковник с майором внимательно рассматривали чудом спасшихся людей. Казалось, они вылезли не из реки, а вернулись с того света.

Голубев стоял рядом с нами. К нам подошел армейский комиссар, представитель Ставки Верховного Командования. Окинул взглядом нас с Кошкиным с ног до головы, строго сказал: «Почему в таком виде, старшие лейтенанты?» Выручил нас Голубев: «Они оба ранены, товарищ комиссар». «Я вижу, товарищ полковник, и считаю своим долгом заметить товарищам: в таком виде неприлично находиться перед строем». Тут же нас с Кошкиным унесли в санитарную часть. Сотни раненых лежали под деревьями, ждали очереди на отправку в медсанбат. Нам поправили повязки, подбинтовали. Подошли санитарные конные повозки и две бортовые автомашины. На одну из повозок пристроились и мы с Кошкиным и доехали до медсанбата.

«Илеко, Степан, вы живы?» – послышался женский воркующий голос. Кошкин сидел, низко опустив голову, и думал о только что пережитом, не обращая внимания на окружающее. Голос мне показался знакомым. К нам подошла женщина, лейтенант медицинской службы. «Где я ее видел? – воспоминания пронеслись в мозгу. – Это же Соня Валиахметова». «Здравствуй, Соня, какими судьбами ты оказалась здесь, в этом проклятом богом, жутком месте?» – сказал я.

Кошкин поднял голову и заулыбался. Расцвел как майская роза. Протянул, слегка заикаясь: «Здравствуй, Софья Ахметовна!» Соня стояла перед нами растерянная, не зная, как нас приветствовать. Я стоял, опираясь о ствол старой шершавой осины, в гимнастерке, без брюк, с забинтованной правой ногой от ступни до колена. Кошкин сидел на толстом пне, одетый, но босиком. Она кинулась мне на шею и поцеловала в щеку. Затем подошла к Кошкину, обняла его за шею и тоже поцеловала в щеку. «Ребята! Да вы уже оба старшие лейтенанты, не сон ли это? Оба с орденами и медалями». Села по-узбекски на лужайку между нами и заплакала. «Вы с того берега реки?» «Да», – ответил Кошкин. «Какой ужас, какой ужас! Почти все погибли, если не от немцев, то от своих». «Сейчас все позади, дорогая Софья Ахметовна», – сказал Кошкин. «Степан, мы давно с вами условились, еще в Алкино, не называйте меня больше так. Или вы хотите обидеть меня». «Нет, что ты, помилуй бог. Мы очень рады встрече». «Вы извините меня, ребята, я очень расстроена. Вчера с нашего медсанбата послали на тот берег реки двух врачей и группу фельдшеров и медсестер для оказания медицинской помощи и эвакуации раненых. Через реку много переправили раненых, а из медиков обратно никто не вернулся. Сейчас там немцы. Где они, в плену или убиты? Вы не могли задержать немцев. Я не знаю, чем вы командовали?» «Батальонами, Софья Ахметовна, батальонами», – с иронией выпалил Кошкин. «Тем хуже, Степан, что батальонами. Бросили своих раненых людей на растер-

зание немцев. Сами спаслись, убежали. Где ваше место? Где вы должны быть?» Больше она не могла говорить, не плакала, а ревела. «Она права», – подумал я. Кошкин ответил моей мыслью: «Наше место там, среди убитых и раненых. Плохой тот командир, который первым бросает тонущий корабль». Этим было сказано все. Немного успокоившись, она тихо сказала: «Извините, ребята, за откровенный разговор. Я вас часто вспоминала как хороших парней. Я просто в вас обоих влюблена».

Наступило молчание. Над нами гудели немецкие самолеты. "Рама", как коршун, беспрерывно парила в воздухе, выслеживая добычу. «Ты права, Соня. Какие же мы командиры, когда не погибли или не попали в плен ранеными вместе с большинством ребят, которые остались на том берегу, – медленно растягивая слова, заговорил Кошкин. – Мы просто трусы, убежали от немцев, спасли свои шкуры. Прав лейтенант из особого отдела. Хорошо, Илья его остановил, а то и сейчас бы держал нас в строю. Но я думаю, Родина-мать, наш народ простят нам все. Мы залечим свои раны, еще покажем, на что мы способны. Умереть не опоздаем, пусть немцы за наши жизни заплатят тоже жизнями. Мы виноваты перед своей совестью, что остались живы».

«Степан, ты меня неправильно понял, – вытирая слезы, заговорила Соня. – Я рада, что вы остались живы. Дай вам бог пройти всю войну и остаться здоровыми, крепкими. Я говорила, что место всех было там. Какая-то неразбериха. Почему с нашей стороны стреляли по вам?» «Для того чтобы не отступить ни шагу назад, держаться руками, ногами и зубами за каждую яму, за каждую кочку, – ответил я. – Упреки твои, Соня, справедливы. Но ты упрекала нас в приступе горячки. Умереть мы еще поспеем. Война только начинается, а продлится она годы. У тебя кто-то близкий остался на том берегу? Правильно я тебя понял?» «Да, – ответила Соня. – Один врач, близкий мне человек, вчера был послан туда и не вернулся. Где он? Что с ним?» У нее снова покатались по щекам слезы.

«Соня, вы не встречались с Голубевым?» – спросил Кошкин. Она вытерла слезы и настороженно ответила: «Нет! Где он?» «Он рядом, в 3 километрах отсюда, – ответил Кошкин и рассказал, как мы снова встретились с ним в Риге, где он командовал нашей бригадой. – Вместе отступали, а вернее, удирали с границы с Восточной Пруссией. Он говорил нам, что вы тоже находились в Литве. Мечтал вас разыскать». «Все кончено с ним. Да, я работала там в медсанбате. За 10 дней до начала войны уехала в отпуск, по-видимому, тем и спаслась. Весь наш медсанбат вместе с ранеными остался у немцев, – она сменила тон разговора, начала нас хвалить. – Вы, ребята, молодцы. Сумели обойти тысячи смертей. Прошли кровавым тернистым путем сотни километров. Вышли с того света, из пекла самого сатаны. А это удалось немногим». Она встала на ноги, стройная, гибкая, похожая на балерину. Подошла ко мне, протянула руку, затем Кошкину: «Прощайте, ребята. Может быть, судьба нас больше не сведет никогда. Я пойду, поищу Владимира Ивановича. Человек он хороший, мне его жаль, но между нами все кончено». «Гора с горой, Соня, не сходится, а человек с человеком – это возможно, – сказал я. – До свидания, Соня». Она ушла, не оставив нам адреса.

Из санчасти раненых отвозили на автомашине, на конных повозках. Кто мог, шли пешком в медсанбат, который располагался в 7 километрах на полустанке. Нам повезло: Кошкина, Куклина и меня после перевязки тут же посадили в кузов автомашины и привезли на железнодорожный разъезд с тремя железнодорожными путями и тупиком. В тупике стоял замаскированный срубленными деревьями состав из товарных и двух пассажирских вагонов. Станционное здание, три длинных барака были заняты медсанбатом. Тяжелораненые лежали на полу, на койках, деревянных топчанах и на носилках. Те, кто мог ходить, сидели на скамейках, табуретках и на опушке леса, под деревьями, так как разъезд был окружен со всех сторон лесом. Ходить по территории разъезда строго запрещалось. Мы разгрузились с автомашины у операционной, которая помещалась в железнодорожной путевой казарме. Санитары из операционной, барак и здания вокзала носили тяжелораненых в вагоны. В операционную меня пригласили вперед Кошкина и Куклина. Врач, молодая женщина, уверенно и быстро резала, расширяла раны.

Боли совсем не ощущалось. Казалось, она режет не меня, а соседа. При этом она спрашивала меня: откуда я, давно ли на фронте и так далее. «Легко отделался, счастливый». Ответил ей за меня лежавший на соседнем столе пожилой мужчина: «Лучше бы тяжелее, да подольше не попадать туда». Куда, без вопросов ясно.

«Все, молодой человек, – наконец, сказала она. – Следующий». С операционного стола я по-молодецки вскочил и оперся на больную ногу, тут же присел. Она схватила меня за туловище, устало произнесла: «Что вы делаете? У вас может открыться кровотечение». Здоровяк-санитар поднял меня на руки, вынес из операционной, посадил на скамейку, сказал: «Сиди спокойно, жди команды. После загрузки тяжелораненых пригласят и вас занять место в вагоне». В операционную внесли Кошкина и Куклина. Находились они там долго. Время, как при бомбежках, шло медленно. Где-то за стеной тикали часы, отсчитывая секунды. Вынесли Кошкина, почти следом за ним вышел Куклин, поддерживаемый санитаром. Мы с Куклиным сели возле носилок Кошкина. Кошкину хирург сказала: «Ничего страшного, выздоровление займет два месяца». У Куклина была перебита ключица и повреждено предплечье. Наложили гипс. Врач сказала: «Возможно, еще воевать будешь, если война затянется».

С восходом солнца объявили посадку в вагоны и легкораненым. Нас с Кошкиным как офицеров определили в пассажирский вагон. Я уговорил главного врача поместить вместе с нами и Куклина. Куклина привела к нам в купе молоденькая сестра и показала ему его нижнее боковое место. При виде нас с Кошкиным у него потекли слезы и, с минуту заикаясь, он не мог выговорить "спасибо".

С наступлением темноты наш санитарный поезд застучал колесами. Мы поехали. Какое блаженство после пережитого лежать на матрацах с чистыми белыми простынями, чувствовать уход и внимание молоденькой сестры Ани и толстухи-санитарки Тоси, девчат-добровольцев в белых халатах. Они видели в нас героев – защитников Родины.

Я не хотел спать, хотелось блаженствовать, смотреть в окно, где мелькали очертания леса и железнодорожных построек. Наш поезд спешил, шел быстро. Усталость взяла свое – уснул. Проснулся от сильного треска и взрывов. В окно вагона ласково светило июльское солнце. Раненые, кто мог, вскочили с полок. Сестры и санитарки кричали, просили лежать на местах. Два немецких стервятника налетели на беззащитный санитарный состав с полотнищами красных крестов на крышах каждого вагона. Ударили по вагонам из пулеметов и сбросили три бомбы. Со слов главного врача, особого вреда не причинили. В чем она особый вред видела, не говорила. По-видимому, в прямом попадании бомбы в ее вагон. В нашем вагоне дополнительно было ранено трое и убито двое. Остальные отделались испугом.

При налете я на руках спустился со средней полки в проход и оперся на больную ногу. Сильной боли не ощущалось. К вечеру уже ходил по вагону, помогая санитарке. Через сутки наш поезд достиг пригорода Москвы, был в полной безопасности. Более суток нас катали по Московской окружной дороге. Наконец, вывезли на Северную железную дорогу и повезли в Ярославль. На каждой станции встречали делегации женщин с цветами и подарками. Я вместе с сестрами и легкоранеными выходил из вагона для приема цветов, подарков и поцелуев.

На станции Буй одна приятная дама отдала мне целую охапку цветов и принялась меня целовать. На прощание укусила в верхнюю губу. Губа распухла. Об этом узнал весь вагон. Сестры надо мной смеялись. Сестра Валя из соседнего вагона издевалась. При встречах, смеясь, говорила: «Дай я тебя, касатик, хоть один раз поцелую». Поэтому я больше никуда не ходил, несмотря на просьбы сестер, и старался находиться в своем купе, так как отовсюду слышал смешки и издевки.

Кошкин больше сидел. В туалет ходил сам. Куклин лежал и жаловался на боль в плече и непослушность руки. Кошкин рассказывал о приключениях охотников в тайге, повадках птиц и зверей, про глухариные и тетеревиные тока, подражал птицам. Наше купе всегда было набито слушателями. «Почему ничего не рассказываешь?» – спросила меня сестра, поправ-

ляя повязку. Кошкин подхватил: «Илья, расскажи ту историю, которую начал рассказывать в Литве, да немцы помешали. Что произошло с твоим дядей?» Я немного поломался, а потом сказал: «Если есть желание, то слушайте. Только одно условие – не мешать, не перебивать и до самого конца не задавать ни одного вопроса». Рассказал о приключении дяди Мити. «Мой дядя Митя, как мы его ласково звали, родной брат моего отца. В деревне все звали его Кочка. Это прозвище настолько ему пришло – позднее всех детей тоже звали Кочками. Кое-кто называл Болотной Кочкой. Прозвали так отчасти из-за фамилии Котриков, что-то созвучное с кочкой, и за его кудри. Насколько они искусно вились на его голове и бороде. Были похожи на каракуль первого сорта. Волосы у него были цвета что-то среднее между черным и рыжим. Блестящие, излучали инфракрасные лучи. Был он высок. Рост 1,8 метра. Коренаст, крепко сложен. В жизни он никогда ни с кем не дрался. Если кто по незнанию налетал на него в драку, задиру он от себя легонько отталкивал и потихоньку уходил. Дядя говорил, что ударом кулака он мог убить лошадь. Отсюда ясно, что будет, если он попадет по человеку. К жернову ветряной мельницы по крутой лестнице высотой 7 метров вносил по два мешка ржи, то есть 10 пудов. Один раз на спор в зубах он втащил к жернову мешок льняного семени весом 6 пудов».

«Это ты врешь», – раздался из соседнего купе раздраженный голос. Кто-то там его одернул: «Не веришь – не слушай, но не перебивай». Я замолчал. «Ну, продолжай, Илья, – просил Кошкин. – Не обращай внимания на реплики».

«Действительную службу дядя служил в морфлоте. В 1914 году был мобилизован в армию и зачислен в экспедиционный корпус, который направлялся для помощи французам. Во Франции он был награжден двумя французскими орденами и русскими крестами всех степеней. По-теперешнему он приравнялся к Герою Советского Союза. Получил эти награды как разведчик. Он по заказу французского и русского командования приводил немцев-языков разных званий. Один раз притащил на себе толстого полковника вместе с бумагами. Французы из любопытства полковника взвесили: 6 пудов и 4 фунта чистого веса. За полтора года он перетаскал этих немчишек 67 человек».

«Сколько же весил твой дядя?» – улыбаясь, спросил Кошкин. «В то время не знаю, но помню, когда ему было за сорок – семь пудов». «О, ничего себе!» – вырвалось у моего соседа.

«Живота у него не было. Лишнего сала тоже. Да мог ли быть жирным крестьянин между середняком и бедняком? На ногу он был легок. При таком весе отлично бегал. Догонял скачущую лошадь. Свою лошаденку носил на спине. На медведя ходил с одним ножом. Убил двенадцать медведей. В 1916 году был ранен в руку. Из Франции на лечение был отправлен в Россию. В госпитале лежал в Одессе. Сама императрица, обходя раненых, ему как герою подарила золотой крестик. В 1917 году дядя приехал в деревню на боевом коне в полном вооружении и сразу же отправился воевать за красных. После революции все свои французские ордена, кресты и медали далеко спрятал и не пытался находить. Он очень боялся своих заслуг за царя и Отечество».

«Если бы узнали, могли бы посадить», – снова раздался тот же голос.

«В 1937 году, в возрасте пятидесяти лет, дядя умер. От солнечного удара. Головного убора он всю жизнь не носил ни зимой, ни летом, кроме службы в армии. Вдруг удар солнца – странно».

«Ничего нет странного», – подтвердила врач.

«Дядя никого не боялся, кроме лешего. Во всех губерниях распространены черти. В Вятской губернии – леший. Леший, говорили старики, в несколько раз сильнее и хитрее черта. Вот поэтому сам сатана послал его в Вятскую губернию. Вятский народ очень хитрый, смекалый и храбрый. Недаром про него в шутку говорят: семеро одного не боятся, а один на один и котомки отдадим. Заступив на свой губернский пост, леший начал бесчинствовать, обижать народ. Горели целые деревни. От заразных хворей вымирали целые уезды. Разменивался и на мелочи. У одного украдет из зыбки ребенка, вместо него положит полено. Напустит хворь на

домашний скот. У другого изведет корову, лошадь. Третьего заморозит. Житья мужикам от лешего не стало. Взмолились мужики перед ним: «Что тебе от нас надо?» Леший сказал: «Мое имя в ругательствах, в церквях с ненавистью произносится всем народом. Если народ не будет произносить моего имени, забудет меня, то вреда вам чинить не буду. Отныне берегись тот человек, который произносит мое имя».

До сих пор в деревнях имя лешего не произносится. Если ненароком кто и произнесет его, присутствующие, будь это мужик, женщина или старик, тут же перекрестятся и скажут заклинание: «Свят, свят, нечистая сила, не приставай» – и поспешат поскорее уйти.

Дядя часто говорил, что лешего он видел собственными глазами и притом не один раз.

В 2 километрах от нашей деревни на большой площади раскинулось безлесное топкое болото. Ширина его около 2 километров. Длина его, как говорили, около 20 километров. Мерил его леший клюкой, не домерил и махнул рукой. Затем взялись измерять два брата – Симка да Тимка. Мерили веревкой. Веревка у них порвалась. Тимка говорил, давай свяжем, а Симка сказал, давай так скажем. Сказали – двадцать верст.

Болото славилось тетеревиными токами. Тетеревов на один ток собиралось более сотни штук. Дядя очень уважал тетеревиное мясо. На тока в период брачного сезона тетеревов он ходил ежедневно и приносил по несколько птиц.

В 1926 году на Пасху все крещеные пошли в церковь. Дядя, поразмыслив, решил идти на ток, так как в церкви надо всю ночь стоять перед образами святых. Удовольствия мало. Зато на току в шалаше лежи в свое удовольствие и слушай разноголосую весеннюю песню птиц. Вечером он сел в шалаш. Укутавшись зипуном, крепко уснул. Ночь была лунная, светлая. Проснулся дядя от страшного хохота, который, как гром, раздавался на все болото. Шалаш его задрожал, как при девятибалльном землетрясении. Оглушительный хохот раздался над его ушами. Дядя выскочил из шалаша, будто фриз, облитый горячей смесью. Сбросил с себя зипун, полушубок и валенки. Следом за ним до самой деревни гнался леший: хлопал в ладоши, свистел и неистово шумел. Как я вам говорил, дядя бегал быстро. Босиком».

Хотел сказать, что без штанов, но вспомнил, что этого говорить нельзя, засмеют. Я тоже без брюк стоял в строю после драпанья через реку Великая.

«Когда отец с матерью пришли из церкви, бабушка возилась у печки с пирогами и шаньгами. Дядя лежал на печи, отогревался от страха. Отец спросил: «Сколько, Митя, убил тетеревов?» Дядя ответил: «Видел лешего, еле-еле убежал. Гнался до самого дома, оставил в шалаше ружье, зипун, полушубок и валенки». Бабушка и мать закрестились и запричитали: «Свят, свят, сгинь, нечистая сила». Отец, не дожидаясь пасхального завтрака, пошел на болота. Принес ружье, зипун, валенки и полушубок. На другой день утром принес и самого убитого лешего. Это был большой филин, нагонявший ночью страх на всю округу.

В 1917 году дядя вступил в ряды РККА. За смелость и отвагу быстро пошел в гору. За два года непрерывных боев с белогвардейцами малограмотный мужик дослужился до чина комбата. В 1921 году надо бы ехать домой – поправлять свое хозяйство после семилетней войны и разрухи, спасти семью от голода. Дядю направили в Среднюю Азию для борьбы с басмачами.

После установления советской власти в Средней Азии грабили, истребляли местное население, убивали коммунистов. Сжигали населенные пункты. Подрывали железнодорожные составы. Ликвидация басмачества стоила многих жертв молодому советскому государству. Привезли дядю в Пишпек, ныне город Фрунзе. Его отряд там пополнили, вооружили и через неделю отправили в горы. Ехали долиной. Не доезжая гор, местность стала казаться дяде знакомой, хотя здесь он никогда не был. Даже дорога, по которой они ехали, была до мелочей знакома. Знаком был каждый поворот, каждая каменная глыба. Он в шутку говорил красноармейцам: «Сейчас за поворотом нам встретятся такой-то формы каменные глыбы или такое-то подножие горы». Проводники с удивлением смотрели на него и думали, что он вырос в этих горах, по этой дороге ходил всю жизнь. Отряд больше не нуждался в проводниках, которые

были ненадежными. Не раз дяде приходилось вступать с ними в споры, из которых он выходил победителем. Проводники убедились, что дядя лучше их знает дорогу, и просили отпустить их домой. Отряду помимо проводников нужны были и переводчики, поэтому в просьбе было отказано.

Поход продолжался целую неделю. Вошли в одну из живописных долин, где расположилось небольшое киргизское село. «Вот села я не помню, – сказал дядя. – Эти каменные громады, что находятся в центре села, знаю. Примерно в 3–4 километрах отсюда должна быть пещера». Один из проводников уверял, что он все тут знает, прожил всю жизнь, а о пещере даже не слышал. В селе отряд сделал привал. Лошади и люди отдохнули. Красноармейцы стали просить дядю показать пещеру. Дядя согласился. Взяв с собой пятнадцать человек и проводника, уверявшего, что нет пещеры, проехали от села не более 3 километров. Достигли подножия отвесной скалы. Дядя показал рукой в заросли колючего кустарника. «Вот здесь должна быть пещера», – и рассказал ее устройство. Проводник признался, что здесь действительно есть пещера, но она священна, и войти в нее – значит оскорбить веру местного населения. Но тут из пещеры раздалась пулеметная очередь и одиночные винтовочные выстрелы. Двух лошадей убили, одного красноармейца ранили. Дядя послал связного в село. Через полчаса приехал весь отряд. Пещеру взяли штурмом, где был обнаружен склад оружия и боеприпасов и спрятавшиеся басмачи.

После короткого боя дядя показал на овальную каменную глыбу и спросил проводника, который оказался предателем: «Возле этой глыбы когда-то росло дерево?» Проводник что-то по-своему зашептал. После минутного молчания ответил: «Да, тут стоял громадный дуб. Его помнил мой дед. Корни и пень его до сих пор сохранились». Все пошли к громадной каменной глыбе, сползшей когда-то при землетрясении с горы. С удивлением смотрели на дядю. У глыбы действительно сохранился громадный, диаметром до 2 метров, пень. У пня дядя вспомнил, что с ним произошло в те далекие времена. Однажды он шел на охоту с луком и каменным топором. Он хорошо помнил, как при подходе к этому дереву на него бросился громадный тигр. На этом его сознание и память обрываются. Значит, он был разорван тигром. Как он мог снова родиться – это загадка. Притом вместо Средней Азии родился он в Вятской губернии.

Дядя над этим всю жизнь ломал голову. Думал и так и сяк. Даже старался описать этот случай. Он про это не раз рассказывал попу. Поп не верил, говорил: «Это, раб божий Дмитрий, сказка». Рассказывал он атеистам-ученым, и те не верили. Но один генерал, ныне покойный, ответил, что существует наука какая-то, генетика. Гены миллионы лет образовывались, отбирались и улучшались. При образовании семени, будь то животного, растения или человека, они тут как тут. Хотел бы ты, чтобы родился сын, родится дочь. Все это закладывается закономерно самой природой. Вот эти гены и являются как бы душой человека, животного и растения. Распространяются они повсюду: по воздуху, по воде, в растительном и животном мире. Гены – это наивысшая материя, которая не умирает. Она вечна. Их создано определенное закономерное количество. Для всех-всех животных, насекомых, водных, земноводных, растений и человека здесь существует строгая закономерность. Почему и рождается человек от человека, животное от животного и так далее. Не будь этих генов, в природе было бы не пойми что. Например, Кошкин мог бы родиться от кошки, а я от собаки. Львица родила бы тигра, а тигр – слона.

Вот, может быть, и среди нас есть участники суворовских походов или Отечественной войны 1812 года. Подумайте над этим».

Никто не смеялся. Многие говорили "сказка", а кое-кто и верил, в том числе и Кошкин. Он говорил, что, попадая в совершенно незнакомое место, он хорошо ориентировался, и ему казалось, что он здесь когда-то был.

Четыре дня плутал наш санитарный поезд, пока добирались до Кирова. Навстречу нам шли эшелоны с Урала, из Сибири, с Дальнего Востока. Везли людей в защитных гимнастерках, танки, пушки и автомашины. Встала страна огромная. Едет на смертный бой. Мы часами

стояли на полустанках, давая им зеленую улицу. Я думал: «Наконец-то немца остановят на всех направлениях. Паническое бегство будет приостановлено». Из скупых слов диктора по радио можно было понять: наши войска, оказывая большое сопротивление, отступали, зазывая врага в ловушку. Где-то готовится генеральное сражение, как Бородинская битва. Наша армия сдает города только ради тактических соображений. Быстро бежало время в госпитале. К нам, к первым раненым, поступившим в Киров, шли делегации, приносили подарки. Легкораненым главный врач госпиталя разрешал ходить в кинотеатр. Поэтому я каждый день ходил в кино или театр. Настал день, когда лечащий врач сказала: «Ты здоров».

Минуя отдел офицерских кадров Уральского военного округа, я попросил направление в сформировавшийся в Кирове стрелковый полк, входящий в состав 311 дивизии.

Штаб дивизии находился в военном лагере Вишкиль. Главный врач согласовал с начальством округа, и мою просьбу удовлетворили. По прибытии в полк полковник Чернов сказал: «Будешь пока в резерве. Займешься хозяйственными вопросами».

Полк готовился к отправке на фронт. Располагался недалеко от станции Киров-Котласский рядом с кирпичным заводом. Беззаботная госпитальная жизнь кончилась. Я обивал пороги облисполкома и райисполкомов Кирова. Заручался бумагами на занятие кузниц для ремонта конных повозок иковки лошадей, мобилизованных из колхозов области. Начальство, кому принадлежали кузницы, старалось всячески тормозить. Не давали угля, убрали кузнецов. Кузнецов мы находили своих. Директор промкомбината приказал закрыть на два замка сарай с углем и выставить сторожей. Полковник Чернов распорядился: если добровольно сарай с углем не откроют, поставит своих часовых и сломать замки. Так и сделали. Часовые без пароля никого не пускали на территорию промкомбината. Директор после обращения в вышестоящие инстанции взмолился, просил меня убрать часовых. Я ответил ему: «Никак не могу. Это распоряжение командира дивизии, который находится в Вишкиле». Наговорил ему, что лошадей куюм особыми подковами, новыми, секретными, что это является большой военной тайной, может быть, и в их коллективе есть неблагонадежные люди, что грозит раскрытием военной тайны и передачей ее немцам.

Директор сделал удивленную физиономию, сказал длинное "да", ушел. Я его больше не видел. Работа наладилась. Кузницы работали в три смены круглосуточно. Повозки отремонтировали, лошадей подковали в короткий срок. Я обратился к командиру полка с просьбой на отпуск хотя бы на сутки. Перед отправкой на фронт съездить домой. Дом, где жили мои старики, находился в 100 километрах от города Киров и в 6 километрах от железной дороги Горький-Киров.

Чернов, не ожидая такой просьбы, отказал. Сказал: «Не могу. Время военное, в дороге может случиться всякое. В случае опоздания для тебя будут неприятные последствия». После непродолжительной паузы я отпрапортовал: «Разрешите идти, товарищ полковник?» Он кивнул. Я повернулся кругом. «Отставить, Котриков», – проговорил Чернов. Я снова повернулся кругом и встал в прежнюю позу. «Садитесь, старший лейтенант». Не понимая ничего, стоял в той же позе, Чернов повторил: «Садитесь». Я сел. Он подал мне листок бумаги. «Пиши рапорт на двухсуточный отпуск». Я быстро написал. Он в углу написал кривым почерком: «Разрешаю на 48 часов». «Помни суровый дисциплинарный устав маршала Тимошенко для военного времени. Идите, старший лейтенант. Ваш рапорт отдайте начальнику штаба. Немедленно отправляйтесь». Я по-граждански поблагодарил Чернова и с быстротой пули выскочил из кабинета. Начальника штаба встретил в коридоре, сунул ему в руку рапорт, выбежал на территорию военного городка. Начальник штаба что-то мне кричал. Его крики до моего мозга не доходили. Была одна мысль – как добраться до вокзала. Автобусы и троллейбусы ходили только по центральным улицам Ленина и Карла Маркса.

Навстречу мне шел командир взвода конной разведки лейтенант Костя Пеликанов. «Пеликанов, выручай. Надо срочно добраться до вокзала». «Домой отпустили? На сколько?» –

спросил Пеликанов. «На двое суток». «Попросил бы меня в сопровождающие. Как было бы здорово. Явились бы с тобой к твоим старикам на боевых конях, в полном боевом. Вся деревня бы сбежалась». «Ты мне зубы не заговаривай, не болят. Если можешь, помоги добраться до вокзала». «Ну что, пошли. Я тебя провожу, имею задание ехать в город». Короткая команда: «Подать двух коней под седлами. Связному ждать нас на вокзале». Через три минуты мы с ним гарцевали.

Пеликанов – выпускник кавалерийского училища. Он умел блеснуть, проезжая по городу в полной кавалерийской амуниции. Если бы он ехал где-то на Кубани или Дону, на него никто бы не обратил внимания. В Кирове зевак было много. Его конь не шел, а плясал, выколачивая подковами по асфальту барабанную дробь. Я ездить тоже мог. Научил меня командир полковой школы Голубев. Конь подо мной был не очень стройным, и многие, мне казалось, принимали меня за связного Пеликанова. На вокзале нас уже ждал связной, так как он ехал напрямую. Я передал ему коня. Поблагодарил Пеликанова. Поезд, на котором мне нужно было ехать, шел поздно вечером. Помог мне знакомый парень из железнодорожной милиции. Посадил он меня на товарный поезд на площадку к главному кондуктору. Через 2,5 часа состав без надобности остановился на лесном разъезде Иgotино. Главный кондуктор, оправдываясь перед дежурным, говорил: «Пять минут назад дымила и искрила одна букса». После протяжного гудка поезд тронулся.

Шесть километров леса и болота, и вот уже моя родная деревня. Я не шел, а бежал по знакомым с детства тропинкам. Вот и чистое болото, на котором я, отец и дед на токах били тетеревов. Черная торфяная жижа местами достигала выше колен. Чахлые, редкие двухметровые сосны, как часовые, стояли на середине болота вокруг бездонного озера. Это было не озеро, а окно в толщу торфяника. На расстоянии 300 метров от этого окна под ногами земля качалась. Ноги вдавливались в мягкую травяную подушку, шагать становилось неудобно. Я пробежал болото и вышел в поле, которое кормило и поило моих дедов и прадедов и вырастило меня. Два километра поля, и близкая сердцу деревня, родной дом. На середине поля меня встретила мать. «Как ты оказалась здесь?» – вырвалось у меня. «Я ждала тебя. Я видела сон, что ты пришел, поэтому пошла встречать. Мне чей-то голос говорил, что тебя отпустят».

Сердце матери чувствительно. Оно предчувствует встречу и разлуку. Мать схватила меня за руку своими крепкими мозолистыми руками. Близки материнские слезы. Со слезами на глазах она рассказывала деревенские новости: кого в армию взяли, кто остался, от кого писем нет с начала войны. Уже от двух моих товарищей пришли похоронные. Прижимаясь ко мне, мать, всхлипывая и вытирая углом платка слезы, говорила: «Больше я тебя не пущу никуда. Пусть другие воюют, с тебя хватит».

Вечером приехал отец с сенокоса. Он не спеша распряг лошадь, отпустил ее пастись. Скромно, как мужчина с мужчиной поздоровался. После выпитых двух стаканов водки почувствовался. Стал хвалить меня. Он говорил: «Как ты изменился до неузнаваемости. Стал настоящий офицер. Первый офицер за существование нашей деревни. Весь в меня. Как быстро ты пошел в гору. Уже три кубика, старший лейтенант».

Одним мгновением пролетело время. Тяжелое расставание. Слезы отца с матерью, родственников и соседей. Тяжелая дорога возвращения в свою часть. Всюду беженцы, беженцы. Все вокзалы, привокзальные площади и поезда переполнены беженцами.

В Киров приехал и явился в свою часть на три часа раньше – 16 августа в 17 часов.

На станцию Киров-Котласский были поданы вагоны для погрузки. Грузили повозки, лошадей, 45-миллиметровые пушки. Начальник штаба похвалил: «Явился вовремя, молодец». Началась погрузка людей. Каждый взвод до вагона сопровождала толпа женщин, детей и стариков. С криками, причитаниями и воем. Красноармейцы в шутку говорили: «Вы нас провожаете, словно на тот свет». Многие женщины на руках несли по два ребенка и, уцепившись за подол платья, тащились еще по двое босых ребятишек. В 10 метрах от вагонов выставили

заградотряды. К вагонам прорывались только более шустрые, обезумевшие от горя. Многие из них целыми семьями из районов, деревень жили у лагеря со дня мобилизации, провожая последнего кормильца в неизвестность. Вокруг военного был организован гражданский лагерь из сопровождающих жен и невест. Он простирался на 2-3 километра пригорода. Меня пришли провожать Кошкин и Куклин. Кошкин ходил еще плохо, с тросточкой. У Куклина рука, как он говорил, висела как плеть. Врачи говорили, возможно, дадут третью группу инвалидности, то есть демобилизуют из армии. Расставаться с боевыми товарищами было тяжело. Сведет ли нас судьба еще раз или наши дороги здесь, в Кирове, разойдутся навсегда?

До 9 часов вечера небольшая станция Киров-Котласский походила на муравейник. Была заполнена народом вся привокзальная сторона во всю длину воинского железнодорожного состава из 82 вагонов. Трудно сказать, кому из находившихся в вагонах суждено было вернуться на родину.

Раздался длинный, как бы прощальный паровозный гудок, поднялся жуткий женский плач, вой, рев и причитания. Слышались то отдельные крики, то они сливались в общий гвалт: «Вася, Ваня, Коля, Степа, прощай». Этих людей на кинолентку, даже на простое фото никто не снимал и не изобразит на картинах. Многие ни разу в жизни не фотографировались. Скромно одетые крестьяночки и их дети из моей зрительной памяти не исчезнут до конца жизни.

Воинский эшелон тронулся. Люди бежали за вагонами, толкая друг друга, махали руками, что-то кричали, разобрать было трудно. Некоторые из них падали, спотыкаясь о хлам, лежащий рядом с железной дорогой. Поднимались и снова бежали. Они старались в последний раз запечатлеть в своей памяти образ самого близкого, самого дорогого человека. Медленно, как в ночном мраке, исчезали бегущие. Вагоны прогремывали по стрелочным переводам. Перед глазами открылось русское поле, ровное, сливающееся в бледно-голубой цвет. Вдали на небосклоне виднелось синее-синее облако, вблизи которого играли зарницы. С другой стороны вагона плавно проплывали деревянные домишки. Навстречу спешили телеграфные столбы. С тяжелым осадком на душе, в плохом настроении я стоял у окна вагона. Думал о доме, об отце и матери. Еще тяжелей было мужикам, чьи жены с маленькими детишками, умываясь слезами, провожали их, может быть, в последний путь. Вчерашние крестьяне, а их было большинство, ехали на разгром ненавистного врага.

Глава девятая

По-мирному стучали колеса вагонов на стыках рельс. Раздавались протяжные гудки паровоза. Поезд плавно вошел в наполненный ароматами августовский воздух. На подъемах паровоз шипел, пыхтел, окутывая временами вагоны облаком черного дыма. Мимо вагонов пробегали с натянутыми проводами столбы. Желтые домишки путевых обходчиков. Плавно, не торопясь, проходили поля, леса и деревни. В товарных вагонах с двухэтажными нарами ехали на фронт вчерашние пахари, рабочие разных профессий и служащие. Здесь между ними различия не было, во всем они походили друг на друга: серые шинели, защитные гимнастерки, пилотки, ботинки с обмотками. Все это их объединяло во что-то мощное. Под однотонный стук колес многие лежали на нарах, подложив под голову скатку шинели или вещевого мешок, задумчиво смотрели в потолок вагона. Любители поспать сладко свистели носами и храпели. Под грохот идущего поезда из соседнего вагона глухо доносились отдельные слова песни. «Выше голову, братцы, – раздался веселый голос с противоположной стороны вагона. – Споем? Вася, запевай». Вася на верхних нарах тенором затянул: «Распрягайте, хлопцы, коней...» Песня была подхвачена жидкими голосами и на первом куплете захлебнулась, оборвалась. На остановке, на безлюдном разъезде, окруженном со всех сторон стеной леса, в вагон влез политрук роты. Он встал в центре вагона, раскрыл планшетку, вытащил из нее почти пачку газет. Перебирая газеты, читая только крупные заголовки, он рассказывал о последних сообщениях Советского информбюро, о подвигах и мужестве советских воинов на фронтах войны. Все понимали: несмотря на мужество наших воинов, фашисты шли с триумфом по нашей земле, занимая город за городом, не говоря о населенных пунктах. По сводкам информбюро для всех нас было ясно, что наша армия не отступала, а панически бежала. Многие задавали вопросы: «Почему наша армия отступает? Это тактика или бессилие удержать врага?» От таких вопросов политрук был в затруднительном положении, он отвечал: «Наше дело – правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

На помощь ему пришел запевала Вася. Он сидел на верхних нарах, прижавшись спиной к стенке вагона. Высказал без разрешения свое мнение: «Русского Ивана во всех войнах, пока ориентируется и думает, бьют, бока ломают. Но уж когда очухается, берегись, для него преград нет».

В вагоне все захохотали. Смущенный политрук тоже улыбался, показывая ровные белые зубы. Его спрашивали: «Куда нас везут?» Он коротко отвечал: «На фронт, но на какой, не знаю». Всем хотелось услышать откровенный рассказ политрука о положении на фронтах, о причинах отступления наших войск на всех направлениях.

Все знали, что дивизия сформирована для драки с немцами, для фронта. Что такое фронт, что такое война, большинство знало из скупых рассказов ветеранов – участников войны 1914-1919 годов. Многим война представлялась вроде мальчишеской забавы: постреляем немцев из укрытия, покидаем гранатами и героями возвратимся домой. Слышались веселые разговоры, смех и хвастливые выкрики: закидаем германца шапками и кислыми обабками, займем Берлин и с трофеями возвратимся домой.

Истинное положение было другим. Наспех сформированная дивизия из мобилизованных разновозрастных мужиков в возрасте от 23 до 36 лет (по объявленной мобилизации призывались с 1905 по 1918 годы включительно) вооружена была плохо, не хватало винтовок. Поэтому частично люди вооружались учебными осоавиахимовскими винтовками, не пригодными для стрельбы из-за просверленных дыр в патронниках, поломанных затворов или большой коррозии в стволах. С этим вооружением только семь вятских мужиков могли не бояться одного немецкого автоматчика. Действительно, один на один и котомки отдадим. Офицеры в шутку

говорили: «На фронте оружие обменяем на немецкое. В первом же бою отнимем у немцев». О вооружении врага никто не имел представления.

Люди твердо верили в нашу пропаганду, что Красная Армия оснащена самым современным оружием, поэтому думали, что вооружение немцев выглядит точно таким же, как и в нашей дивизии. Всему и всем служила лошадь вот уже 130 лет со времен Отечественной войны 1812 года. В дивизии не было ни одного механического тягача. Вместе с нами на фронт ехали десятки вагонов с лошадьми.

Нашим воинским составам железной дорогой была предоставлена зеленая улица. На разъездах и полустанках нас ожидали встречные поезда, даже пассажирские, скорые и курьерские. Мы спешили на фронт.

В пять часов утра въехали на Московскую окружную дорогу. На одной из сортировочных станций получили горячий хлеб, боеприпасы. Напоили лошадей из московского водопровода и снова в путь. Выехали на прямую магистраль Москва-Ленинград. Навстречу нам побежали телефонные столбы, леса, поля, разъезды и полустанки, где нас ожидали встречные составы с обгорелыми остовами вагонов и разбитыми площадками платформ, до отказа заполненными беженцами – женщинами с детьми, стариками и подростками. Показались первые предвестники войны. На коротких остановках люди подходили к нашему составу, просили хлеба. На вопросы солдат: «Как там?» отвечали все как один: «Доедете – увидите».

Погода с самого утра хмурилась, и вот пошел мелкий летний теплый дождь. Он по-северному моросил. Тяжелые кучевые, вперемежку с перистыми облака медленно ползли по небу. В такую погоду хорошо спится. Москва была далеко позади, ехали уже 4 часа по прямой Октябрьской железной дороге. Завтрак разносили с большим опозданием. Наполненные кашей термосы принесли в вагоны на пятиминутной стоянке на небольшом полустанке. Снова поезд плавно набирал скорость. В офицерском вагоне повар в белом халате перетаскивал из купе в купе термос. Нараспев, по-вятски, говорил: «Вкусная горячая каша, покушайте, пожалуйста».

В это время по вагону ударила пулеметная очередь. Несколько человек застонали. Раздались три взрыва бомб с небольшим промежутком времени. Поезд затормозил, скрипя чугуном о чугун. Люди на ходу выскакивали из вагонов. На платформе в центре состава, загруженном 45-миллиметровыми пушками, стояли два спаренных четырехствольных зенитных пулемета. Пулеметчики приняли самолеты за свои. Неопытные, плохо проинструктированные люди за доверие расплатились жизнью. Оба расчета были уничтожены. У пулеметов лежали двое убитых и двое тяжело раненых, не сделав ни одного выстрела. Два "Юнкерса" развернулись и снова пошли на наш эшелон. Люди в панике побежали дальше от состава. Мы одновременно трое влезли на платформу, пулеметы находились в боевой готовности. Секунды – и стволы пулемета легли в направлении идущего на состав "Юнкерса", он был на мушке. Последовала длинная очередь из четырех стволов. Соседний пулемет поддерживал. Фашист не выдержал, повернул и ушел в сторону. Следом за ним пошел другой. Мы уже более уверенно, прицельно били по нему. Латунные оболочки пуль, наполненные свинцом, ударялись в фюзеляж самолета, в кабину летчика, сплющивались и бились на мелкие части, не причиняя вреда. Летчик не выдержал, свернул в сторону, направился к бежавшим по полю красноармейцам. Строчил из пулемета длинными очередями, бросал бомбы. В ответ была частая винтовочная стрельба. Самолеты скрылись в облаках. Рядом со мной у пулемета стоял лейтенант Пеликанов. Я с удивлением произнес: «Какими судьбами? Где твои джигиты и кони?» Пеликанов ехал со своим взводом, в офицерском вагоне не появлялся. «Все на своих местах, – ответил он. – Вот наглецы. Два самолета зашли так далеко в наш тыл. Где же наши? Почему их не призовут к порядку?» – с возмущением не говорил, а кричал он.

Для сбора людей в вагоны сам концертмейстер музвзвода так усердно дул в блестящую трубу, звуки его были слышны на несколько километров. Люди собирались медленно, с неохотой лезли в вагоны. Шуток не было слышно. Не доезжая 500 километров до фронта, фашист

показал свои острые зубы. Убит машинист паровоза, кочегар ранен. Подмена тут же найдена. Поезд медленно тронулся. Через 15 минут остановка на полустанке. Из вагонов выносили убитых, укладывая их на мокрую лужайку в один ряд. Моросил дождь. Убитых было 15, раненых – 52. Тяжело был ранен командир 3 батальона, капитан Широков. Пуля навывлет пробила ему грудную клетку. Он тяжело, с хрипом дышал. Влажный воздух наполнился запахом крови и мяса. Люди с содроганием сердца смотрели на первые жертвы. У многих на глазах появились слезы, сожалели об убитом друге, односельчанине и так далее.

Меня пригласил командир полка. В купе находились начальник штаба и комиссар. Командир полка объявил мне благодарность за отражение немецких самолетов. Без предисловия сказал: «Назначаю вас командиром третьего батальона». В душе я был рад, но свою радость показывать было неуместно. Насколько было возможно, сделал недовольный вид и попытался отказаться. «Товарищ полковник, я вчерашний сержант, военного образования не имею. За три с половиной месяца меня высоко подняли от сержанта до старшего лейтенанта. От командира отделения – до командира батальона. Не слишком ли много для меня?» «Но вы же уже командовали батальоном?» – перебил меня полковник. «Да, командовал, но это была другая обстановка. Не было офицерских кадров. Сейчас у вас и без меня достаточно высокообразованных кадров». Мой лепет, по-видимому, не понравился комиссару. Он грубо обрезал меня: «Вы поняли приказ командира полка?» «Так точно!» – ответил я. «Выполняйте!» «Есть выполнять!» – вытянулся я. «А сейчас садись. Говоришь, быстро идешь по служебной лестнице? Мы после первого боя будем писать представление о присвоении всем очередных званий. Ты уже показал себя, заносим тебя первым в список. Сейчас принимай батальон, ознакомься с личным составом».

Только я успел перейти в вагон к солдатам, состав медленно двинулся. Люди прислушивались к каждому звуку. Уловив звук любого мотора, трактора, самолета и даже близко идущей автомашины, создавали панику, прыгали на ходу поезда и разбегались в разные стороны. Состав вынужденно останавливали для сбора в вагоны. Прямо на перегоне по приказу командира полка эшелон остановили. Выстроили весь личный состав. Командир полка зачитал приказ Наркома обороны, что наша дивизия направляется на Ленинградский фронт. Новгород пал. Всеми силами немца должны были сдержать – не допустить к Ленинграду. Дальше последовал приказ по дивизии: за трусость, панику, прыгание на ходу с поезда без команд виновных считать за трусов и паникеров. По закону военного времени применять к ним огнестрельное оружие.

Зенитных пушек в составе не было. Солдатская смекалка и умелые руки приспособили станины к двум 45-миллиметровым пушкам. Их стволы не очень быстро (и требовалось много физической силы), но все же вращались в нужном направлении. При повторных еще двух налетах одиночных самолетов на состав эти две пушки сослужили большую службу. Совместно со спаренными зенитными пулеметами открывали заградительный огонь. Фашисты, не достигнув цели, скрывались за горизонтом. Напуганные люди при появлении звуков мотора паники не создавали, из вагонов на ходу поезда не выскакивали, но плохое настроение, подавленность и бессилие чувствовались во всем. Всюду слышалось справедливое возмущение: «Где же наши соколы, летающие быстрее, дальше и выше всех? Где же наши с мировыми знаками качества самолеты? Почему не призовут к порядку обнаглевших фашистов, хозяйничающих в нашем глубоком тылу как дома? Даже самолеты-одиночки летали уверенно, нагло, низко, на высоте птичьего полета». Шутки и песни в вагонах не было слышно. Боясь группового налета немецкой авиации, наш воинский железнодорожный состав был поставлен в тупик на маленьком разъезде, окруженном со всех сторон стеной леса, и тщательно замаскирован срубленными деревьями и сучками. Выходить из вагонов без разрешения командира полка было строго запрещено.

Настала ночь, по-летнему теплая. В мутной небесной дымке выглядывали тусклые звезды. Наш поезд плавно тронулся с места. Гудков паровоз не подавал. Даже главный кондуктор не применил своего свистка. Поезд не спешил, словно хотел продлить короткую июльскую ночь. Гулко стучали колеса на стыках рельс. Было уже к полуночи. Разговоры понемногу угмонились, слышался храп. Я лежал на жесткой средней полке офицерского вагона, старался уснуть, но скоро понял – не усну.

Вагон резко наклонило набок и трянуло на рельсах какого-то полустанка. Я встал, накинул шинель на плечи, вышел в тамбур. На полустанке нас ожидал встречный поезд, состоявший из пассажирских, товарных вагонов и платформ, обгорелых и искореженных. Все это было до отказа заполнено людьми: женщинами, стариками и детьми. Ехали и молодые мужчины. Наблюдая за этой печальной картиной, невольно думал о самом тяжелом, плохом. Поезд резко затормозил, на мгновение остановился и снова тронулся. В тамбур влез комиссар полка. Осветил меня ярким лучом света карманного фонарика. Проговорил: «О чем, старший лейтенант, задумался?» «Всякое, товарищ комиссар, в голову лезет», – ответил я. «Что именно?» «Я думал, что продвижение врага приостановлено на всех направлениях. Всюду наведен порядок со снабжением. Самое главное, наше командование воевать научилось. Все стабилизировалось. Встала страна огромная, встала на смертный бой. Весь народ включился в оборону страны. Женщины, старики и даже дети создают целые оборонительные комплексы. Железная лопата в руках полуголодных людей творит чудеса». «Все так и не так, товарищ Котриков, – тихо заговорил комиссар. – Разобраться в этой обстановке очень трудно. К нашему сожалению, пока ничего не стабилизировалось. Немцы продвигаются быстро. Наша еще до сих пор разрозненная армия должного сопротивления не оказывает. Гитлер собирается праздновать над нами победу в сентябре. Обстановка в настоящее время слишком сложная. Враг в ближайшее время будет остановлен и получит по заслугам за свои злодеяния. Помни слова Суворова: «Русаки всегда били пруссаков». Пошли спать, уже поздно, поживем – увидим». «У меня к вам много вопросов». «Завтра, товарищ Котриков». Он взял меня за рукав и вперед себя ввел в вагон. Я влез на свою полку, но уснуть не мог. Из памяти не мог устранить плачущих женщин, детей и стариков, провожающих на фронт своих близких. Сейчас они все дома. Большинство в своих родных деревнях ждут первой весточки с фронта. Их близкие, оплакиваемые, тесно прижавшись друг к другу, спят в стучащих по рельсам вагонах. Сон подкрался незаметно. Разбудил меня дежурный. «Котриков, принеси завтрак, пора самому есть и кормить людей».

Поезд снова стоял в тупике. Летнее солнце высоко висело над грешной землей, излучая свои живительные лучи. Я вышел из вагона. Командир полка с начальником штаба и комиссаром сидели под зеленым шатром сосны-исполины. О чем-то тихо говорили. Вокруг было чистое, безоблачное небо да необозримые лесные дебри и железная дорога, уходящая, казалось, в бесконечность. Лес был наполнен птичьим гомоном, запахами скошенной травы, сена. Хотелось бежать, дышать полной грудью свежим, чистым, наполненным лесными ароматами воздухом. Вдали показался поезд. Он медленно приближался, выпуская клубы дыма и пара. Шум вагонов вдалеке сливался во что-то единое, глухое. Поезд с каждой минутой увеличивался в размерах. Вот он выскочил на полустанок и с шумом пронесся мимо нашего состава.

Глава десятая

Личный состав батальона знал, что я участвовал в боях с немцами и был ранен. При моем появлении красноармейцы и младшие командиры задавали массу вопросов: почему наша армия отступает, оставляет город за городом? Правду говорить я не мог – и без того паническое настроение у людей. Врать тоже не мог. Люди из скупых сводок Совинформбюро и от появляющихся редких очевидцев знали, что творится на фронтах, поэтому мое положение было не из легких. По этим вопросам я решил обратиться к комиссару полка. Через дежурного офицера попросился на прием. Дежурный мне сказал: «Комиссар ждет вас в купе». Вагон был не купейным. Купе, в котором ехали комиссар и командир полка, от прохода было завешено байковыми одеялами. Дойдя до ширмы, я громко сказал: «Разрешите войти, товарищ комиссар!» Послышался ответ: «Войдите». Комиссар и командир полка сидели друг напротив друга в нательных рубашках. На столике лежала раскинутая крупномасштабная карта Ленинградской области и Карело-Финской ССР. При моем появлении замолчали. Я вытянулся, хотел доложить, но Чернов показал рукой на место рядом с ним, сказал: «Садитесь». Комиссар добродушно, с улыбкой посмотрел на меня. «Что у вас, Котриков, говорите». Он насквозь сверлил мое тело своим острым смеющимся взглядом. «Товарищ комиссар, я с вами хотел посоветоваться, как быть. Люди спрашивают, просят рассказать правду: что творится на фронте, почему наша армия сдала почти всю Украину, Прибалтику. Пали Псков и Новгород. Немцы скоро будут у стен Москвы и Ленинграда».

Комиссар сказал: «Надо говорить и внушать людям, что отступает наша армия организованно. Каждый населенный пункт, каждый город сдается после кровопролитных боев, изматывая фашистов в живой силе и технике. Больше, Котриков, приводи примеров о стойкости наших красноармейцев, командиров и политработников, которые со связками гранат и бутылками с горючей смесью выходят один на один с фашистскими танками. Люди кидаются на амбразуры дотов, под гусеницы танков. Всюду проявляется массовый героизм».

Я подумал: «Действительно, с таким грозным оружием, как горючая смесь, то есть бутылки КС-1 и КС-2, в случае взрыва в руках, а такие случаи часты, когда ты загорись, как факел, облитый бензином, тогда не только бросишься под танк, а не испугаешься самого сатаны с котлами кипящей смолы. Таких случаев на фронте было много. Объятый пламенем человек молнией выскакивает из окопа. Вместо того чтобы бежать в тыл, он мчится на немцев и погибает от пулеметной очереди».

Комиссар говорил долго. Приводил массу примеров беззаветной преданности советских людей делу партии Ленина-Сталина. В резюме сказал: «Наша обязанность, товарищ Котриков, поднять моральный дух народа. Мы с тобой обязаны хвалить не только новое, а в данный момент и устаревшее. Мы знаем, что наша дивизия вооружена слабо по сравнению с немцами. Об этом знают и многие рядовые. В первых боях нам несладко придется. Будем надеяться на стойкость, мужество и выносливость нашего народа. Товарищ Котриков, расскажи нам с полковником по секрету свое мнение и впечатления о боях, в которых участвовал, о немецкой армии».

Я коротко рассказал, что немцы сильны, хорошо вооружены и храбры. Немецкий солдат настолько заражен нацизмом и непобедимостью Германии, что, попадая в плен, он как фанатик кричит: «Хайль Гитлер». Отказывается отвечать на вопросы, говорит: «Русь капут!» В критическом положении отстреливается до последнего патрона. Наша 8 армия, выведенная на границу с Германией, командующий – Собенников, была почти полностью обезоружена. Боевые патроны были даны только караулам. Артиллеристы не имели ни одного боекомплекта на пушку. Нас готовили не воевать, а проводить маневры. Командование не ждало войны. Оно ждало мелких немецких провокаций. Небо Прибалтики беспрепятственно бороздили немец-

кие самолеты. Рассказал, как началась война, как отступали, что видел. Кончил тем, что попал в госпиталь.

Они слушали меня внимательно, не перебивали, вопросов не задавали. Обстановку на фронтах они отлично знали, не только из скупых сводок Совинформбюро, но и по другим каналам.

Полковник Чернов поблагодарил меня за информацию и велел отправиться к народу в вагоны. Рассказать, что не так страшен черт, как его малюют.

На первой остановке я перешел в вагон, откуда доносился хохот. При моем появлении наступила тишина. «Продолжайте, ребята, от шуток и смеха никто не умирал», – громко заговорил я. Бравый, с отличной выправкой сержант сказал: «Разрешите обратиться, товарищ комбат?» «Пожалуйста», – ответил я.

«Вот вы у нас нюхали порох, были ранены. Расскажите, пожалуйста, почему мы бесильны перед какими-то немцами. По радио передают и в газетах пишут, наши войска оставляют город за городом. Сейчас мы сами убедились: немецкие самолеты встретили наш эшелон почти в пригороде Москвы. А где наши? Впрямь, если так пойдет у них дело, к Новому году они будут на Урале».

Люди слезли с нар, окружили меня плотным кольцом. Завязалась беседа. Я говорил, что немцы напали на нас внезапно. Мы надеялись на их договор о ненападении, на их честность. Поэтому к войне с ними оказались не готовы. Война нас застала врасплох. Но скоро все стабилизируется, и наша доблестная Красная Армия возьмет инициативу в свои руки. Немцы побегут обратно. Я рассказал о вооружении немецкого солдата, не скрывая, что 90 процентов передовых немецких воинских частей вооружено автоматами. Об автоматах никто представления не имел. Поэтому коротко пришлось объяснить, что такое автомат. Задавали много вопросов, на которые я отвечал.

«Товарищ комбат! – раздался сзади глухой бас. – Как быть? Еду воевать, а мне и винтовки не дали». «Как не дали? – возмущился я. – Не морочь голову, этого не должно быть».

Послышалось несколько голосов: «И у меня нет». «Товарищ старший лейтенант, разрешите сказать, – вытянулся передо мной старшина. – Во второй роте не хватает пятнадцати винтовок». Я попал в неудобное положение. «До фронта обязательно вооружим всех», – негромко ответил я. Подумал: «Вот это комбат, не знает не только людей, а даже вооружение. Как же будем воевать? Надо немедленно разобраться во всем».

Вопросов задавали много. Надо отвечать. Раздались три протяжных гудка паровоза. Колеса вагонов застучали, зашумела обшивка, мы тронулись в путь.

Солнце еще высоко стояло над горизонтом, как бы раздумывая, стоит ли опускаться вниз и наводить темноту на землю. Два часа поезд шел без остановки, я вынужденно сидел, проклиная себя, что не успел вовремя уйти из вагона. Осмелевшие красноармейцы и младшие командиры обсуждали положение на фронтах, умно затрагивая неблагоприятную роль нашего командования и даже выше.

Наконец, заскрипели и зашипели тормоза. В вечерней дымке показался вокзал станции Бологое. На несколько минут собрал офицеров батальона. Оказалось, в батальоне не хватало 50 винтовок. Тридцать винтовок были взяты из Осоавиахима с просверленными патронниками, представляли собой ни больше ни меньше дубинки или рогатины. Всего в батальоне было два станковых пулемета и 12 ручных. Оружием обещали пополнить в Москве, но ничего не дали. Времени терять было нельзя. Я немедленно обратился к командиру полка. Чернов криво улыбнулся в черные усы, сухо проговорил: «Извини, Котриков, с нападением немецких самолетов на наш состав все из головы вылетело. Мы тебя не познакомили с вверенным тебе батальоном. Времени пока достаточно, познакомишься сам».

Создалось чрезвычайное положение на ленинградском направлении. Полковник Чернов отлично был осведомлен: о нашей разгрузке где-то в районе города Чудово, о противнике, его

вооружении и так далее. «В бой без оружия солдаты не пойдут, об этом надо довести до сведения безоружных. Оружие будет получено нами на месте выгрузки. Настоящая обстановка будет известна на месте завтра утром. Пока никого не тревожь, пусть люди отдыхают. Немцы жестоки, товарищ Котриков. Война – стихийное бедствие для нашего народа». «В жестокости немцы превосходят своих предков-варваров, – вмешался в разговор комиссар. – В Европе они уничтожили всю культуру, исторические памятники. Их цель – не поработить народы, а уничтожить все национальности славянского происхождения. В первую очередь, на территории Советского Союза и Польши. Наше дело правое, мы едем защищать свою землю, своих жен, детей, отцов и матерей, наше Отечество от порабощения. Наши прадеды, деды и отцы с честью защищали Родину от всех иноземных захватчиков и во всех случаях побежденными не были. Не дадим и мы поганому немцу, их кованому тяжелому сапогу топтать нашу землю, уничтожать наши леса, населенные пункты и города, нашу культуру. Пора спать, товарищи, – закончил комиссар. – Последняя ночь в вагонах. На днях близкая встреча с фашистами».

Поезд шел осторожно, с небольшой скоростью, без света, на ощупь. Сквозь сон я слышал гул моторов, содрогающий шум и треск. В вагоне все повскакивали, многие залегли на пол, в проходы. Некоторые кинулись к дверям. Лежавший рядом со мной на средней полке младший лейтенант Бизяев стонал и пытался встать, но не мог. «Ранен?» – спросил я. Он со стоном ответил: «Да!»

Поезд остановился. Я выскочил из вагона почти последним. В утренней дымке солнце выглядывало свысока. Два немецких самолета не спеша удалялись от состава.

Полковник Чернов бежал вдоль состава к платформе с зенитным пулеметом. Я догнал его, поравнявшись, он меня спросил: «Где зенитчики?» Я не нашелся, что ответить, хотел сказать: «Какое мое дело?», но с языка вырвалось другое: «Не знаю».

Снова, как и при первой бомбежке, люди из вагонов в панике разбежались и залегли в укрытиях. Командир батареи Кузьмин догнал нас, когда мы уже были на платформе с зенитными пулеметами. Полковник с криком, сжатыми кулаками накинулся на него. Я думал, не сдобровать Кузьмину, изобьет. На его счастье зенитчики были на местах, возились у пулеметов и у двух 45-миллиметровых пушек. Самолеты развернулись и вновь ринулись на состав. Кузьмин сам встал у пушки. Командира полка я почти насильно заставил слезть с платформы при подходе самолетов. Он мне кричал снизу, махал кулаками, чтобы я оставил платформу. Я встал за щит 45-миллиметрового орудия и наблюдал за зенитчиками. Самолеты приближались с воем включенных сирен. Строчили длинными очередями из пулеметов. Заговорили наши пулеметы. Кузьмин ждал момента. Раздался выстрел соседнего орудия, затем выстрелил Кузьмин. Самолет камнем пошел вниз в 50 метрах в стороне от состава, ударился о землю. Раздался оглушительный взрыв, сопровождавшийся клубом черного дыма и столпом пламени.

Второй самолет, видя гибель товарища, круто повернул и скрылся за лесом в утренней дымке.

«Молодцы, ребята!» – кричал внизу на насыпи Чернов.

Но немцы на этом не успокоились, заход на наш состав делали уже три самолета. Первый номер зенитного пулемета был ранен. Я ухватился за ручки пулемета, держал на мушке один из самолетов, ждал его приближения. Вот он приблизился, его крупнокалиберные пули прошли рядом, даже ударились о щит. Платформа задрожала от выстрела пушек. Я обрушил лаву латунных пуль. Было видно, как пули ударялись о кабину и лопасти, плющились, отскакивали, не причиняя вреда. Пушки стреляли быстро. Снаряды пролетали рядом. Немцы струсили, прошли в 200 метрах от состава и скрылись за лесным горизонтом.

Кузьмин стоял с полуоткрытым ртом и смотрел на горизонт, куда скрылись самолеты. Лицо его выражало недоумение. Его сутулая фигура напоминала старого согнутого деда. «Отбой!» – крикнул Чернов. Командиры рот и взводов кричали: «По вагонам!» Люди не спеша собирались в вагоны. Командиры нервничали. Наконец, все собрались. Были потери: 14 ране-

ных, пять человек убитых. Убитых похоронили в братской могиле. Раненых собрали в санитарный вагон.

Снова в путь. Полковник объявил мне и Кузьмину благодарности. Кузьмина обещали представить к награде.

Без всякой маскировки ехали днем вперед, ближе к фронту. На перегоне в лесу, в районе станции Любань, за полчаса освободили железнодорожный состав. Все было разгружено и перенесено в лес. Небо бороздили немецкие самолеты. Летали они группами, одиночками. Наших самолетов не было видно. Здесь нас ознакомили с обстановкой. Немцы быстро продвигались по шоссе и Октябрьской железной дороге Ленинград-Москва. Мы должны были их встретить где-то в районе Чудова со стороны Новгорода. Новгород уже сдан. Начальником штаба дивизии ставилась задача нашему полку и отдельно каждому батальону: немцев надо было задержать, а затем атаковать. В хлопотах день прошел быстро. Не разбивая палаток, легли спать. В 3 часа ночи меня разбудил посыльный командира полка: «Срочно! Вас вызывает полковник».

Полковник со всей полковой свитой в присутствии начальника штаба дивизии и представителя ставки Наркомата обороны снова ставил задачу батальонам и отдельно каждой роте. Продвижение навстречу врагу было назначено почему-то на 9 часов на Московском шоссе. Не ясно, почему устраивалась показуха.

В 4 часа утра над лесом раздался гул самолетов. Летели колоннами немецкие бомбардировщики "Юнкерс" в сопровождении истребителей "Мессершмитт". «Их более 200 штук», – негромко протянул Чернов. «Да, сила», – ответил член Военного совета. «Сволочи, идут на Москву». Во время перелета самолетов над нашими головами в воздух из нашего расположения поднялись десятки цветных сигнальных ракет. Была объявлена боевая тревога. С ракетницами никого не обнаружили. Враг действовал нагло и смело.

После очередного совещания член Военного совета прошел по расположению полка в сопровождении начальника штаба дивизии и командира полка. Меня он попросил накормить его, то есть принести банку мясных консервов, так как кухни еще не дымили. Я перепутал и принес ему рыбные, за что получил замечание от полковника Чернова. Ошибка была исправлена. Прижавшись к стволу старой осины с раскидистой кроной, он стоял, завтракал и рассказывал о положении на ленинградском направлении.

В 9 часов утра наш полк вышел на Московское шоссе и пристроился к уже прошедшему полку нашей 311 дивизии. За пехотой тянулась 45-миллиметровая противотанковая батарея. Следом за ней хозвзвод с кухнями, продуктами и прочим полковым скарбом. Двигались по направлению к Ленинграду. Неизвестно, командование дивизии знало или нет местонахождение немцев. Но мы точных координат врага не знали и считали, что немцы где-то за 50-70 километров. Я ехал на полукровном жеребце почти мышиного цвета. По асфальту бодро цокали копыта. Обозы и люди дивизии растянулись на несколько километров. В 12 часов был запланирован привал и обед. Наш батальон не дошел до намеченного рубежа 1 километра. В воздухе послышался гул самолетов. Они шли на нас развернутым строем с черными крестами. Я подал команду: «Батальон, в укрытие!» Люди недоумевали: «Да это же наши, санитарные», – кричали обозники. Казалось, эти 20 самолетов летят с добрыми намерениями, взглянуть на движущуюся к фронту дивизию. Я быстро въехал в лес, отдал коня связному. Выскочил на опушку леса, закричал: «Быстро в укрытие!» Красноармейцы мгновенно разбежались и залегли в укрытиях, кюветах, канавах, кустарниках. Обозники, как под гипнозом, ехали не спеша. Те, кто сообразил, сумели въехать в лес или загнать лошадей во дворы и замаскировать. Мой голос тут же затерялся. Ко мне, гарцуя, подъехал лейтенант Пеликанов. Он сказал: «Смотри, отряд санитарных самолетов летит». Я выругался, крикнул: «Это немцы! Немедленно конников в лес, прячьтесь!» Взвод галопом въехал в лес и спрятался под кронами деревьев.

Не доходя до шоссе, самолеты начали перестраиваться, снизились до 50 метров. Пристраиваясь друг другу в хвост, вытянулись в одну длинную цепь. Ездовые и артиллеристы продолжали спокойно ехать, наблюдая за самолетами. Послышались первые пулеметные очереди. В воздухе завывали бомбы. Гроном оглашалась местность, рвались бомбы. Люди в ужасе кричали, прыгали с повозок, ложились в кювет. Обезумевшие лошади ржали, кидались в сторону, опрокидывали брички, кухни, орудия. Самолеты образовали карусель, которая вытянулась вдоль шоссе. При каждом заходе выбрасывали на людей, лошадей десятки бомб и десятки тысяч крупнокалиберных пуль. Воздух наполнился запахами пороха, крови и отработанного газа моторов. Выбросив весь смертоносный груз, самолеты выстроились, как на учениях, в походный порядок и скрылись за лесным горизонтом. Лежавший рядом со мной Пеликанов кричал: «Вот это здорово! Где же наши самолеты, зенитчики?» «Не кричи. Пока не контужен, слышу отлично, – ответил я. – Твоя вина тоже в этом есть. Ты командир полковой конной разведки – это глаза и уши командира полка». «Да пошел ты к кузькиной матери, – вспылел Пеликанов. – У нас что, крылатые кони?» «Ну, тогда и не кричи, не подливай масла в огонь. Люди без наших восклицаний "ах да ох" удручены», – ответил я. На этом разговор кончился.

Пеликанов с недовольной физиономией ушел к конникам. Казалось, что после налета на шоссе ничего живого не осталось. Но это только казалось. Шоссе снова оживило. Убитых лошадей растащили по обочинам и в кювет. Снова шли обозы, артиллерия, лошади цокали подковами. Крутились колеса бричек и полевых кухонь. Потери были значительны. В хоззвезде батальона не доставало 12 лошадей, шести ездовых и одной полевой кухни. Вместо ожидаемого горячего обеда довольствовались сухим пайком.

Поступил приказ командира дивизии, запрещающий дальнейшее продвижение днем. «Русский человек сначала выругается, а потом оглянется», – озабоченно сказал полковник Чернов. Потери полка, как он выражался, велики. Какие конкретно, умолчал.

Немецкая "рама" плавно парила над лесом, просматривая каждый квадратный метр. Шоссе было пустынным, только временами на предельных скоростях проносились автомашины, урча и тарахтя. Люди отдыхали. Мы слушали напутствие командира полка и разработанные начальником штаба дивизии планы продвижения и встречи с врагом. Совещание затянулось до ужина. Ужинали у командира полка Чернова.

Когда солнце ушло за горизонт, прячась за узкое облако, которое тут же окрасилось в бледно-розовый цвет, восточная половина неба побледнела и потемнела. Появились первые тусклые звезды, мы тронулись в путь навстречу врагу. Шли неторопливо. О близости фронта ничто не напоминало. Не слышно было артиллерийских канонад, не видно зарева пожаров. В 5 часов утра ночной переход закончили. Повара разожгли полевые кухни. Запахло дымом. Чуть позднее стали распространяться аппетитные запахи вареного мяса, жареного лука, гречи и пшена. Перед завтраком во всех ротах провели политбеседы. Люди, не торопясь, в сопровождении старшин рот становились с котелками в очередь к кухням, получали хлеб, сахар, чай и кашу. Проходили в свое расположение, ложились на лужайку и с аппетитом ели.

За ночной марш мы прошли не более 20 километров. Подошли вплотную к поселку Чудово. В 10 часов утра воздух наполнился гулом самолетов. В небе на небольшой высоте почти над нами шли немецкие "Юнкерсы". Их было более 100 штук. Из нашего расположения в небо снова полетели сигнальные ракеты. Но самолеты прошли, не обращая внимания на сигналы. Не доходя 2-3 километров до Чудова, они развернулись в боевой порядок, завывали сирены и бомбы, застрочили пулеметы, слышались глухие разрывы бомб. Редко стреляли наши зенитки. Их снаряды рвались выше и ниже самолетов, не попадая в цель. Через 2-3 минуты они смолкли. Деревянное Чудово загорелось. Показались клубы черного дыма. Длинными языками к небу взвилось пламя огня. Через 15-20 минут все окуталось дымом.

Раздался сильный грохот – это рвались железнодорожные цистерны с бензином. Рвались снаряды с боеприпасами. Горело все кругом. Самолеты все кружились над своей жерт-

вой, наслаждаясь последним вздохом мирного умирающего городка, наслаждаясь жертвой – тысячами убитых, раненых, сожженных и заживо погребенных. В телефонной трубке раздался голос командира полка: «Котриков, поднимай батальон для тушения пожара!» «Есть поднять батальон!» По боевой тревоге подняли людей. Через час мы уже были на окраине поселка. Нашему взору предстала жуткая картина. Женщины, дети, старики в страхе бежали по горевшим узким улицам. Дышать было нечем, душил едкий дым. Люди, задыхаясь от дыма и нестерпимой жары, падали и умирали. Всюду слышались крики, стоны, просящие о помощи, и плач детей. Огонь буйствовал. Созданный им ураганной силы ветер с большой скоростью гнал искры с пылью и мусором, крутил их, создавая огненные вихри и смерчи. Средств для тушения в начале загорания было недостаточно, а при набирании стихией силы они были уничтожены. Мы тоже были бессильны и слабы, чтобы вступить в борьбу с разбушевавшейся стихией. Поэтому наша основная цель была – спасти людей. Красноармейцы вытаскивали из пламени детей, стариков, выводили женщин. Все, что было нажито народом в течение длинной трудовой жизни, уничтожилось за минуты. В 2 часа дня нас сменили. Мы пришли на отдых в расположение своего полка, в лес. Лес был усеян немецкими листовками с пропусками в плен. Немецкое командование гарантировало жизнь при добровольной сдаче в плен. В противном случае грозили смертью. Листовки заканчивались жирным текстом: «Смерть евреям, комиссарам, политрукам!».

Настроение у наших вятских мужиков было подавленное. Они видели бессилие не только нашего полка, но и всей армии. Немцы – полные хозяева на суше и в небе. Вместо отдыха люди собирались отдельными группами, шептались между собой, бродили по лесу, ища не ясно чего. При появлении над нашим расположением немецкого наблюдателя – "рамы" или других самолетов – взлетали сигнальные ракеты. Немцев, переодетых в нашу форму, красноармейцы вместо задержания скрывали. По расположению полка открыто ходили провокаторы. Агитировали сдаваться в плен. При вечерней поверке в батальоне не хватило 170 человек. По телефону я доложил об этом полковнику Чернову. В трубке послышался раздраженный шум: «Немедленно ко мне!»

Когда я явился к Чернову, у него сидели оба командира батальона. Я был третий. Черные усики полковника, как у жука, двигались снизу вверх. Это не предвещало ничего хорошего. «По вашему приказанию, товарищ полковник, прибыл!» – проговорил я. В горле и во рту становилось сухо.

Полковник подошел ко мне и тихо, почти шепотом, сказал: «Доложи мне, что у тебя такое». Я вытянулся, с трудом выдавил из себя: «Сбежало, то есть ушло неизвестно куда, 170 человек, в том числе почти полностью хоззвод. Остался командир взвода и два повара». Полковник сорвал у меня одну петлицу с кубиками, снова почти шепотом сказал: «Разжалую в рядовые!» «Есть в рядовые! – ответил я. – Разрешите идти!» «Отставить, Котриков, – крикнул полковник, – садись!» Я сел. «С кем ты думаешь воевать? Сегодня у тебя разбежалась почти половина батальона. Завтра ты останешься один». Я молчал, отвечать или оправдываться было бесполезно, только подливать масла в огонь. Чернов сорвался, нервы не выдержали: «Всех предадим военному трибуналу. Мало вас расстрелять. Не дошли пятидесяти километров до фронта, половину полка растеряли». Он сначала почти кричал, затем успокоился, перешел на учительский тон: «Выставить усиленные караулы вокруг расположения на привалах батальона с участием средних командиров. Из расположения никого не выпускать без вызовов штаба полка. Котриков, пришей петлицу!» Я подобрал оборванную петлицу, в его присутствии пришил. Чернов сидел уставший, осунувшийся, походил на больного. Наблюдал, как я не умею шить, и молчал.

После захода солнца мы снова пошли ближе к врагу. Ряды полка без боев поредели.

Оборону наш полк занял между шоссе и железной дорогой в районе разъезда недалеко от Чудова. Близость немцев напоминала редкая артиллерийско-минометная стрельба. Люди

окапывались, многие рыли окопы во весь рост, кто поленивее – ячейки, чтобы лежать и стрелять. Артиллеристы трудились на славу. Копали ниши для снарядов и укрытия для орудий.

Немцы не заставили себя долго ждать. На шоссе появились мотоциклы с автоматчиками. Встреченные огнем нашей дивизии, залегли в кюветах. Следом за ними ехали солдаты на крытых брезентом автомашинах. В километре от нас не спеша разгружались, занимали оборону. Автомшины разворачивались и уходили. «Где же наши артиллеристы и минометчики?» – кричал я по телефону начальнику штаба полка. Полковника после срыва петлицы я стал бояться. Поэтому на встречу с ним и на разговор сам не напрашивался. Начальник штаба говорил: «Мало боеприпасов, надо беречь для наступления».

Немцы даже не хотели окапываться. Чувствовали себя героями. Я собрал снайперов и заставил их поработать. Порядок был наведен быстро. Фрицы тоже на животе заползали. Стали проявлять осторожность. Пеликанов со своим взводом конников проник далеко в тыл к немцам, выявил примерную их численность, привел двух языков. На вопросы пленные немцы отвечать отказывались, вели себя героями. Кричали: «Русь капут! Хайль Гитлер!» и так далее. Отправили языков в штаб дивизии как большую ценность, под надзором среднего командира. Двенадцать немецких самолетов начали обработку нашей обороны. Те, кто не зарылся глубоко в землю, очень сожалели. Оставшиеся в живых без принуждения командиров зарывались во весь рост в узкие ямы. С включенными сиренами самолеты на высоте 30-50 метров кружили над нашими головами. Нагоняя страх и ужас, строчили из пулеметов, кидали бомбы и безнаказанно уходили. Снайперы делали свое дело. Их в батальоне было 25 человек. Двадцать пять винтовок с оптическим прицелом. Немцы, воодушевленные налетом авиации и редкой артподготовкой, поднимались во весь рост, но, видя гибель своих камрадов, тут же ложились. Двадцать пять метких выстрелов – 25 фрицев выбыли из строя. Зоркий глаз охотника с оптикой находил неokoпавшегося немца. Дуэль продолжалась между немецкой авиацией и артиллерией и нашими снайперами. Потери считали обе стороны.

В 16 часов на КП батальона пришел начальник штаба полка. «В семнадцать часов людей подготовить к атаке, надо проучить немцев!» Приказ передали командирам рот, взводов, отделений. «Ждите сигнала! Сигнал – разноцветные ракеты: красная, зеленая, желтая». Точно в назначенный срок в воздух взлетели ракеты. Послышались команды: «Вперед! В атаку!» Красноармейцы вылезли из своих ниш и с винтовками наперевес пошли для сближения с немцами. «Ну и место выбрали, болото!» – отшучивались остряки. «Болота танки боятся, да и авиация нам не страшна. Бомбы, падая в мягкий торф, не все взрываются», – подбадривали младшие командиры.

Немцы не стреляли, подпускали ближе. Наша артиллерия редко, но метко укладывала снаряд за снарядом на головы немцев. Когда батальон приблизился на 150-200 метров, немцы открыли шквальный огонь. Заговорили, заревели ослиным голосом восьмиствольные минометы. Из-за опушки леса на берегу болота показались танки. Они остановились, были хорошими мишенями для наших пушек. Раскаленный металл посыпался на головы красноармейцев. 1 и 2 роты залегли, 3 рота побежала назад. «Стой, трусы!» – крикнул я с КП батальона, но мой голос был не слышен даже для себя. Я вскочил на оседланного коня и ринулся к бежавшей назад 3 роте. Командир роты и командиры взводов были убиты. «Вперед, за мной!» – кричал я, размахивая пистолетом. Люди сначала залегли, затем вернулись за мной. Лошадь подо мной упала, я успел высвободить ноги из стремян, оттолкнулся от падающего животного, ударился в мягкую подушку торфа. Мгновенно встал на ноги, закричал: «Вперед, за мной!» Люди обгоняли меня, как бы защищая своими телами. Немцы отступили, ушли от края болота вглубь, в кустарники. Танки тоже скрылись в кустах, боясь бутылок с горючей смесью. Болото было усеяно трупами красноармейцев и ранеными. «Закрепитесь на занятом рубеже! – поступило распоряжение командира полка. – Комбата Котрикова ко мне!»

До КП полка было 2 километра. Я шел до него 15 минут. На сей раз Чернов сначала сказал "молодец", а затем накинулся на меня: «Ты что, очумел, взгромоздился верхом. В бою умный командир ценнее половины личного состава, а ты... ты...» Но не сказал "дурак". Пока он меня отчитывал, доложили: «Полк не отстывает, а бежит. Немцы зажали на 180 градусов, теснят к железной дороге». «Котриков, останови людей!»

Я выбежал с КП полка. Вскочил на лошадь связного командира полка, невзирая на его протесты. Осколки и пули свистели вокруг меня. Навстречу бежали люди. Ложились, снова бежали. Немцы плотными шеренгами шли не спеша, что-то кричали и строчили из автоматов. Танки снова вышли на берег болота. Они вместе с минометами посылали по отступающим сотни снарядов и мин. Остатки полка, прижатые с двух сторон, бежали к железнодорожной насыпи. Оценить обстановку было трудно. Люди всех трех батальонов смешались. Я достиг первых отступающих. «Ложись, ни шагу назад!» В это время раздался оглушительный взрыв, последовал сильный удар. Мне показалось, что меня вместе с лошадью подняло на большую высоту. Я упал во что-то мягкое. Был сильный удар в затылок. Я потерял сознание.

Осознание вернулось не сразу. Мне показалось, что все тело стало нечувствительно. Ощупал себя. Руки, ноги целые. Протер глаза – вижу. Все было в порядке, только в ушах стоял звон. Лежал я в узкой канаве. Под головой вместо подушки – пень, о который ударился головой. Нащупал кобуру, пистолета нет. Я оказался без оружия. Выглянул из канавы. Стояла тишина. Бой закончился. По всему болоту в разных позах лежали убитые. По болоту шли немцы, их было много, почти целый взвод. Шли они прямо ко мне. Я погрузился в торфяную жижу на дно канавы. С откосов обрушил на себя массу торфа. В результате все мое тело было погребено под торфом. Два немца перешагнули канаву надо мной. Они о чем-то говорили, но я ничего не понял.

Наступил вечер, небо, которое я видел из канавы, посерело, постепенно стемнело. Я вылез из-под торфяного одеяла, сел. В вечерних сумерках наши раненые ползли к железнодорожной насыпи. Немцы им не препятствовали. Немецкие солдаты лежали на железнодорожной насыпи и окапывались. Значит, по ту сторону железной дороги были наши. Из-за железной дороги заговорил наш "Максим", станковый пулемет. В воздух взлетели осветительные ракеты. Немцы открыли стрельбу из автоматов и пулеметов. Стрельба продолжалась недолго. Снова наступила тишина. На шоссе был слышен гул моторов и ляг гусениц. Шли немецкие танки. Наступила темнота.

Я вылез из канавы и по-пластунски пополз среди убитых. На берегу болота и у железнодорожной насыпи слышались немецкая речь и смех. «Весело фрицам, – думал я. – Но обождите, гады, вы свое еще получите». Мысль работала четко: нужно оружие. Нашел карабин. Из подсумков троих убитых взял патроны. Нашел четыре гранаты Ф-1. Это для меня было целое богатство. Неторопливо полз к железнодорожной насыпи. Снова завязалась перестрелка. Осветительные ракеты висели над железной дорогой, казалось, при их ярком свете просматривается все живое. В 10 метрах от меня сидели и лежали немцы в наспех вырытых окопчиках. Передо мной была поросшая ивой широкая выемка или канава, которая разделяла меня с немцами. Высокая железнодорожная насыпь в ночной мгле казалась расплывчатым длинным холмом. При взлете осветительных ракет были видны пулеметные гнезда, оборудованные немцами вверху насыпи у самых рельсов. После получасового наблюдения оценил обстановку. Выбрал ориентир. Подумал, вот бы сейчас взвод ребят. Можно было бы устроить хороший переполох незваным гостям. Согнувшись, осторожно ступая, пошел вдоль насыпи. В левой руке был карабин, в правой – граната. Наткнулся на немцев. Они приняли меня за своего. Что-то мне кричали. Я ушел от них и стал подниматься по откосу насыпи вверх. Как назло, снова завязалась перестрелка. Немецкие пулеметы из гнезд, пристроенных у рельсов, посылали в нашу сторону светящиеся пучки трассирующих пуль. Немцы не целились. Спрятав головы в укрытие, строчили длинными очередями. Я достиг верха насыпи. Уже одна нога уперлась в

шпалу. Послышался окрик на немецком языке. На крик бросил гранату, вторую – в пулеметное гнездо. Прыгнул через рельсы на другую сторону насыпи. В стреляющих автоматчиков бросил еще две гранаты. Кубарем скатился с насыпи в кювет. Немцы зашевелились. Застрочили пулеметы и автоматы. Пули свистели надо мной. Немцы бросили три гранаты, которые взорвались далеко позади. В воздух взвились десятки осветительных ракет. Я залег в кювете. Ракеты сгорели. Побежал от железнодорожной насыпи в лес. До него было не более 50 метров. Пробежал половину. словно железные клещи схватили меня за здоровую руку. Мгновение, и обе мои руки оказались сзади крепко сжаты. Я подумал: «Немцы. Все кончено – капут». Подпрыгнул, ударил державшего головой в подбородок. Мои руки высвободились. В это время я получил сильный удар в грудь. Из глаз полетели искры, я упал, потерял сознание.

Очнулся от яркого пучка света карманного фонаря, ударившего в глаза. Кто-то хриплым голосом говорил: «Сильный малый, здорово меня ударил». В темноте было трудно разобраться, кто свой, кто чужой. Проще было бы, если бы немцы ходили на четырех конечностях.

Я открыл глаза. Тот же голос произнес: «Простите, товарищ старший лейтенант, приняли вас за фрица». Я попытался встать, но не мог. Кружилась голова, чувствовалась сильная слабость в руках и ногах. «Доставьте меня к вашему командиру!» – повелительно сказал я. Послышался раздраженный голос: «Это немецкий провокатор. Слышите, как он повелительно говорит». «Перестань, Матвей, – крикнул кто-то. – Ты всех считаешь врагами, а сам трусливее сидоровой козы. Мы все слышали, сколько шуму наделал старший лейтенант у немцев. Они до сих пор не успокоятся». За железной дорогой, то есть по ту сторону насыпи непрерывно в воздухе висели десятки осветительных ракет. «Вы ранены, товарищ старший лейтенант?» – спросил меня приятный женский грудной голос. Через полчаса я был доставлен в санитарную часть. Осмотрел меня пожилой врач. Заключение: сотрясение мозга, нужен покой. Рано утром пришел комиссар нашего полка. Он сообщил довольно неприятные вести: командира полка полковника Чернова вчера вечером ранило. Начальник штаба полка убит. Остатки полка после боя разбежались по лесу. До сих пор людей не собрали, и вряд ли удастся собрать. «Выздоровливай и возвращайся в наш полк. По-видимому, дивизия будет занимать оборону где-то в этом районе». Раненых, в том числе и меня, погрузили на пароконные повозки, привезли в медсанбат, расположенный в лесу.

Врачи работали в палатках, которые играли роль кабинетов и операционных. Из медсанбата раненых отправляли на автомашинах. Палаток для всех не хватало, поэтому многие лежали под открытым небом. Только через сутки меня перевели в палатку. Чувствовал я себя уже хорошо, только немного кружилась голова.

Поступил приказ об эвакуации медсанбата. Всех с легкими царапинами, в том числе и меня, пригласил главврач. Предложил, чтобы мы, не ожидая транспорта, шли пешком в тыл в сопровождении санитаров и медсестер. Заманчиво идти в тыл, чувствовать госпитальную заботу, заботу о себе людей в белых халатах. Когда очередь дошла до меня, спросили: «Как вы себя чувствуете?» Я ответил, что хорошо, и попросил выписать.

Главный врач посмотрел на меня с удивлением. По-видимому, подумал, не сошел ли я с ума. Тихо произнес: «Не спешите, молодой человек, там еще будете. Оттуда не всем суждено возвратиться». Последовала небольшая пауза. «Ваше желание удовлетворено. Берегите голову, при повторном ушибе могут быть осложнения». Он вручил мне справку, что я находился на лечении. Пожелал мне ни пуха ни пера. Посоветовал по пути зайти в отдел кадров штаба армии, который находился в 5 километрах.

Отдел кадров я нашел с большим трудом. Он находился в маленькой землянке. Я открыл дверь. В конце неширокого прохода стояло что-то наподобие стола. Тускло светила коптилка. За столом сидел один человек. Я напряг зрение, чтобы установить знаки отличия, но не мог, так как перед глазами пошли разноцветные круги, голова закружилась, ощущался приступ тошноты. Подумал: «Прав врач». «Разрешите войти?» Послышался ответ с веселой ноткой: «Вы

уже вошли». «Извините, товарищ», – я сделал паузу. «Я майор, товарищ старший лейтенант. Что вам угодно?» «Я к вам зашел по пути и рекомендации главврача медсанбата». Протянул ему справку. Он внимательно прочитал ее, спросил: «Вы были контужены?» «Не знаю. Или контузия, или ушиб». Коротко рассказал, как получилось. «Вам еще рановато в свой полк». Майор покрутил телефонный аппарат, проговорил тихо в трубку: «Лейтенант, ко мне». Через три минуты явился щегольски одетый лейтенант. Хотел доложить, и, по-видимому, это получилось у него отлично. Майор не дал ему выговорить, опередил: «Отведите старшего лейтенанта к полковнику М.».

Мы пришли к хорошо замаскированной палатке. Лейтенант вошел туда первый, затем жестом позвал меня. Один край палатки был откинут, вероятно, для освещения. За столом сидели двое – полковник и член Военного совета, которого я кормил консервами. Я доложил: «Старший лейтенант Котриков, командир батальона из 311 дивизии прибыл для дальнейшего прохождения службы». «Что с вами, товарищ Котриков?» – спросил меня член Военного совета. Я заикнулся ответить, но полковник перебил, обращаясь к члену Военного совета. «Вы его знаете?» Последовал ответ: «Да!» «Говорите, Котриков!» Я рассказал о первом и последнем бое в 311 дивизии и о том, как попал в госпиталь. «Подойдет», – проговорил полковник. «Не возражаю», – ответил член Военного совета. «Надо сделать запрос по месту рождения и в воинскую часть». «Это длинная история», – перебил его член Военного совета. «Что делать», – снова заметил полковник. «Тебе виднее, но эти ребята не подведут. Прошел с боями с Литвы от границы с Восточной Пруссией, был ранен и снова на фронте». «Решено!» – проговорил полковник. «Свободны, товарищ старший лейтенант». Дежурный отвел меня в палатку с постелями. Я лег и быстро уснул. Разбудил дежурный: «Срочно к полковнику». Началась устная мандатная комиссия. Рассказывал и писал: где родился, учился и так далее. Полковник интересовался каждой мелочью моей недолгой жизни. Допрос продолжался долго. В течение дня полковник вызывал меня три раза. Все одно и то же. Как сказка про белого бычка. Наконец, он мне объявил: «Назначаю вас командиром группы, направляемой в тыл врага. Цели и задачи группы, – он перешел на шепот, – в данное время в тылу у немцев, в лесах Ленинградской, Псковской областей бродит много красноармейцев и командиров, оставших от своих частей, попавших в окружение. Люди не осведомлены об истинном положении на фронтах, слепо верят в геббельсовскую пропаганду. Партизанских отрядов не организуют, боятся, избегают вступления в действующие. В плен тоже не сдаются, боятся. Ваша задача – собирать этих людей в группы, подразделения и направлять к своим. Сплошной линии фронта еще нет».

Полковник не успел дать полного инструктажа. Над лесом с пронизывающим воем сирен, брошенных бомб, строча из пулеметов, пронеслись немецкие самолеты. Засвистели пули, задрожала поверхность земли от сильных разрывов. Застонал, затрещал русский лес, повалились на землю вершины и сучья деревьев, скошенные пулями.

Полковник лег на землю рядом со столом. Я продолжал стоять. «Ложись!» – кричал полковник. Самолеты два раза пролетали рядом, километрах в двух от нас сильно бомбили. Полковник встал, вернее, вылез из-под стола, стряхнул с себя пыль и приставшую хвою. Заговорил: «Сволочи, нащупали штаб и бомбили почти в цель». Затем набросился на меня: «Ты что храбришься? Тебе жить надоело? Стоит как истукан. Запомни пословицу: береженого бог бережет. Сейчас ближе к делу. Я познакомлю тебя с товарищем Дементьевым. Это гражданский человек. Отлично знает местность заданных вам районов. Поэтому его советы для тебя будут полезны всегда. Слушайся его как родного отца. Сейчас познакомься с ребятами. Они все средние командиры и политруки. Пошли, я тебя представлю».

Мы прошли примерно 500 метров по тропинке. Полковник воскликнул: «На ловца и зверь бежит! Вот и Дементьев». Мы подошли к сидевшему под раскидистой елью человеку средних лет, одетому в гражданский костюм. Полковник по-узбекски сел рядом с ним. Сначала три раза хлопнул ладонью по плечу, затем протянул руку, проговорил: «Как дела, старина?»

Привел тебе командира. Прошу любить, жаловать и беспрекословно выполнять его распоряжения». Дементьев окинул меня взглядом с ног до головы. Встал, протянул руку. «Будем знакомы, Дементьев, ваш проводник». Я ответил после пожатия его руки: «Старший лейтенант Котриков». «Очень приятно познакомиться с молодым человеком, уже имеющим опыт в войне».

Мне в лицо ударило жаром. Compliments были неприятны. С волнением ответил: «Опыта не имею. В боях участвовал». Дементьев приложил палец к ордену Красной Звезды, затем к медали "За отвагу", сказал: «Вижу».

Полковник тяжело поднялся с земли, с улыбкой заговорил: «За что кукушка хвалит петуха, за то, что хвалит он кукушку. Хвали его, Котриков. Пошли к ребятам, они ждут».

Ребята нас не ждали. Четверо резались в домино. Остальные ждали очереди и шумели: «Игра на мусор». «Пеликанов Володя, ты как сюда попал?» – крикнул я. Пеликанов вскочил на ноги, подбежал ко мне. «Котриков, ты живой?» «Как видишь!» «Полковник Чернов говорил, что ты погиб. Он сам видел, как снаряд взорвался под ногами лошади. Даже лошадь приподняло в воздух».

«Ладно, ребята, в своих чувствах потом разберетесь. Времени у вас на это хватит. Сейчас слушайте меня. Представляю вам командира вашей группы, Котрикова. Он и Дементьев ознакомят вас с задачами. Коротко: надеюсь, вы знаете, что пойдете в тыл врага. Враг коварен, хитер и силен. Задание ваше правительственное, ответственное. Оно опасное для выполнения, требует много риска, выдержки и большой физической силы. Подобрали мы вас не случайно. Наша партия и правительство верят вам, считают вас преданными Родине, партии, народу. Всего вас двенадцать человек, все средние командиры. Половина – политработники. Вас шесть коммунистов и шесть комсомольцев. Мы верим вам и поэтому посылаем вас на это ответственное задание. Знаем, что для защиты Отечества вы не пожалеете своей жизни. Товарищ Котриков, вот вам список вашего личного состава, ознакомьтесь, – полковник передал мне листок бумаги. – По всем вопросам связь имейте только со мной или моими заместителями. Я вам всем доверяю, но код должен знать один из вас. С кодом ознакомлен товарищ Дементьев. По возвращении к своим на проход через линию фронта каждый из вас получит пароль».

Я в присутствии полковника выстроил ребят. Вот они, стройные, обтянутые ремнями португали, молодые, смелые:

Пеликанов Володя, лейтенант;
Кропотин Николай, политрук, радист;
Сидоренко Федор, политрук;
Завьялов Григорий, старший политрук;
Кошкин Василий, лейтенант;
Шустов Аркадий, политрук;
Пестов Иван, лейтенант;
Слудов Иван, лейтенант;
Евтушенко Прохор, лейтенант;
Шевчук Петр, политрук.

Одиннадцатым в список я записал себя. Двенадцатым был Дементьев. «Двенадцать – число счастливое, – сказал полковник. – Желаю вам, товарищи, удачи. Продолжайте знакомство с ребятами до совещания». Полковник ушел.

«Ребята, садитесь вокруг меня. Коротко ознакомлю с поставленной перед нами задачей», – заговорил Дементьев. Он разложил карту Ленинградской, Псковской областей: «Смотрите сюда. Немцы рвутся вглубь страны по шоссе и железным дорогам. У себя в тылах они оставляют небольшие гарнизоны, тоже только в населенных пунктах, расположенных вдоль шоссе и железных дорог. В населенных пунктах, расположенных далеко от шоссе и железных дорог, нога оккупанта пока еще не была. В лесах осталось много наших красноармейцев и командиров. Люди пробираются к своим, но истинного положения не знают. Не знают

и местонахождения нашей армии, линии фронта. Наша задача – организовать этих людей и вывести из немецкого тыла. Поэтому мы сегодня вечером отправимся в глубокий тыл врага. Пока в район Новгорода и Шимска. Если дела пойдут хорошо, возможно, из Шимска повернем в районы Луги, Пскова, Порхова».

«О...о..., – протянул Шевчук, – это же сотни километров пешком, без пищи. Трудное дело, товарищ Дементьев». Дементьев нахмурил брови, внимательно посмотрел на Шевчука. «А вы думали как, товарищ Шевчук? Не попросить ли нам легковые автомашины и с триумфом под звон фанфар прокатиться по тылам врага. Не забывайте, товарищи, война! Она только начинается. Продлится она, возможно, год, два, а может и три».

Он коротко останавливался на делах нашей армии и на положении на фронтах. Завершить беседу ему не удалось, снова с оглушительным воем сирен и бомб над лесом появились немецкие самолеты. Снова задрожала земля от разрывов бомб, застонал и затрещал лес, принимая на себя тонны металла. Поднялась паника, бойцы побежали вглубь леса, передавая из уст в уста: «Нас окружают!» Штабное хозяйство, палатки и домики разбирались и вместе с ящиками и бумагами, пишущими машинками, рациями и прочим скарбом наскоро грузились на автомашины, конные повозки и отправлялись. Немцы не думали двигаться в лес. Заняв линию обороны по железнодорожной насыпи, укреплялись. Мы тоже вместе со штабным скарбом двинулись вглубь леса.

Пройдя около 15 километров, в одном из населенных пунктов вымылись в бане, получили новое обмундирование, вооружились немецкими автоматами. Выдали нам документы, уполномочивающие на формирование отрядов в тылу врага с целью соединения с Красной Армией. Каждому вручили по пачке, более 100 штук, обращений партии и правительства к попавшим в окружение и оставшимся в тылу врага, к бойцам и командирам, обращение к местному населению объединиться в партизанские отряды, бить врага, где бы он ни показался. Нас снабдили данными нашей разведки о расположении немцев в населенных пунктах Ленинградской и Псковской областей.

Нагрузившись сухими продуктами, мы тронулись в путь. Дементьев не только отлично ориентировался по карте, но и отлично знал все села и деревни по нашему маршруту. В Ленинградской области он проработал более 20 лет на комсомольской и партийной работе в разных районах.

Наступил сентябрь. Осень вошла в свои права. Дни стали не только короткими, но и холодными. Вместо белых ленинградских ночей наступили темные и длинные. Лес готовился к зимней спячке, деревья и кустарники прекращали свой рост. Прихваченные легкими осенними заморозками листья принимали разноцветную окраску. Пospели осенние лесные ягоды, брусника, клюква, калина и рябина. Из района Любани мы продвигались в район Новгорода. Вначале шли ночами. По незнакомой местности – лесами. Несмотря на опыт и знание Дементьева, проходили по 15-17 километров в сутки. Шли лесом. Населенные пункты старались обходить подальше. Для ночлега выбирали удобные и безопасные места. В первые двое суток нами был организован отряд в 600 человек. В основном из людей, принимавших участие в боях за Новгород, Любань, Чудово. Многие были из 311 дивизии. Было предложено выбрать на добровольных началах, кому вести людей. Все молчали. Дементьев предложил кинуть жребий. Из участия в жребии исключил меня, себя и радиста Кропотина. Дементьев вырвал из блокнота несколько листов, изготовил девять одинаковых листочков. На последнем написал «возглавить группу». Затем скрутил бумажки в трубочки. Снял с меня пилотку, положил их. Жребий вытащил Аркадий Шустов. Он остался недоволен. Очень просил, чтобы его не посылали. Вместо удовлетворения его просьбы Дементьев наметил ему маршрут, по которому вести людей. Еще раз проинструктировал, дал полезные советы на случай обнаружения немцами. Людей перед маршем разбили по ротам, взводам и отделениям. Назначили командиров. Многие жаловались на голод, слабость и даже болезнь. Я подошел к рослому и плотному красноармейцу. Он

кричал: «Надо сначала накормить, а потом идти!» «Ваша фамилия?» «Огнев». «Откуда?» «С Алтайского края!» «Откуда с Алтая?» «Со Степного района!» «Вроде в Алтайском крае такого района нет?» «Из Кулундинских степей», – послышался ответ. «Но ведь Кулундинские степи – это Казахстан». «Не все в Казахстане, немного досталось и алтайцам. Были неправильно установлены границы при образовании Казахской ССР. Казахи незаконно прихватили много земель бывшего Западно-Сибирского края». «Давно в армии?» «С 1939 года». «Где ваше оружие?» «Потерял, товарищ старший лейтенант!» «Принимали присягу?» «Да!»

Веселье и словоохотливость у Огнева исчезли. Говорить стал взволнованно, слова в гортани застревали. Он понимал, что разговор подходит к финишу. На помощь ему пришел сосед. Он скороговоркой проговорил: «Товарищ старший лейтенант, разрешите сходить и принести винтовки, они находятся рядом». «Разрешаю, – сказал я. – Сколько вам потребуется времени и человек?» «Там двадцать две винтовки, – ответил красноармеец. – Они рядом, достаточно четырех человек». Через пять минут они принесли винтовки, подсумки и один ручной пулемет с заряженными дисками. К винтовкам потянулись руки, но он закричал: «Вручу только хозяевам». Вести разборы было не место, и не было на то времени. По-видимому, на людей крепко действовала немецкая пропаганда. Новые немецкие порядки наводили страх и ужас. На полях, в лесах валялись миллионы листовок, призывающих всех вернуться к мирной жизни, так как немцы уже победили Россию. Всюду были расклеены объявления, наводившие страх на все живое, где приказывалось населению пройти регистрацию в комендатуре, получить пропуска. Задержанные с оружием считались партизанами, на месте расстреливались. Оказавшие сопротивление вешались.

Аркадий Шустов распрощался с нами, увел первую группу людей в 600 человек. Многие из них не имели никакого оружия, кроме отращенных ногтей, бород и наполненного грязью волосяного покрова. Они говорили, что по дороге к своим приобретут оружие. Предъявлять к ним требования мы не имели права. Знали, по прибытии к своим с ними будут разбираться. Законы военного времени в эти тяжелые для родины дни были чрезмерно жестоки. Прощтрафился или ошибся – пощады не жди. На карту ставилось все. Поэтому с людьми не очень считались. Народ об этом тоже прекрасно знал. Поэтому многие воины, попавшие в окружение, чья территория была оккупирована, пробирались домой. Одни проходили регистрацию в комендатуре и работали на немцев, другие скрывались и уходили к партизанам. Те, кто находился далеко от родины, сдавались в плен.

Когда люди во главе с Аркадием Шустовым скрылись за первым поворотом лесной дороги, мы снова двинулись на поиски новых людей, желающих пробраться к своим. Погода хмурилась. Солнце скрылось за сплошными облаками. День стал пасмурным. Временами моросил мелкий дождь. Свинцового цвета облака, низко опустившиеся над землей, медленно проплывали над нашими головами. Плащ-палатки на нас намокли. Микроскопические капли проникали сквозь плащ-палатки и достигали тела. Я хотел сделать привал: погреться, пообедать и обсушиться. Дементьев сказал: скоро будет небольшая деревня, немцев там нет, сделаем привал, отдохнем в человеческих условиях.

При выходе в поле в направлении нас двигалась колонна людей. Шли они организованно. Кто они, определить было трудно. Мы замаскировались в густом ельнике на опушке. Шли они уверенно. «Наши», – сказал мне Дементьев, когда они приблизились на расстояние 400 метров. «Вижу, – сказал я. – Выйдем навстречу». Из деревни выехали трое конников. Лошадей направили вдогонку движущейся колонны. «Не надо показываться, пока наблюдаем», – сказал Дементьев. Конники догнали колонну, резко осадили лошадей. Некоторое время ехали рядом, сбоку колонны и в 50 метрах от нас остановили людей. Двое из них спешили, отдали поводья третьему, который остался в седле. Один был в звании полковника, другой – майор. Оба были одеты в новенькие офицерские плащи. Полковник зычным голосом крикнул: «Подтянись! Равняйся! Смирно! Перестроиться в шеренгу по два!» Усталые солдаты не спеша пере-

страивались, сыпались ругательства в их адрес – "стадо баранов, свиней" и так далее. Начался опрос: «Кто вы такие, куда следуете?» Красноармейцы отвечали, что пробираются к своим. «Кто из вас старший?» Все молчали. «Кто офицеры: два шага вперед». Никто не выходил. «Старшины, старшие сержанты, два шага вперед». Шеренги не шелохнулись, все стояли на местах. «Неверно, что здесь все рядовые». В это время один парень вышел из строя и сказал: «Я сержант». Дементьев шепнул: «Пора! Будьте готовы, это провокаторы!» Мы вышли из леса. Не доходя 20 метров, полковник крикнул нам: «Стоять на месте. Кто вы такие?» Дементьев ответил за нас: «Ленинградские ополченцы, большинство студенты. Разрешите встать в строй и присоединиться к вам, товарищ полковник?» Полковник грубо одернул: «Я не спрашиваю вашей профессии, олух. Какая воинская часть?» Дементьев ответил: «Прибыли в пополнение и не нашли своей дивизии, а сейчас в окружении, не знаем, куда примкнуть». «Ты что – вечный студент?» «Нет, – ответил Дементьев, – я преподаватель». Ответ, по-видимому, подозрения не вызвал, и он разрешил встать в строй. Майор бесцветными глазами зорко наблюдал за всем строем. Сержант, вытянувшись под стойку "смирно", стоял перед строем. Полковник подошел к сержанту, внимательно посмотрел на его грязное, обросшее, давно не мытое лицо. Затем перевел взгляд на прожженную во многих местах, выдавшую виды шинель, сказал: «Назначаю его старшим. Он поведет вас в село К.» «Разрешите, товарищ полковник? – крикнул кто-то из строя. – Это село еще 20 августа было занято немцами». Полковник криво улыбнулся, ответил: «Наши отбили его у немцев». Дементьев толкнул меня в бок, шепнул: «Будь начеку. Он врет. В селе немцы». Полковник заметил поворот головы Дементьева, крикнул: «Вы, наука, что еще там за разговор в строю. Немедленно прекратить!» Майор искоса рассматривал нас. Мы отличались от всех новизной обмундирования. Обуты были в сапоги. Лица у всех чистые, бритые. Под плащ-палатками были заметны автоматы. Это его настораживало. Еще раз подтвердились догадки Дементьева: провокаторы.

В это время из леса вышла группа солдат – восемь человек. Один из них, по-видимому, офицер. Одет был по-летнему в гимнастерку, на худой груди его красовался орден Красной Звезды. Широкий ремень, с португеей, плохо затянутый на животе, сполз на правое бедро под тяжестью кобуры. Знаков различия не было. Все бойцы были вооружены винтовками, а один даже нес ручной пулемет. Было видно, что эта боевая группа на провокации немцев не пойдет. Увидев их, полковник замолчал, и когда они подошли вплотную к нам, он грубо командовал: «Становись в шеренгу по одному!» Выстроил их против нас. Затем командовал: «Положить на землю оружие!» С неохотой, но они его команду выполнили. Подойдя вплотную к командиру, начал оскорблять всю группу изменой Родине, трусостью. У командира требовал сдачи пистолета, но тот отказался сдавать. Потребовал от полковника предъявить документы. Полковник медленно полез в свою кобуру, чтобы покончить с супротивным командиром, но в это время по команде Дементьева из-под плащ-палаток выглянули 11 стволов автоматов, и короткие очереди над головами полковника и майора заставили их поднять руки вверх.

Дементьев выскочил из строя, повелительно приказал стоять в строю, а сложившим оружие подал команду взять оружие. Подойдя к полковнику, отнял у него русский пистолет ТТ, затем из кармана при обыске вынул немецкий парабеллум. У майора оказался парабеллум и в кармане бельгийский никелированный наган. Сидевший верхом и державший лошадей человек, видя, что начальство разоружено, выпустил из рук поводья охраняемых лошадей командиров, бросился галопом наутек. Автоматная очередь Пеликанова догнала его. Он выскользнул из седла, неуклюже упал на землю. Лошадь с седлом умчалась в деревню. Две охраняемые им лошади стояли спокойно. Пеликанов, конник и большой любитель лошадей, подошел к ним, взял за поводья, отвел в лес, привязал. Раненого адъютанта, упавшего с лошади, принесли. Над лесом, урча, пролетала немецкая "рама". Дементьев приказал связать руки полковнику и майору и всем двинуться в лес. Человек в португее с пистолетом оказался старшим политруком, с группой солдат своей роты пробирался из окружения к своим. За спасение он расцеловал

Дементьева, записал его адрес. «Если останусь жив, после войны обязательно встретимся». Начался допрос полковника и майора. Полковник выкручивался, предъявлял документы, но майор и раненый адъютант молчали. Оба были чистокровные арийцы, по-русски говорили, но с большим акцентом. Дементьев приказал радисту Кропоткину связаться со своими и спросить, что делать с пойманными провокаторами. Был получен короткий ответ: доставить всех троих в Зенино в сопровождении одного из офицеров группы. Притом под личную ответственность Дементьева.

Провокатор догадался, что о его поимке связывались с командованием Красной Армии, поэтому попросил Дементьева на разговор наедине. Дементьев подумал, что задержанный откроет какую-нибудь важную военную тайну, но как только мы покинули их, отойдя на расстояние 20-25 метров, он стал уговаривать Дементьева вместе с ним провести всех к немцам, за это обещал райскую жизнь и любую должность в оккупированной России. Он говорил, что война закончится к 1 октября, немцы уже на подступах к Ленинграду, Москве. «Коммунистическое правительство из Москвы эвакуируется на Урал. Русская армия деморализована, беспорядочно не отступает, а бежит, все ее оснащение осталось в наших глубоких тылах. Наши разведчики говорят, что сибирские дивизии, прибывающие на защиту Москвы, вместо винтовок и автоматов вооружаются вилами, ломami и дубинками, как первобытные люди. Руки наших доблестных солдат не дрожат, они сумеют перестрелять все тех, кто не захочет покориться». Дементьев внимательно слушал его бред про завоевание России и, чуть ли не извиняясь, перебил его: «Скажите, пожалуйста, а вы какой национальности?» «О, я, чистокровный ариец, – напыщенно проговорил провокатор. – Русский язык я знаю превосходно, потому что родился и вырос в России. Окончил в Саратове на Волге русскую девятилетку, а с приходом фюрера к власти мы переехали в Германию». Он даже похвалился, что он член национал-социалистической партии Германии, окончил университет. Он считал, что культурный, задумчивый Дементьев завербован. Даже просил развязать ему руки. Но Дементьев сказал, что не может, что у него есть командир, и показал на меня. «Что скажут мне солдаты? Видите, как внимательно они за нами наблюдают?» Немец перешел на шепот: «Мы с этими свиньями разделаемся, как только прибудем к нашим, я уверен. Мы сумеем их обмануть, вместо красных приведем к немцам». Он уже мечтал о железных крестах, о повышении в звании и чине. Но Дементьев так же культурно, не повышая голоса, сказал как бы между прочим: «Мечты, мечты, где ваша сладость». Немец насторожился и спросил: «Что вы этим хотите сказать?» «Вот что, господин, вас звать, кажется, Гельмут? – Немец кивнул головой. – Коммунисты не продаются. А что наша армия отступает, а иногда в отдельных местах и бежит, это верно. Вы, господин Гельмут, слишком рано предвкушаете победу. Придет время, и если немногим немцам суждено будет остаться в живых, они побегут быстрее нашего. Коммунисты умирают, но не сдаются. Чем черт не шутит, если тебе суждено будет остаться в живых, в чем я сомневаюсь, то в недалеком будущем немецкие солдаты будут кричать не "Русь капут", а "Гитлер капут"». Немец испуганно заерзал на месте, хрипловато спросил, уже не на изысканном русском языке, а с большим немецким акцентом: «Что, меня расстреляют?»

Дементьев спохватился, что немного переборщил, и снова ласково сказал: «Нет, зачем стрелять человека, который обществу и нашей армии принесет большую пользу. Стреляют у нас не всех: кто честно раскрывает тайны врага, тем жизнь сохраняют». Из груди у немца вместе со вздохом вылетели слова: «Я расскажу все, что знаю». «Хорошо! – сказал Дементьев. – Вы мне ответьте только на один вопрос, а остальное все расскажите нашему командованию. Вы это прекрасно знаете, – предупредил Дементьев. – Как по немецкому разработанному плану будет осуществляться контроль населения сел и деревень, что, в частности, сделано в Ленинградской области?» «Эти вещи не касаются нас, разведчиков, – сказал немец, – но я немного в этом компетентен. Во всех городах, крупных поселках, а также в деревнях и селах, расположенных по шоссе и железным дорогам, немецкой армией оставляются небольшие гарни-

зоны до прибытия таких особых тыловых войск, как полевая жандармерия, которая организуется гестапо. Комендатура назначает коменданта и начальника гестапо в основном из числа преданных фашистов, ненавидящих не только евреев и коммунистов, но и всех славян».

Немец не забыл еще раз намекнуть: «Не дай бог в вашем положении с оружием попасть в их лапы. Эти люди сразу не расстреляют, а применят все способы пыток, существующие в наше время. Комендатура с гестапо, как вам лучше сказать, как бы ваш сельский совет, будет обслуживать чуть больше деревень и сел. На их совести знание всего народа, проживающего на ограниченной территории, всего имущества населения, скота и так далее. Они в деревнях и селах назначают старост, подбирают русских полицаев из числа бывших заключенных, сыновей кулаков и прочих недовольных советской властью людей». Немец на несколько секунд задумался и торжественно полупшепотом проговорил: «Эти вопросы фюрером продуманы блестяще, да притом у нас в этом большая практика, которая проведена в оккупированных странах Европы». Дементьев снова спросил: «И все это проделано уже и в Ленинградской области?» Немец покачал головой, дал понять, что далеко не все, но со временем будет сделано все. Дементьев поблагодарил немца за откровенный разговор, затем велел его увести. Созвал нашу группу и пригласил старшего политрука Петрова.

Снова тянули жребий, кому вести немцев и группу. На сей раз повезло Васе Кошкину, он вытащил бумажку со словом "жребий", выругался и отошел в сторону. К нам прибывало пополнение. Люди инстинктивно находили нас. Красноармейцы небольшими группами и в одиночку крались по опушке леса или открыто шли по проселочным дорогам в деревню, где мы остановились. К вечеру сформировался целый отряд около 400 человек, который разбили на отделения и взводы. Командиром отряда был назначен старший политрук Петров, комиссаром – Вася Кошкин.

Раненый немец, состояние которого было очень плохим, кроме ранения в спину в область почек при падении с лошади сломал руку и вывихнул ногу. Соорудили носилки из его плащ-палатки и тронулись в путь, когда чуть стемнело. Петрову очень хотелось, чтобы раненого немца несли сами немцы, но Дементьев не разрешил и наказал Кошкину не разрешать этого делать, руки немцев ни при каких обстоятельствах не развязывать и самому зорко следить за ними. Им был дан маршрут в 60 километров, который они должны были преодолеть почти за одну ночь и половину дня.

Мы двинулись дальше, покинув гостеприимную деревню. Прошли 7 километров. Дементьев предложил мне послать кого-нибудь в деревню, узнать, что слышали жители о немцах. Я сказал, что пойду сам. Вышел на середину деревни, перепрыгнул через примитивный плетень и огородом подошел к избе. Окна во всех домах были замаскированы, поэтому не видно было ни одного отблеска света. Приложив ухо к бревенчатой стене, услышал негромкий женский голос и густой мужской бас. О чем они говорили, разобрать я не мог, так как до моего уха долетали только отдельные слова.

Прислушиваясь к словно вымершей деревенской улице, тихо перелез через забор и с улицы постучал в окно избы, откуда сразу же послышался ответ: «Кто там?» Я негромко сказал: «Выйдите на минуточку». Снова тот же голос: «А кто вы?» Я ответил: «Свой!» «Но кто вы свой?» «Не бойтесь, выходите, в обиду вас никому не дадим».

Слышно скрипнула дверь избы, затем легко проскрипел засов в сенях, на улицу вышел старик с длинной бородой, не по сезону в шапке-ушанке. Подойдя к нему, я сказал: «Здравствуй, дедуся». Он снял шапку и сказал: «Здравствуйте». «Где можно с вами побеседовать?» Он показал рукой на избу. Я возразил: «Не надо беспокоить семью». Предложил: «Пойдемте в огород».

Мы прошли до самого конца огорода, как по команде присели оба на корточки. Дед охотно отвечал на все мои вопросы. Он говорил, что в деревне немцев еще не было. Неделю тому назад появился бывший тюремщик, спекулянт, которого за спекуляцию судили 5 лет назад

и которому дали 10 лет. Он ходил к немцам, и его назначили старостой. Сегодня он собирал сходку в избе Матрены-вдовы. Молодых агитировал вступить в полицаи. Называл новые немецкие порядки лучше старых. Хвалил немцев по всем швам. В полицаи вступить еще никто не согласился. Петька Фомин ерзал на стуле, ему, по-видимому, хотелось носить немецкое оружие, и он хотел сказать об этом, но на него угрюмо посмотрел его дядя Проня, и он сразу замолчал.

Дед за 10 минут ознакомил меня с жителями всей деревни и их настроением. Немцев все ненавидели, но были и такие, которые ждали их. Я на всякий случай спросил, где живет спекулянт Федька Спириин, он сказал, что на его порядке направо второй дом с краю.

«Прихватить с собой спекулянта», – думал я. Дементьеву может не понравиться. Но и медлить было нельзя, болтливый дед мог смекнуть и тут же при моем исчезновении сообщить Федьке. Я решил рискнуть и вместе с дедом вышел на деревенскую улицу. Так как опасаться было некого, подошел к дому Федьки. Громко постучал в дверь, услышал торопливые шаги. Дверь отворилась, и передо мной появился скуластый плотный мужчина с бритой головой. «Вы будете Федор Спириин?» «Да!» – вяло ответил он. «Прошу вас следовать впереди меня, шаг влево, шаг вправо, стреляю без предупреждения». «За что такая немилость?» – хрипло выдавил он из себя. «Идите без разговоров, – сказал я. – Прямо по дороге в поле, а там скажу». Он шел впереди меня, ноги в коленях у него дрожали. Не оборачиваясь, глухо спросил меня, чувствовалось, что во рту его было сухо, как в песках пустыни: «Куда вы меня ведете?» «В наш штаб». «А для чего?» «Для призыва в армию». Он сразу выпрямился, расправил плечи и бодро зашагал. Когда я привел его к ребятам, его обыскали, но в карманах ничего не нашли, кроме кисета с махоркой. Я отозвал Дементьева в сторону, рассказал, что узнал от старика. Он внимательно выслушал меня, сказал: «Правильно решил, что привел Федьку». Дементьев подошел к ребятам, где сидел Федька, строго спросил: «Зачем выходил к немцам?» Лица Федьки не было видно в темноте, но бледность его чувствовалась. Его затрясло, как малярийного больного. Он начал, задыхаясь, не договаривая слова, невнятно объяснять. Путался: то к сестре ходил, то шел из мест заключения.

Дементьева, несмотря на его железную выдержку, болтовня Федьки вывела из терпения. Повысив голос, он сказал: «Перестань трепать языком. Твоя цель и твои планы нам ясны. Но ты подумай, срок тебе для этого пять минут. Верно служить будешь фашистам или нам?» Голос Федьки сорвался: «На верность могу принять присягу». «А раз так, то пойдем к тебе домой. Ты нам напишешь клятву о том, что ты, гражданин Советского Союза Спириин Федор Иванович, клянешься честью и своей жизнью ненавистного тебе врага, немецкого фашиста, уничтожать при всех удобных случаях, вредить ему везде, показывать ложные следы патриотов и производить разного рода диверсии и так далее».

Дементьев, Пеликанов и я пошли в деревню следом за Федькой. Он постучался домой, женщина лет 50-ти, сутулая, с длинными руками, открыла сени и ввела в избу. Лицо ее было все в глубоких морщинах. У стола на скамьях сидели две девушки, одна невеста, а другая – подросток. По-видимому, сестры. Федька им что-то нечленораздельно буркнул. Они ушли на кухню, отделанную ситцевой цветной занавеской. Он достал с божницы из-за икон свернутую в трубку ученическую тетрадь. Вырвав из нее лист, химическим карандашом коряво написал клятву, расписался, поставил число и вздохнул. Дементьев попросил его выйти с нами. Вышли в огород, Федьке был назван пароль. «Если к вам придет человек, старик это или женщина, в общем, кто бы ни был, и спросит "одолжите иголки с ниткой зашить дыры", вы должны оказать требуемую помощь, явно посильную для вас. Если же попытаетесь кого-либо выдать немцам, вас ждет смерть, притом и от нас, и от немцев. Если наши по каким-либо причинам не сумеют вас уничтожить, то бумага попадет в гестапо, где вас после продолжительных пыток повесят. Ясно вам, Федор?» Он сказал: «Да, все ясно. Буду служить верой и правдой советскому народу и государству».

Дементьев коротко проинструктировал Федьку по всем вопросам: «Немцам пока показывай себя как верного им помощника, на какую бы работу ни выдвинули, соглашайся. Данные для передачи нам старайся нигде не записывать, а запоминать, присматривайся к людям. Полицаев желательно подобрать из своих верных ребят. Зря не рискуй. К людям хорошенько присматривайся». Дементьев подал Федьке руку, и мы тронулись к ребятам.

Ночевали мы в зимнице, когда-то сделанной углежогами. Было приятно растянуться на коротких дощатых нарах. В зимнице было сначала холодно, но после того, как мы укутались шинелями и плащ-палатками, стало тепло, и никому не хотелось при подходе очереди заступать на пост, а затем бодрствовать и снова ложиться, но для здоровых молодых парней ночь была слишком коротка.

На рассвете Дементьев разбудил нас, и мы тронулись в опасный, неизвестный нам путь в направлении Новгорода. Шли мы целый день, старались держаться ближе к деревням, но не заходя в них. К концу дня было собрано более 100 человек. В деревнях уже можно было встретить не только полицаев, но и чистокровного арийца. Поэтому заходить в деревни было опасно. Собранные из отдельных групп люди, неделями шедшие из окружения, давно не видели хлеба. Все не просили, а требовали есть. Дементьев с Пеликановым, Пестовым и еще двумя бойцами ушли в небольшую деревню в поисках продуктов, откуда принесли два мешка картофеля и привели тощую раненую лошадь. Мясо и картошка были поделены, бойцы с большой осторожностью, кто сварил, а кто съел полусырое. Всю группу отправили для вывода из немецкого тыла со старшим политруком Федей Сидоренко. Он был направлен по своему желанию по болезни.

Когда-то в детстве Федя болел гнойным плевритом, но потом он вылечился, и болезнь больше не возобновлялась. Но сейчас, осенью, ночлеги на сырой земле, частые дожди не давали просушить одежду, приходилось спать в мокрой, при температуре воздуха иногда доходившей до нуля. Все это пагубно воздействовало на организм незакаленного солдата, сына учителя. Он стал сильно кашлять по ночам. В обеих сторонах грудной клетки появилась страшная хрипота. Находиться с нами ему грозило осложнениями. Он сильно похудел, нос заострился, лицо стало сероватым, походил на живого покойника. Сидоренко увел людей. Среди бойцов были местные жители, которые хорошо знали местность. Когда Сидоренко отправился, нас осталось девять. Продукты питания, не говоря о сильной экономии и бережливости, кончились. Дементьев ежедневно связывался по радиации с нашим командованием. Ему, по-видимому, были известны многие тайники с продуктами питания, или рассекречивало их ему наше командование. Он один уходил от нас на несколько часов, а иногда и на полусуток и возвращался нагруженный до предела, но почему-то тайников никому из нас не доверял. Все три отправленные нами группы без всяких приключений соединились с нашими. Об этом передало наше командование. За что всех нас благодарили и просили действовать энергичнее и оперативнее. Время шло быстро, несмотря на всю трудность и переживания.

Уже пошла третья декада сентября. Я шепнул Дементьеву, что сегодня, 22-го, у меня день рождения. «Сколько тебе стукнуло?» – спросил он. «Двадцать три». «По такому случаю надо сделать привал и отдохнуть». Он провел нас через какое-то болото в настоящую глухомань. Мы были поражены, когда обнаружили там группу наших бойцов в количестве 21 человек. У них была одна лошадь, на которую при переходах они вьючили все свое имущество. Старшим у них был невысокого роста красноармеец с густыми нависшими бровями, скуластый. Все звали его Павлом. На вопрос Дементьева, куда следуете, он отвечал: «К своим, а если существуют партизаны и встретимся с ними, то с удовольствием объединимся». «Ваша фамилия?» «Меркулов!» «Кто вы?» «Рядовой горнострелковой дивизии». На предложения Дементьева об отправке большой группы на соединение к своим он ответил, что в лесу сейчас очень много провокаторов, и вместо своих можно попасть в лапы фашистов.

В мой день рождения в этой глухомани мы устроили настоящий праздник. У этой группы ввиду моего 23-летия или просто по причине встречи появился даже спирт, и всем подано

было по 70-100 грамм. Продуктов у них было много: и консервы, и всевозможные концентраты супов и каш. Мы вместе обильно пообедали и поужинали, и они, не доверяя нам и нашим документам, ушли от нас ночевать. Мы постарались тоже отойти от места встречи на 2-3 километра. Остановились в еловом лесу, наломали елового лапника, постлали его под густые кроны елей, плотно прижавшись друг к другу, легли вшестером спать, один заступил на пост, еще один продолжал бодрствовать. Дементьев сказал, что пойдет в разведку в близлежащее село. Предупредил: «Будьте осторожны и избегайте повторной встречи с этой группой». Скрылся в наступившей ночной мгле. На посту стоять было неприятно, как командира и по случаю дня рождения ребята освободили меня от поста. После выпитого спирта и сытного обеда я крепко спал среди горячих тел ребят.

Проснулся, когда было совсем светло. Ребята еще спали. Где-то рядом стучал дятел. Ровный, почти что одновозрастный, еловый лес распространялся насколько мог видеть глаз. В него вкрапливались отдельные березы и осины, которые стояли среди остроконечных елей как исполины с приподнятыми вверх сучками. Мощные, но редкие их кроны занимали большое пространство, под ними ютилась молодая ель, не стесняясь и не таясь исполинов. Она прижималась к их стволам гибкими ветвями с жесткой вечнозеленой хвоей. Тянулась кверху и блокировала своими мало пропускающими свет кронами все пространство. Ежегодно сбрасывая семена, осины и березы густо обсевают землю под елями, однако всходы от недостатка света гибнут. Я лежал и думал, что между березой, осиной и елью идет беспощадная война, и победительницей здесь вышла ель. Береза с осиной уступили им всю площадь. Выбравшиеся в высоту отдельные исполины старятся, прекратили рост. В мощных стволах сердцевина гниет, образовались дупла. Гниль с каждым годом прогрессирует, захватывает и превращает в труху все новые здоровые участки. Парализуется корневая система. Сохнет крона, отвалится местами кора, но мертвое дерево еще будет годы стоять. В стволе заведутся древоточцы. Санитар леса дятел в поисках пищи будет выдалбливать их из древесины, образуя надрубы. Исполины годы будут стоять, грозя своими мощными мертвыми телами всему живому: «Мы еще подержимся и не уступим своего места». Но время беспрерывно, невозвратно идет. Корни в сырой земле разрушаются, под воздействием микробов и грибов превращаются в удобрение, при сильном порыве ветра мертвый ствол валится на ненавистную им ель, ломая на своем последнем пути все. Ель завоевала площадь, она вытеснила не только деревья, осины и березы, но и травянистую и кустарниковую растительность. Она ввела свои порядки, создала свой микроклимат, привела за собой свою растительность. Это очень короткое описание борьбы ели, березы и осины за существование. При всяком бедствии, обрушившемся на ель, вся площадь снова будет занята березой и осиной, и так происходит смена одной древесной породы на другую. В растительном мире становится тесно. Идет война за свет, влагу и питательные вещества. Но пока человеку хватает места на земле, хватало места и немцам у себя в Германии. Они решили уничтожить наш народ, нашу веками созданную культуру. Вместе с завоеванием нашей территории вводят свои порядки и, как ель, насаждают в наших деревнях, селах и городах свою сорную растительность.

Думы мои были прерваны окриком часового: «Стой! Кто идет?!» Чуть слышно кто-то ответил: «Свои». Ребята схватили оружие, заняли оборону. К нам пришли шесть человек из группы Павла Меркулова. Они просили направить их к своим. Решать, как с ними быть, я не стал. Сказал: «Оставайтесь, при очередной связи с нашими выясним, как быть». Связь со штабом держал Дементьев. Обстановка в нашей армии стабилизировалась. Появились фронты Ленинградский, Волховский и Северо-Западный. С обеих сторон организовались линии обороны на всем протяжении от Черного до Белого моря. Проходить к своим незамеченным было с каждым днем все трудней. Немцы становились бдительней и свирепее.

Один красноармеец подошел ко мне и сказал: «Товарищ командир, разрешите обратиться. Я брожу по лесам с июля. Все это настолько осточертело, порой думаю лучше уме-

реть, чем так жить. Я многое видел и много пережил. У меня только одно желание – к своим пробраться. А где они, свои-то, не знаю. Может, уже за Уралом. Мы много встречали наших людей в защитных гимнастерках и серых шинелях, искавших приют в лесу. Большинство их уже определилось. Многие, досыта набродившись, сдались в плен. Многие в поисках пищи выходили в села и деревни, оказывали немцам сопротивление, были пойманы, расстреляны или повешены, как партизаны. Кое-кто пристроился в своих деревнях к женам. Отдельные смазливые хитрецы подделались к вдовушкам, солдаткам и девкам. Вот такие дела на Руси, товарищ командир». «Парень отпетый, – подумал я. – Палец в рот ему не клади, откусит». Но он был прав, что все окруженцы определены. Кто пробрался к своим, кто нашел партизан. «Обязательно мы вас определим. Без дела не оставим», – ответил я. Он поблагодарил меня и ушел к своим ребятам. Дементьев появился во второй половине дня довольный, в хорошем настроении, побритый, выглядел бодрым. Пришедшим ребятам он посоветовал остаться пока здесь, оборудовать землянку. «Мы к вам будем направлять людей и формировать отряд для отправки к своим». Назначил одного из них старшим. Мы покинули гостеприимный остров, расположенный среди болот. Я спросил Дементьева, почему он оставил ребят на острове без продуктов. Дементьев ответил: «Ребята сказали, что знают большой склад с продовольствием. Я им поручил перенести продукты и попрятать в разных местах. Ребята вроде надежные. Они нам еще пригодятся. А к своим их еще поспеем отправить».

Глава одиннадцатая

Шел четвертый месяц войны. Ежедневно она уносила десятки тысяч человеческих жизней. В этой войне штык с клинком уже были бессильны. Воевала техника. Решающая роль принадлежала танкам, самолетам, самоходным орудиям, автоброневикам, автомашинам и так далее.

В первые дни войны даже немецкие мотоциклы наводили ужас на наших необстрелянных солдат. Немецкая армия была оснащена техникой лучше, чем наша. С первого дня войны они были хозяевами неба и земли. Однако наши люди быстро нашли способы уничтожения фашистских танков и самолетов. Ценой своей жизни наши парни бутылками с горючей смесью уничтожали танки, самоходки и автомашины.

Сентябрь 1941 года был холодным. Белесые осенние кучевые облака быстро бежали по небу. По-осеннему яркое солнце выглядывало из-под облаков и опять скрывалось, образуя на поверхности земли бегущие светлые тени. Листья с деревьев падали, покрывая почву мягким разноцветным покрывалом. Деревья становились почти голыми, удерживали на себе только защищенные от ветра листья, которые при порывах ветра или из-за неосторожно севшей птицы отрывались, медленно планировали в воздушном течении и осторожно ложились на своих собратьев. Белка, свободно гулявшая летом, не обращавшая внимания на окружающую среду, теперь пряталась, прижимаясь к стволу дерева, сучкам и сливаясь с ними в один цвет.

Мы шли болотами и чащобами, стараясь держаться дальше от населенных пунктов. Преследовали нас сойки, раскрашенные во все цвета радуги. Своими криками они призывали к бдительности все лесное население.

Часто вместе с сойками участвовали сороки, которые держались далеко впереди нас, своей трескотней показывали направление нашего движения. Отделаться от этих докучливых птиц можно было только выстрелом.

Не только ночи, но и дни стояли холодные. На поверхности воды намерзал тонкий прозрачный лед.

В темные осенние ночи по чуть заметным лесным дорожкам, не обозначенным на карте, идти было невозможно. Поэтому шли днем. Костры разжигать ночью было опасно, поэтому для сна использовали муравейники, подгребая к ним опавшие листья и покрывая еловым лапником. Получалась мягкая, но холодная постель. Несмотря на легкие осенние утренние морозы, в лесу встречались одиночки и группы в три-четыре человека, одетые в замызганные серые шинели, в пилотках, натянутых на уши, а иногда одетые в гражданские костюмы. Некоторые из них были вооружены винтовками, большинство – безоружные. Многие, по их словам, бежали из плена. Все они были обросшие, грязные. Среди них были провокаторы, подсланные немцами. Люди пробирались домой в оккупированную деревню или село. Немногие стремились выйти к своим и снова воевать.

На одном из привалов радист Кропотин Коля принял радиogramму: «Прекратить бесполезные поиски. Займитесь разведкой. Установить движение войск к фронту. Номера дивизий, численность, род войск. Держите связь с партизанами. Организуйте диверсионные группы».

Полностью текст радиogramмы Дементьев всем не объявил. Он сказал, что штаб требует заниматься разведкой.

Обычно Дементьев уходил от нас на сутки или двое, но не более. Как правило, один. На этот раз он сказал, что одному идти стало опасно, в попутчики выбрал меня. Подкрепившись горячей картошкой и половинкой сухаря весом в 50 грамм, во второй половине дня мы тронулись в путь. Старшим группы был оставлен Пеликанов, остались они, как выразился Дементьев, в недоступном для врага месте. Поэтому за их безопасность нечего было беспокоиться.

Мы шли сначала лесом без всякой дороги и даже тропы. Затем вышли на еле заметную заросшую квартальную просеку, которую пересекала небольшая конная дорога. На нее мы и свернули. Через полтора часа вышли в поле. На опушке леса спрятались в густые заросли ели. Вдали виднелась небольшая деревня.

Дементьев внимательно, в течение получаса, смотрел в сторону деревни, затем глубоко закурил и затянулся. Дым изо рта выпустил в рукав и полушепотом проговорил: «Пошли! В деревне немцы».

Мы снова углубились в лес. Шли по незнакомым тропинкам, еле заметным дорогам, а иногда прямо лесом. Ориентироваться было почти не по чему. Но Дементьев шел уверенно, прямо.

С наступлением темноты вышли к одиноко стоящему посреди леса дому. Признаков жизни в нем не было. Подойдя к дверям, Дементьев тихо постучал. Заскрипела дверь избы, затем без всякого предварительного опроса открыли сени. Дементьев дал мне знак стоять на месте, а сам скрылся в темноте сеней. Мне показалась странной немая игра, спросить о которой я не осмелился. Через 3-5 минут он появился и рукой показал мне следовать за ним. В 40-50 метрах от дома были видны очертания бани. Мы вошли в нее, следом за нами явился и хозяин. Он, хорошо замаскировав окно, зажег свечку. В бане было тепло, имелась горячая вода. Я охотно вымылся, но Дементьев отказался. Хозяин был среднего возраста, несколько сутулый, курносый, с резко выраженными скулами и низким закрытым волосами лбом. Он принес хлеба, горшок картошки и кусок вареного мяса. Сидел и наблюдал, пока мы ели, не проронив ни слова.

Когда с харчами было покончено, хозяин забрал горшок и ушел. Мне было не по себе. Я думал, что есть какая-то тайна, которую от меня скрывают. Когда он ушел, я спросил Дементьева, что за игра в молчанку. Он мне ответил: «Ложись, спи, сейчас некогда, по пути расскажу».

Мне показалось, что только я уснул, как тут же был разбужен. Как приятно было спать в теплой бане, притом чисто вымытым. Сборы солдата коротки. Мы вышли из бани. Ночь была темная. На безоблачном небе ярко светили звезды. Всем телом чувствовалась прохлада. Холодный влажный воздух проникал во все поры летней солдатской одежды. Мы шли молча, медленно, сначала по дороге, затем прямо по полю рядом с каким-то селом, снова вошли в лес.

Лесом мы шли напрямую без дороги. На юго-востоке начала отделяться светлая полоска неба. Она постепенно увеличивалась, и появились первые отблески матовой красной зари. Дементьев остановился и тихо сказал: «Мы уже у цели».

Выбрав место поудобнее, мы залегли в 5 метрах друг от друга. Место было действительно удобное, нашему взору за крутым, но не очень глубоким оврагом открывался участок дороги длиной в 200-250 метров. Дно, откосы и края оврага заросли мелкой елью, являлись хорошим препятствием для врага в случае нашего обнаружения. Я мысленно позавидовал Дементьеву, его смекалке разведчика. По шоссе шли редкие автомашины, открытые и закрытые брезентом.

В девятом часу утра начала свое движение испанская воинская часть, по-видимому, входившая в состав Голубой дивизии. Шли конные обозы. Шли колонны солдат. Навстречу им с лопатами и кирками, еле передвигая ноги, грязные, обросшие, изнуренные, в прожженных шинелях, большинство в ботинках без обмоток, шли под конвоем русские военнопленные.

Испанские добровольцы, некоторые со злобой, некоторые равнодушно, а некоторые с сожалением смотрели на людей, обреченных на смерть. Их вели конвоиры с собаками, вероятно, на работу.

Испанцам была уже чувствительна русская зима, хотя стояла глубокая осень. Октябрьские легкие заморозки напоминали, что скоро начнется настоящая зима. Легкая изящная форма, приспособленная для южного климата, с фашистскими знаками отличия, свободно фильтровала чистый холодный русский воздух. Тело, привыкшее к жаре, при ощущении

холода становилось бугристым, как гусиная кожа. Они надеялись на легкую победу, большие трофеи в России и ласки русских женщин. Войну представляли уже почти оконченной и ехали добывать разбитую, по словам немцев, русскую армию коммунистов, скрывающуюся в лесах. Об этом шумела испанская и немецкая печать. Войска их больше походили на цыганские таборы. Солдаты в обозах были одеты в смешанную форму, русского мужика и испанскую военную. У многих на одной ноге был валенок, на другой – кирзовый сапог. Холод заставлял отбирать у населения полушубки, тулупы, зипуны, зимнее пальто, некоторые щеголяли в женской одежде. На головах русские шапки-ушанки, женские платки и шали. Ехали они весело, с гитарами и аккордеонами, распевая не только свои, но и русские песни. Немцы на них смотрели свысока и говорили о них с иронией.

Господин Франко посылал им хороших помощников. В населенных пунктах испанские солдаты, как саранча, опустошали всех жителей. Забирали все съедобное, теплую одежду и обувь. Уводили коров, свиней и овец, резали на месте и хозяину оставляли одни рожки да ножки. Увидев курицу, для солдата Франко не составляло труда отстать от своей части до полной победы над несущей.

Вшивая испанская дивизия занимала оборону по оккупированному побережью озера Ильмень, от устья Волхова до устья реки Шелонь. Город Новгород наполнился непрошеными гостями. До сознания темпераментных южных людей дошло только тогда, когда они начали строить линию обороны и услышали артиллерийскую канонаду, доносившуюся с Волховского фронта, что русская армия не скрывается в лесах, а мощно обороняется.

Нам без движения лежать было холодно, руки и ноги немели, но шевелиться было нельзя, так как по шоссе непрерывным потоком двигалась испанская вшивая дивизия. Обозы чередовались с артиллерией на конной тяге и пешими пехотинцами. Одно неосторожное движение могло быть замечено, и пришлось бы быстро убегать. От нечего делать в голову лезли разные мысли. Зубы периодами выстукивали чечетку.

Я думал: большинство этих веселых молодых испанских парней обретет вечный покой на новгородской земле. Нет, господа фашисты, преждевременна ваша радость и легкая победа. Если кому из вас повезет, и судьба возвратит в Испанию, до самой смерти вы будете с дрожью в теле вспоминать о России и ее людях. Для нашей армии и русского народа зима хотя и тяжела, но привычна. Мороз и снег будут главными помощниками не вам, а нам. Придет декабрь, и его сменит январь, для нашей армии они будут тяжелые, а для вас – еще тяжелее.

Иногда шоссе пустело, можно было разминать руки и ноги в положении лежа. Надоело лежать и Дементьеву. В половине дня он подал сигнал ползти по-пластунски в лес. Я прополз метров двести, затем встал. Шоссе не было видно. Мы двинулись в обратный путь. Как быстро мы ни шли, согреться я не мог. Не доходя более километра до кордона, где мы ночевали в бане, в лесу нас встретил хозяин и вручил нам набитые продуктами четыре вещевых мешка. Приспособив по два мешка, как навьюченные лошади, мы снова двинулись в путь. Сначала груз казался не очень тяжелым. После прохождения 1 километра он стал тяжелым. Тело холода уже не ощущало, стало жарко, сначала пот появился на голове, через некоторое время рубашка стала липнуть к мокрой спине.

К ребятам мы возвратились в 10 часов вечера. От стояния на посту я был освобожден и спал ночь спокойно, среди теплых тел товарищей. Всю ночь холодный порывистый ветер шумел в кронах деревьев, стучался с силой в нашу хижину, сделанную из плащ-палаток, стараясь ее опрокинуть. Свинцовые тучи, плотно окутав небо, двигались с большой скоростью, временами извергая на землю потоки воды и снежной крупы. Чуть забрезжил рассвет, мы снова двинулись в путь. Целый день шли лесом, к вечеру было выбрано место ночлега.

Более двух месяцев мы скитались по лесу, боясь заходить в деревни, по хмурым лицам ребят было видно, что эти бесплодные прогулки всем надоели. Говорили между собой в отсутствие Дементьева, что шляемся без дела и пользы. С каждым днем от него ждали какой-то

определенности, но он молчал. По его виду можно было судить, что в дальнейшем ничего хорошего нас не ждет. Молчание и покорность перешли в ропот. Он снова не ночевал с нами. Отдохнув четыре-пять часов, ночью отправился, забрав с собой радиста Кропотина, Пестова и Завьялова. Нам сказал, что на сей раз уходит на три, а может на четыре дня.

Соорудив из плащ-палаток шалаш, замаскировали его еловыми сучками. Вырыли землянку для приготовления пищи. Мы отдыхали и спали. Дни шли медленно. Прошло четыре дня. Дементьев не появлялся. Ночью от нас ушли Шевчук и Евтушенко, забрали с собой все наши продукты. Нам оставили свои автоматы и боеприпасы. Мы остались втроем. Голодные лежали целый день, и, хуже всего, ни у кого не было табака. Прошла еще ночь. Мы напрягали свой слух до предела. Ждали подхода Дементьева как спасителя от голода, но он не появлялся. Решено было идти и искать что-нибудь съедобное.

Вышли на проселочную дорогу. Встретили старика, который рассказал, что в 4 километрах отсюда его деревня. В деревню девять дней назад пришли 15 немцев во главе с унтер-офицером. Забрали хлеб, картофель и скот. У одной женщины они обнаружили пятерых красноармейцев. Сразу вывели их и на глазах у всего честного народа расстреляли. Женщину за скрытие комиссаров повесили. Двое были тяжело ранены. Трое ребят мечтали вывести из тыла врага своих товарищей. За спасение друзей сами получили смерть. Кто они были, старик не знал, так как их вывели стрелять в одном белье. Он сказал, что все немцы поселились в доме расстрелянной. Охраняет дом один немецкий часовой, и по деревне ходит патруль из русских полицеев. Старик нарисовал нам план деревни, указал все дома и постройки – с окнами, крышами и трубами. Он даже дал нам короткий совет, где лучше схватить патруль. Сказал, что на самом конце деревни стоит старый дом, в котором никто не живет более 10 лет. Окна его забиты досками. Деревянная кровля наполовину сгнила. Патруль, проходя 3-4 метра мимо этого дома, поворачивает обратно. Ходит по одной стороне улицы, так как она более сухая.

Старик возмущался произволом немцев. В русской деревне они чувствовали себя как в родном доме, не только забирали продукты, но и рылись в сундуках. Все тряпки, которые нравились, забирали. Некоторые пытались протестовать против такого произвола. Но после принятия двух десятков розг безропотно мирились с немецкими порядками.

Мы строго предупредили старика, чтобы он молчал о том, что видел нас. О своих пустых желудках мы не сказали ни слова. Нашли большую рябину, на которой было очень много ягод – лакомства дроздов. Мы их набрали полные карманы. Пеликанов остался у рябины подождать пернатых гостей. Наевшись ягод, мы со Слудовым отправились к нашей палатке. Дементьева еще не было, и нам было очень опасно оставаться на этом месте, потому что Евтушенко и Шевчук могли попасть к немцам и при допросе выдать нас.

К вечеру явился Пеликанов с пятью убитыми дроздами. Мы их сварили и чуть подкрепили свои желудки. Но голод еще с большой силой давал себя чувствовать.

Немцев, по предложению Пеликанова, мы решили проучить. Силенок у нас было мало, но ночь темная должна была нам помочь. В 2 часа ночи мы, как хищники, подошли к деревне. На нас троих было 12 гранат, три бутылки с горючей жидкостью, по запасной кассете на автомат. Спрятались все за полуразрушенным домом, стоящим на краю деревни. От дома пахло старостью и ветхостью. В мирное время стоять около него было бы жутко. Но сейчас нервы у всех были напряжены до предела. Все ждали патруля. Минуты казались вечностью. Слышен был стук собственного сердца. Казалось, что стучит оно как молот, и его слышит не только патруль, но и спящие люди.

Патруль с большого расстояния дал о себе знать. Он шел по деревне, насвистывая какую-то мелодию, подражая немцам. Его шаги были слышны за 200 метров. Мы с Слудовым плотно прижались к стене дома, а Пеликанов притаился за углом, вытянув свое гибкое тело, как рысь, готовая к прыжку. Медленно ступая тяжелыми сапогами, патруль подходил к дому. Вот он поравнялся с углом, за которым стоял Пеликанов. Пеликанов мелькнул тенью.левой рукой

зажав рот патруля, правой нанес удар ножом. Мы, стоящие рядом, не слышали ни звука. Тело патруля обмякло и медленно стало как бы садиться на землю. Пеликанов помог ему лечь. Мы, соблюдая интервал в 10 метров, пошли искать дом с немцами. Я шел первый. Рассказ и чертеж старика были оригинальны и правильны. Издали мы определили дом, где спали немцы. Охраны не было, подошли вплотную.

Я заглянул в окно. В это время на мгновение вспыхнула зажигалка и осветила всю избу. От стены до стены, через всю избу были сделаны нары. Маленький домишко превратился в военную казарму. На нарах в разных позах спали немцы. У самой двери на нарах сидел часовой, зажав между ногами винтовку, в момент вспышки зажигалки прикуривал сигарету.

Во все три окна в одно мгновение мы бросили по три противотанковых гранаты. В ночной тишине раздался страшной силы взрыв. Сидевшего у двери часового взрывной волной выкинуло в сени. Потолок в избе обвалился. В довершение мы бросили три бутылки с горючей смесью. Яркое пламя озарило всю улицу. Живые немцы горели под обрушившимся потолком. Слышны были стоны и слабые крики. Контуженный часовой выполз на улицу, волоча за собой винтовку. Слудов с Пеликановым хотели бросить его в горящий дом. «Не надо. Оставьте его, пусть ползет дальше», – крикнул я. Отнял у фрица винтовку и бросил в огонь. Немец переполз на четвереньках улицу и скрылся за домом.

Деревня словно вымерла. На улицу никто не показывался. Ни шороха, ни скрипа дверей. На этом наша операция "Мечь", как ее окрестил Слудов, закончилась.

Быстро достигли нашего места базирования, где нас ждал Дементьев. С ним был только один Завьялов. На наш вопрос, где Кропотин и Пестов, он сказал, что об этом потом. Строго спросил: «А где были вы?» Пеликанов рассказал ему об уничтожении немцев. Он обвинил нас в неразумном поступке: «Немцы этого не простят местному населению, и из-за вас могут погибнуть ни в чем не повинные старики, дети и женщины. С этой операцией не надо было спешить. Брать немцев надо было живыми, в чем предоставлялась полная возможность, а затем их судить и вешать, как они вешают наших, чтобы знали они, что за каждого убитого раненого старика, ребенка, женщину есть народные мстители. Одного из них отпустить, пусть идет и расскажет своим, что видел».

Дементьев тихим монотонным голосом еще долго говорил о наших ролях и задачах в тылу врага. Я его прервал: «Не пора ли нам, дорогие товарищи, убежать отсюда. На обсуждение наших поступков у нас хватит времени. Шевчук и Евтушенко украли у нас все продукты. Мы трое суток ничего не ели». Дементьев вытащил из-под ели вещевой мешок с продуктами, где их было немного: три банки консервов, 2-3 килограмма сухарей и концентраты пшенной каши и горохового супа. «Это все?» – спросили мы в один голос. Он ответил: «Да, пока все». Поделил содержимое мешка на нас троих. «А сейчас пошли, на привале пообедаем».

На юго-востоке сквозь сплошную облачность появился белесый пояс, он начал распространяться выше по куполообразному потолку облачного неба, а затем рассвело совсем. Вид у Дементьева был усталым, щеки обросли чуть посеребренной черной щетиной и запали. Резко выдались вперед скулы, глаза округлились. «Что с вами?» – невольно вырвалось у меня, когда он велел мне подойти и шагать рядом с ним. Видно было, что идти ему было очень трудно, поэтому я предложил сделать привал и сварить завтрак из концентратов горохового супа. Выбрали лесную лошину в виде небольшого оврага, развели в выкопанной яме под густой старой елью костер. В котелках варили кто гороховый суп, кто кашу. Тогда только Дементьев нам объявил, что Пестов Ваня погиб, а Кропотин отведен со своей рацией в более безопасное место – таскать за собой рацию было тяжело и небезопасно.

Дементьев снял шапку, мы последовали его примеру и сняли пилотки. Он сказал полупшепотом: «Вечная память храброму советскому воину Ване Пестову, погиб как герой. А случилось это так!» Он кивнул головой Завьялову.

Завьялов стал рассказывать: «Кропотина с рацией мы оставили одного на лесном кордоне». Дементьев посмотрел на меня и вставил: «Там, где мы были». Завьялов продолжил: «Дементьев сказал нам, что надо зайти в одну деревню, где нет немцев, и загрузиться продуктами. Староста там свой человек. После ночлега в лесу около восьми часов утра пришли в деревню и вошли в дом к старосте. Местное население нас, по-видимому, приняло за полицаев. Дементьев поздоровался как старый знакомый, называя его по имени и отчеству. Сказал, что нужны продукты. Староста послал своего сынишку в сени, первый раз он принес нам, что смог донести, и отдал нам. Мальчишка ушел за продуктами второй раз и исчез.

Ваня Пестов, наблюдательный и любознательный, вышел в сени и, видя, что мальчишка вышел в огород и кинулся бежать задами деревни, понял, что это измена. Пестов вбежал в избу, крикнул: «Бежим, измена!» Мы выбежали в огород, пробежали не более 500 метров. В деревне залаяли собаки, было видно, что по улице движутся немцы и полицаи с собаками на поводу. Они выбежали в поле и устремились за нами, крича на ходу: «Русь, сдавайся. Сталин капут». Над нами засвистели пули. До опушки леса было еще около километра. Мы бросились в овраг, заросший с обеих сторон кустарником и ведущий прямо в лес.

Дно оврага было ровное, чистое, шириной от 5 до 20 метров. Мы пробежали около километра, но лай собак от нас не отставал, держался на одном расстоянии. Каратели бежали за нами следом, на ходу короткими очередями стреляли из автоматов. Силы были неравные, принимать бой было большим риском. Бежать быстро не могли, так как за день прошли уже более 20 километров. Мы сделали бросок еще метров на 500 по дну оврага. Быстро забрались на склон, двинулись навстречу врагу. Выбрав узкое дно оврага не более 2 метров и удобные для стояния места в густом молодом ельнике, приготовили противотанковые гранаты. Другого выхода у нас не было. Взятые след собаки от нас не отстали бы. Надо было принимать бой. Лучше погибнуть в неравном бою, чем быть повешенным веревкой за шею на первом толстом сучке. Мы находились на 20 метров выше дна оврага. Места подобрали удобные. Дементьев сказал: «Гранаты кидать по моему сигналу. Я в голову колонны, ты – в середину, а Пестов – в конец». Немцы, ничего не подозревая, шли скученно, держа наготове оружие, изредка стреляя короткими очередями, с силой удерживая собак, рвущихся по нашему следу вперед.

Когда голова колонны поравнялась с Дементьевым, он поднял гранату. Мы разом кинули противотанковые гранаты вниз на немцев. Они, не долетая до земли, разорвались над их головами. Следом было брошено еще по одной гранате Ф-1. Ошеломленные внезапно люди вместо того, чтобы бежать вперед или назад по дну оврага, скучились, как стадо баранов, у многих потянулись кверху руки. Их было 36. Они все от взрыва гранат легли на землю. Много было убитых и раненых. Длинными очередями застрочили наши автоматы по скучившимся, лежавшим немцам и полицаям.

Уцелевшие люди и собаки бросились назад. Пестов кинул еще одну гранату в убежавших и медленно повалился на дно оврага. Уцелевшие немцы и русские полицаи убежали. Мы быстро опустились на дно оврага. Подошли к Ване Пестову, он был мертв. Пуля вошла в правый висок и вышла на левую сторону головы, чуть выше уха. Пятнадцать человек лежало убитых, из них один полицай. Погибли две немецкие овчарки».

Завьялов в качестве доказательства высыпал из вещевого мешка три парабеллума, 21 автоматную кассету и около 40 пачек немецких сигарет «Прима», документы одного офицера и двух полицаев.

«Ваню Пестова мы отнесли примерно на километр от места гибели, пока не схоронили, а замаскировали листьями и сучками, так как в овраге снова послышалась автоматная стрельба. Опомнившиеся немцы шли уже обоими берегами и дном оврага, но медленно и с большой опаской. Нам дали возможность уйти от преследования».

Пока Завьялов говорил, мы съели свой скудный завтрак и не наелись, а только раздражили желудки, есть хотелось еще больше. «Пошли, товарищи», – с хрипотой в голосе прого-

ворил Дементьев. Все поднялись и пошли. «Нас осталось пятеро из двенадцати. Что нас ожидает сегодня-завтра, неизвестно. Смерть не страшна. Страшен холод и голод. Всего страшнее ранение и болезнь. Это страшнее смерти».

Шли мы целых два дня. Поверхность земли замерзла, хорошо приподнимая человека над грязью. Лужи покрылись нетолстым слоем льда. Лед над ними поднялся, создавая из теплого воздуха пространство, которое тормозило промерзание грязи.

Остановку сделали в давно заброшенной лесорубами или углежогами зимнице. Очистили ее от мусора, перестлали нары, отремонтировали во многих местах проржавевшую железную печку. На нары настлали толстый слой мягкого душистого елового лапника. Ночь спали лучше, чем в раю. Утром последний раз позавтракали, собрав остатки продуктов. «Сейчас, граждане, запевайте, – шутил Пеликанов, – а зубы вешайте на гвоздь или кладите на полку». Дементьев успокаивал нас: «Не падайте духом, продукты завтра к вечеру будут». Он вычистил автомат и пистолет, зарядил кассеты. Попрощавшись, снова исчез в лесу, как иголка в стогу сена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.